

Владимир Колганов

ЗАГАДОЧНАЯ РУСЬ

от Рюрика до Путина

12+

Владимир Алексеевич Колганов

Загадочная Русь: от Рюрика до Путина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54890257

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-06326-6

Аннотация

История России до сих пор таит в себе множество загадок. Довольно часто широкой публике вместо обоснованных гипотез предлагаются теории, основанные на ложной интерпретации известных фактов. В этой книге предпринята попытка разобраться в том, что происходило в критические, поворотные моменты истории России со времён легендарного Рюрика до наших дней. Автору удалось объяснить многие политические решения, принятые руководством государства. В списке использованных материалов более ста восьмидесяти ссылок. Обложка оформлена автором, фотография Земли существенно переработана.

Содержание

Часть 1. От городища до империи	5
Глава 1. Древнерусские летописи	5
Глава 2. Неизвестный по имени Рюрик	14
Глава 3. «Исконно-русские» версии	25
Глава 4. Южно-балтийская версия	39
Глава 5. Хакан русов	48
Глава 6. Ладожская версия	57
Глава 7. Поход на Константинополь в 860 году	66
Глава 8. Приазовская версия	97
Глава 9. Аскольд и Дир	110
Глава 10. Остров русов	122
Глава 11. Конец норманской теории?	131
Глава 12. Русь рогов и славян	177
Глава 13. Грозный и опричнина	186
Глава 14. Завещание Петра	195
Часть 2. «Мы наш, мы новый мир построим»	218
Глава 15. Деньги на революцию	218
Глава 16. Джейкоб Шифф и права человека	252
Глава 17. Иллюзии и неизбежность	274
Глава 18. Напрасные хлопоты	291
Часть 3. Всё только начинается	311
Глава 19. Колумбийский след перестройки	311
Глава 20. Многоходовка Юрия Андропова	332

Глава 21. Спаситель или гробовщик?	365
Глава 22. Крёстный отец президента	380
Список использованных материалов	409

Владимир Колганов

Загадочная Русь: от Рюрика до Путина

Часть 1. От городища до империи

Глава 1. Древнерусские летописи

Когда читаешь работы историков, посвященные возникновению русского государства, возникает вполне логичный вопрос: почему за триста лет они так и не смогли прийти к единому мнению и продолжают спорить, пытаюсь опровергнуть аргументы оппонентов? Основная причина заключается в скудости наших знаний о событиях IX века, однако установлению истины мешает и неоднозначная, иногда тенденциозная интерпретации тех немногих сведений, которые мы находим в летописных источниках IX-XII вв.

К сожалению, русские летописи не могут служить надёжным основанием для построения гипотезы происхождения Руси. Легенда о Кие, основателе Киева, а также рассказ о призвании варягов годятся только для учебника начальных классов школы. Наверняка эти тексты писались по заказу

князей и церковных иерархов, поэтому нередко факты приукрашивались или искажались с учётом политических интересов правящей элиты.

И всё же для большинства исследователей истории древней Руси исходным документом, с чтения которого начинается построение гипотез, стала «Повесть временных лет» (ПВЛ). Принято считать, что в начале XII века её написал Нестор, монах Киево-Печерского монастыря. Но можно ли доверять источнику, в основу которого положены неизвестные нам древние летописи, легенды и предания?

В ПВЛ сказано, что племена, населявшие территорию к востоку от Балтийского моря, издавна противостояли вооружённым людям, которые «приходили из-за моря» и пытались обложить данью местное население – словен, обитавших близ озера Ильмень, чудь, кривичей и другие племена. В древнерусских летописях агрессивных чужеземцев с побережья Балтики принято было называть варягами. Однако автор ПВЛ утверждает, что варяг Рюрик был приглашён княжить, а не пришел на эту землю как захватчик. Здесь вот что странно: обычно борьба с общим врагом объединяет разрозненные племена, но если верить Нестору, получается так, что вольные народы, жившие довольно дружно, передрались между собой и решили призвать строгого начальника со стороны, откуда-то из-за моря. Причём, изгнав одних варягов, словене и кривичи пошли на поклон к другим варягам, как бы признав, что были неправы, отвергая притязания незва-

ных пришельцев на свою территорию.

С.М. Соловьёв, историк XIX века, автор «Истории России с древнейших времён» понял слова Нестора буквально, не вдаваясь в детали. Вот какие откровения находим в его книге (том 1, глава 4):

«Летописец начальный говорит, что варяги были изгнаны и потом снова призваны; летописцы позднейшие говорят, что как скоро один князь был изгоняем или сам удалялся из Новгорода, то граждане последнего немедленно посылали за другим: они не терпели жить без князя, по выражению летописца».

Это напоминает анекдот без начала и конца, поэтому вполне логично, что Д.С. Лихачёв в своих комментариях к «Повести временных лет» не счёл возможным назвать призвание варягов достоверным фактом:

«Легенда о приходе из-за моря Рюрика, Синеуса и Трувора со всем своим родом Русью, от которого и "п р о з в а с я Русская земля" <...>, чистый домысел, трафарет исторического мышления летописца, его гипотеза, с которой пора перестать считаться».

Однако напрасно Лихачёв так неласково охарактеризовал древнего летописца, поскольку в опровержение слов Нестора он не смог предложить ничего кроме самых общих фраз:

«Нет никаких серьезных оснований считать, что слова "Русь" и "русьский" первоначально означали только варягов, или только южное племя полян, или только господствующую

"верхушку" русского населения».

Конечно, нельзя однозначно доверять сведениям из ПВЛ, если они не подтверждаются другими средневековыми источниками. Но, прежде всего, вызывает сомнения датировка событий IX века. К примеру, согласно ПВЛ поход Аскольда и Дира на Константинополь случился в 866 году от рождения христового (в 6374 году от сотворения мира), тогда как из византийских источников доподлинно известно, что это событие имело место в 860 году.

Попытку объяснить подобные расхождения в датах предпринял А.А. Шахматов в работе «Хронология древнейших русских летописных сводов», опубликованной в 1897 году. Нас будут интересовать только даты не позднее 866 года. Итак, вот что написано в ПВЛ о походе на Константинополь: «В лето 6374. Иде Аскольдъ и Дирь на Греки, и приде въ 14 лето Михаила цесаря».

Каким же образом автор ПВЛ вычислил дату похода, если ему известно было только время пребывания Михаила III на византийском престоле? Шахматов предположил существование некоего Начального свода, который во многом стал источником сведений для автора ПВЛ и его предшественников. Судя по всему, составитель Начального свода нашёл в болгарском переводе «Хроники Георгия Амартола» указание на год вступления Романа на византийский престол, вычел 78 лет (суммарное время царствования других императоров) и получил 6350 (842) год – начало царствования Ми-

хаила – что соответствует истине. Затем всё тот же составитель принял обозначение главы 12, описывающей поход русов на Царьград, за продолжительность пребывания Михаила на троне и сделал вывод, что поход был в 6362 (854) году.

В свою очередь, предполагаемый составитель первой редакции ПВЛ, прочитав Начальный свод, решил, что год 6362 (854) означает начало царствования Михаила, и принял его за «начало Русской земли». Далее прибавил 12 лет (та же ошибка, что и у составителя Начального свода) и получил 6374 (866) год – год похода Аскольда и Дира на Царьград.

По мнению Шахматова, составитель второй редакции ПВЛ решил устранить неточности первой редакции:

«Основываясь на том, что от первого лета Михаила и года, когда началась Русская земля <...>, прошло до первого лета Святослава 83 года, он вычел эти 83 года из 6453 г. (смерть Игоря); в результате оказался 6370 (862) г., который и признан им за год начала земли Русской – за год призвания князей. Им он и заменил 6362 (854) г. Начального свода и первой редакции».

Итак, историография Руси началась с комедии ошибок, что совсем не удивительно. Даже современные историки нередко ошибаются, хотя обладают куда более обширными знаниями, чем Нестор и его предшественники. Что же касается датировки событий в ПВЛ, то в завершение своей статьи Шахматов делает следующий вывод:

«Предыдущее исследование приводит нас к заключению,

что в нашей древней истории до 945 г. достоверными могут быть признаны лишь следующие годы, занесённые в летопись: 907-й (договор Олега с греками, 912-й (договор Олега с греками, 941-й (поход Игоря на греков), 945-й (договор Игоря с греками и смерть Игоря)».

Тем самым, Шахматов отвергает возможность призвания Рюрика в 862 году. Вот что написано в ПВЛ о призвании варягов:

«В лето 6370. И изгнаша варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собе володети. И не бе в нихъ правды, и вѣста родъ на род, и быша усобице в них, и воевати сами на ся почаша. И ркоша: «Поищемъ сами в собе князя, иже бы володелъ нами и рядиль по ряду, по праву.» Идоша за море к варягом, к руси».

Шахматов основывает свой вывод на сведениях из «Бертинских анналов» (*Annales Bertiniani*. 1826), согласно которым византийцы знали народ «рос» (рус, русь) ещё в 839 году. Кроме того, он ссылается на Амастридскую и Сурожскую легенды о нападении русов. И далее пишет:

«Имеется ряд указаний на давнее местопребывание руси именно на юге, и в числе их не последнее место занимает то обстоятельство, что под "Русью" долгое время разумелась именно юго-западная Россия и что Чёрное море издавна называлось Русским».

Следующий вопрос, неизбежно возникающий у дотошного читателя при чтении ПВЛ: можно ли доверять сведениям

автора, если он не приводит никаких ссылок на источники? Результаты исследования этой проблемы Шахматов изложил в «Сказании о призвании варягов», опубликованном в 1904 году (Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, СПб, с. 320).

Для начала Шахматов задаётся следующим вопросом. Если русь тождественна варягам, отчего было не сказать: «И идоша за море къ Руси»? В итоге он приходит к выводу, что «первоначальный вид Сказания о призвании князей говорил только о варягах», а упоминание руси – это позднейшая вставка киевского составителя ПВЛ.

Шахматов обращает внимание и на фразу из ПВЛ о дружине Олега (882 г.): «и беша у него мужи Варязи и Словене, и оттоле прозвашася Русью». Поскольку русь в составе дружины Олега не упоминается, Шахматов делает вывод, что «Словене и Варязи прозвались Русью, только перейдя на юг, в Киев». Более того, «новгородцы вообще очень не скоро назвались русскими, а в XII-XIV в. под Русью они разумели, судя по их летописям, сначала Киевскую, а потом Суздальскую область».

Итак, Шахматов считает домыслами составителя ПВЛ упоминания варягов-руси («те варяги назывались русью») до прихода Олега в Киев. И лишь в описании событий 882 года, видимо, случайно сохранился текст Начального свода без существенных изменений. Действительно, в Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ) текст о призвании

варягов отличается от того, что написано в ПВЛ. Вот что читаем в НПЛ:

«И реша к себе: "князя поищемъ, иже бы владеть нами и рядиль ны по праву". Идоша за море к Варягомъ и ркоша: "земля наша велика и обилна, а наряда у нас нету; да поидете к намъ княжить и владеть нами"».

В этом отрывке нет упоминания руси. Однако Шахматов так и не смог ответить на вопрос: «Почему северное предание сообщало о призвании варягов, а южное – об иноземном варяжском происхождении Руси?»

Есть некая недосказанность и в рассмотренной выше «Хронологии». Шахматов пишет о том, что «не может быть, кажется, никакого сомнения в тождестве имени "Русь", данного варягами славянам, и именем *Ruotsi*, обозначающим у финнов страну этих самых варягов». Но если имя «русь» возникло на юге, финское *Ruotsi* здесь совершенно ни при чём! Увы, Шахматов не нашёл способа, как связать между собой два столь противоречивых утверждения.

Впрочем, Д.С. Лихачёв тоже ограничился только общими рекомендациями:

«Нельзя искусственно разрывать происхождение слова Русь и считать, как это делали некоторые исследователи <...>, что на севере слово "Русь" имело одно происхождение, а на юге – другое, случайно совпавшие в едином звучании. Так можно предполагать разве только с отчаяния перед сложностью проблемы. Во всяком случае, сложный вопрос проис-

хождения слова "Русь" требует пристального изучения».

С этими словами нельзя не согласиться. Версии происхождения слова «русь» будут рассмотрены в следующих главах.

Глава 2. Неизвестный по имени Рюрик

Если признать вымыслом часть текста ПВЛ, посвящённую обстоятельствам появления Рюрика на землях ильменских словен, тогда в истории России появляется белое пятно. Поэтому ничего другого не остаётся, кроме как искать объяснение событию, оказавшему столь значительное влияние на историю России.

Но прежде необходимо разобраться, о каких варягах-руси писал средневековый летописец. Вот мнение Н.М. Карамзина, изложенное в книге «История государства Российского»:

«Историки находят основательные причины думать, что Несторовы Варяги-Русь обитали в Королевстве Шведском, где одна приморская область издавна именуется Росскою, Roslagen. Финны, имея некогда с Рослагеном более сношения, нежели с прочими странами Швеции, донныне именуют всех ее жителей Россами, Ротсами, Руотсами... Варяги-Русь могли переселиться туда из Скандинавии, из Швеции, из самого Рослагена, согласно с известиями древнейших Летописцев Пруссии, уверяющих, что ее первобытные жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были в гражданском состоянии образованы Скандинавскими выходцами, которые умели читать и писать. Долго обитая между Латышами, они могли разуместь язык Славянский и тем удобнее примениться к обы-

чаям Славян Новгородских».

В.С. Ключевский более сдержан в оценке сведений из ПВЛ и лишь по-своему интерпретирует их в курсе лекций «Русская история»:

«По словам Повести, новгородцы сначала были славянами, а потом стали варягами, как бы оваряжились вследствие усиленного наплыва пришельцев из-за моря».

Однако «оваряжение» славян ничем не подтверждено – куда больше оснований предполагать «ославянивание» варягов, что подтверждается сохранением славянского языка на территории Руси.

Немецкий лингвист Макс Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» пишет о происхождении этнонима «варяг»: «так называли на Руси выходцев из Скандинавии». Там же он излагает два варианта этимологии этого слова, предложенных лингвистами. Основой может быть греческое "варангос", означающее «телохранитель, воин из наемной стражи византийских императоров». Впервые этот термин появляется в «Обзрении истории» византийского хрониста Георгия Кедрина, жившего на рубеже XI–XII веков. Другой вариант: древнескандинавское *váringr* или *væringr*, от слова *vár*, что означает «верность, порука, обет». Тогда *væringr* – это «союзники, члены корпорации».

По поводу версий происхождения термина «варяг» историк Д. И. Иловайский высказался ещё в начале прошлого века:

«Скандинавоманы слишком упирают на Скандинавию. Относительно отечества Варангов византийские известия указывают иногда на Германию, иногда на далёкий остров, находящийся на океане, который они называют Туле, а чаще всего причисляют их к Англичанам. Под островом Туле у Византийцев разумеется вообще крайний северный остров, так что, смотря по обстоятельствам, под ним можно разуметь острова Британские, Исландию, острова и полуострова Скандинавские. Но что ж из этого? Мы всё-таки не видим главного: тожества с Русью, и не только нет никакого тожества, напротив».

Сомнения Иловайского понятны, поскольку ПВЛ не даёт ответа на главные вопросы. Но вот что важно: если византийцы называли варангами наёмников из стражи императора, тогда ими могли быть воины любой национальности, от англичан до скандинавов. Однако и это определение термина «варяг» не приближает к истине. Гораздо важнее, что термин появился в Византии лишь в XI веке, а русский летописец мог использовать его применительно к IX веку, не зная о происхождении этого термина.

Помимо двух упомянутых вариантов происхождения термина «варяг», были и другие версии. Историк XVIII века В.Н. Татищев предполагал, что пришельцы-скандинавы называли себя «волками» – на древнескандинавском языке это *vargr*. Некоторые историки считали, что варяги пришли из Вагрии, местности близ Ютландского полуострова. Другие

берут за основу племя варинов из Южной Балтики. Можно ещё упомянуть сообщение Иордана, готского историка VI века, который в трактате «О происхождении и деяниях гетов» рассказал о древних скандинавских племенах:

«В северной части [острова Скандзы – так Иордан называет Скандинавию] живёт племя адогит. <...> Есть там ещё племя – скререфенны. <...> Следует затем целая толпа различных племён: тевсты, вагот, бергио, халлин, лиотида. <...> За ними – миксы, евагры, отингис [в оригинале, на латинском языке: *Mixi, Evagre, Otingis*]. Все они живут по-звериному в иссечённых скалах, как бы в крепостях».

Большинство из перечисленных в тексте племён неизвестно историкам более позднего времени. Особый интерес вызывает племя под названием «евагры» (*Evagre*), что близко по звучанию к термину «варяг». Однако попытки связать происхождение этого термина с «варинами», «ваграми», «варгами» и «еваграми» обречены на неудачу, поскольку лингвисты категорически отвергают возможность преобразования этих слов в «варяг». Впрочем, то же самое можно сказать и о древнескандинавском *væringr*, так что остаётся единственный вариант, согласно которому термин «варяг» пришёл на Русь из Византии. При этом следует иметь в виду, что варяги, по существу, не имеют никакого отношения к предмету нашего исследования, поскольку этот термин был неизвестен в IX веке. Куда более важным является выяснение причин появления термина «русь», о чём будет расска-

зано в следующих главах.

Теперь попытаемся ответить на вопрос: кем был летописный Рюрик? Есть только две версии, которые заслуживают нашего внимания. В 1836 году профессор Дерптского университета Фридрих Крузе высказал предположение, что на самом деле главой ильменских словен и кривичей в 862 году стал конунг (князь или король) Рорик (Rorich, Hrørek, Hrørekr), правитель области Фрисландия на Ютландском полуострове. Происходил он из династии Скъёльдунгов, был племянником или братом изгнанного датского короля Харальда Клака, который в 826 году получил от короля франков Людовика Благочестивого в лен владения на побережье Фризии с центром в Дорестаде. «Хроникон о свершениях норманнов во Франкии» (перевод А.С. Козлова, 2009 г.) содержит такие сведения о Рорике:

«В год Господень 845. Король норманнов Рорик направляет против Людовика в Германию по реке Эльбе шестьсот судов. Саксы, поспешившие им навстречу, когда свершилась битва, <...> становятся победителями. <...> В тот же год, возвращаясь к морю по пройденному [ранее] руслу Сены норманны разграбляют, опустошают и сжигают дотла все местности, граничащие с морем».

В «Анналах Ксанта» (перевод А.И. Сидорова, 1999 г.) рассказывается о дальнейшей судьбе Рорика:

«850 г. <...> Норманн Рорик, брат упоминавшегося уже юного Гериольда (Харальда), который бежал прежде, по-

срамленный Лотарем [королём Лотарингии], снова взял Дурстедде [Дорестада] и коварно причинил христианам множество бедствий».

В «Бертинских анналах» ((*Annales Bertiniani*. 1826, перевод А. Волинец, 2005 г.) также сообщается о Рорике:

«850 г. <...> Король норманнов Орик вступил в войну с двумя нападшими на него племянниками. Примирившись с ними посредством раздела королевства, Рорик, брат Гериольда [Харальда] <...> собрав войско норманнов, на многих кораблях разграбил Фризию [Фрисландию], остров Батавию, и другие места по Рейну и Вахалию. Когда Лотарь не смог тому воспрепятствовать, он <...> дарит ему Дорестада и другие графства».

Более подробно о событиях 850 года сообщают «Фульдские анналы» (перевод А. Кулакова, 2010 г.; в этой цитате некоторые имена приведены в соответствие с представлениями современных историков):

«Год 850. Рорик из народа норманнов во времена императора Людовика в качестве лена получил [в управление] вместе со своим братом Гериольдом [Харальдом] поселение Дорестада [находилось в окрестностях современного города Вейк-бей-Дюрстедде в Нидерландах]. После смерти императора Людовика, при Лотаре, который наследовал правление своего отца, по ложному обвинению, если верить слухам, Рорика уличили в измене, задержали и посадили под стражу. Когда умер его брат, он бежал оттуда и присягнул королю».

восточных франков Людовику. После того, как он прожил там несколько лет среди саксонцев, с которыми соседствовали норманны, он собрал значительный отряд данов [это предки датчан] и стал заниматься с ними морским разбоем, разоряя местности в государстве Лотаря, расположенные на северном побережье океана. Пройдя через устья Рена (Рейна) он добрался до Дорестада. А поскольку князь Лотарь не мог изгнать его без опасности для своих владений, <...> он согласился восстановить Рориха в прежних правах при условии, что он будет <...> противодействовать пиратским набегам данов».

Следующее упоминание о Рорике относится к 855 году (*Annales Bertiniani*. 1826):

«855 г. Лотарь отдаёт всю Фризию своему сыну Лотарю; Рорик и Годафрид ушли отсюда на родину, то есть в Данию с надеждой на получение королевской власти. <...> Рорик и Годафрид, поскольку им никак не сопутствовал успех, удерживали за собой Дорестада и владели большей частью Фризии».

Новые сведения о Рорике находим в «Фульдских анналах»:

«Год 857. Норманн Рорик, управлявший Дорестадом, с согласия своего господина, короля Лотаря, повёл флотилию в область данов и по соглашению с королём данов Ориком взял во владение вместе со своими товарищами часть земли, находящейся между морем и Эгидорой [Айдер, река в

Шлезвиге]»).

А вот сообщение из «Бертинских анналов» о Рорике после 862 года (перевод Фарафонова Ю.В., 2015 г.):

«863 г. Даны в месяце январе поднялись на кораблях по Рейну <...> убив множество фризских купцов и захватив немалое количество народа, пришли к некоему острову рядом с замком Новезием [Нойс, Neuss]. С одной стороны Рейна к ним подступил Лотарь со своими людьми, а с другой стороны – саксы и оставались там вплоть до Календ апреля, когда эти даны по совету Рорика ушли так же, как и пришли [Unde idem Dani consilio Rorici, sicut accesserant, et recedant]».

Примечательно, что Рорик даёт советы данам, но фактически уже не командует ими – о Рорике, как предводителе данов и участнике их походов, нет ни слова в хрониках после 862 года.

В 867 году Лотарь только надеялся на помощь Рорика, но так и не дождался («Бертинские анналы»):

«867 г. <...> Лотарь, относясь с подозрением к Карлу, возвратившемуся от Людовика, отправился из Меттиса во Франконофурд и помирился с ним, ранее бывшим весьма враждебным к нему. <...> Вернувшись оттуда, объявил в своём королевстве о наборе войска для защиты родины от норманнов, полагая, что с подмогой данов возвращается Рорик, которого из Фризии изгнали её жители».

Приведённые отрывки из хроник позволяют понять, чем

занимался Рорик в середине IX века. Однако допустим, что Рюрик и Рорик – это одно и то же лицо. Содержание русских летописей не исключает возможности, по крайней мере, кратковременных вояжей Рорика в Западную Европу. Целью могло быть участие отрядов данов в военных действиях на стороне одного из наследников Людовика Благочестивого. Сам Рорик этими отрядами фактически уже не руководил, поэтому и привлёк к переговорам племянника Рудольфа, своего преемника. Рорик в глазах Людовика и Карла оставался важной персоной, за ним стояла военная сила, но если бы Рорик сам командовал войском, присутствие Рудольфа было бы излишним, тем более что Карл ему не доверял. При этом фразу об изгнании из Фризии можно понимать и так, будто восставшие жители заставили уйти войска, которыми командовал другой, близкий Рорику человек, возможно, кто-то из его родственников. Кстати, именно отсутствие Рорика могло стать причиной поражения. Не исключено, что к этому времени он перебрался на восточное побережье Балтики, там и стал княжить.

Вроде бы всё сходится на том, что Рорик Ютландский вполне мог быть тем Рюриком, который обосновался в прильменском городище и княжил в Новгороде. Но трудно поверить в то, что Людовик и Карл не знали о том, что Рорик одновременно правит в Новгороде и занимается делами подконтрольных ему воинских соединений на землях франков. В хрониках об этом важном обстоятельстве не упоминается,

но это можно объяснить тем, что придворные летописцы были слабо информированы о том, что творилось на землях к востоку от Балтики.

Согласно второй версии, Рюрика следует искать среди свеев, на территории нынешней Швеции. Однако в числе известных представителей знати IX века, упомянутых в скандинавских сагах, нет человека по имени Рорик (Рёрек или Хрёрек). Единственную подходящую кандидатуру находим в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» (Снорри Стурлусон, «Круг земной», перевод М.И. Стеблин-Каменского, 1980 г.) – там упомянут «Эйрик в Уппсале» (Eiríkr konungr at Uppsölum).

Княжеский род Эйрика Эмундарсона управлял значительной частью территории Швеции, а город Уппсала был центром провинции Упланд. В середине IX века викинги под руководством Эйрика не раз грабили поселения на восточном побережье Балтики, о чём рассказано в «Саге об Олаве Святом». Но мог ли Эйрик одновременно княжить и в Уппсале, и в Новгороде? «Повесть временных лет» содержит только два сообщения о предводителе варягов, датированные примерно 862 и 879 годом, поэтому нет никаких оснований утверждать, что Эйрик Эмундарсон до самой смерти безвылазно находился на земле ильменских словен. Он мог разместить в ближайших городах свои отряды, а Новгород стал ещё одной промежуточной базой для сбора дани со словен и подготовки дальних походов – вниз по Днепру, в При-

черноморье, вплоть до Константинополя.

Надо признать, что имена Эйрик и Рюрик не настолько созвучны, чтобы их перепутать. Но в давние времена известия о пришельцах передавались из уст в уста, а не записывались, поэтому скандинавские имена за десятилетия могли изрядно исказиться – не исключено, что Эйрик превратился в Рюрика.

Что же случилось в середине IX века? Ильменские словене, кривичи и соседние племена решили договориться с Рюриком, обещая платить дань в обмен на защиту от скандинавов, которые регулярно совершали набеги и разоряли их поселения. Рюрик согласился на такие условия, но только для того, чтобы затем прибрать к рукам всю власть. Он фактически был королём в Ладоге, хотя большую часть времени мог проводить за пределами этой территории. Здесь полная аналогия с королевой Англии Елизаветой, которая правила заморскими колониями, не выходя из своего дворца.

Однако из того, что Рорик или Эйрик могли править в Ладоге, вовсе не следует, что один из них стал основателем Руси.

Глава 3. «Исконно-русские» версии

Исконно-русскими мы будем называть версии, в основу которых положена вера в существование русского народа с незапамятных времён. Надо признать, что попытки некоторых историков найти доказательства существования руси в начале первого тысячелетия, а возможно и в ещё более глубокой древности, вызывают уважение. Доказать «исконность» руси – это вполне естественное желание любого российского историка, будь он профессионалом или дилетантом. Проблема в том, что чем дальше мы забираемся в «тёмные века», под которыми подразумевается раннее средневековье, тем меньше летописных материалов, пригодных для анализа. В качестве примера приводим отрывок из «Анналов» Тацита, написанных во II веке н.э.:

«За лугиями живут готоны, которыми правят цари, и уже несколько жёстче, чем у других народов Германии, однако ещё не вполне самовластно. Далее, у самого Океана, – ругии и лемовии; отличительная особенность всех этих племён – круглые щиты, короткие мечи и покорность царям. За ними, среди самого Океана, обитают общины свионов; помимо воинов и оружия, они сильны также флотом».

Историкам пришлось приложить немало сил, чтобы выяснить, какие народы упомянуты в «Анналах» и где расположен этот самый Океан. Оказалось, что Океаном Тацит

называл Северное и Балтийское моря, а сообщение о том, что свионы, предки шведов, обитают посреди Океана, стало следствием заблуждения географов: Скандинавский полуостров они считали островом вплоть до XI века.

Примерно такая же картина возникает при анализе трактата Иордана «О происхождении и деяниях гетов». Вот что он писал о событиях IV века в Восточной Европе:

«Германарих, король готов хотя, как мы сообщили выше, и был победителем многих племён, призадумался, однако, с приходом гуннов. Вероломному же племени росомонов [Rosomonorum gens infida], которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему».

Термин «росомон», кроме Иордана, никто из средневековых хронистов не использовал. Так бы и затерялись росомоны среди названий многих неведомых нам народов и племён, о которых упоминали древние историки, если бы не настойчивость некоторых историков в намерении доказать древнее происхождение русского народа. Для таких энтузиастов любое «рос» или «рус», обнаруженное в старинном фолианте или на средневековой карте – это словно путеводная звезда. Увы, только созвучием, как правило, и ограничиваются доказательства очередной «теории». В данном случае внимания заслуживает германская этимология слова «росомон», основанная на предположении, будто *ros* означает «красный», а *mon* является искажённым готским «mana»,

так что «росомон» можно вроде бы перевести как «красный человек». Происхождение красных, или краснолицых, людей обсуждается в одной из следующих глав, где рассмотрена «греческая» версия происхождения слова «рос».

В трактате Иордана упомянуто ещё одно племя – роксоланы (*Rhoxolani*). Впервые об этом народе написал греческий географ I века до н.э. Артемидор Эфесский, а вслед за ним Страбон – в трактате «География» этот народ назван по-гречески *Ροξολάνοι*. Принято считать, что этноним «роксоланы» основан на иранском словосочетании, которое переводится как «светлые аланы» (*rox-s-alan*). По сведениям из древних источников, во II-I веках до н.э. роксоланы жили на территории между Днепром и Доном, а позже переместились в придунайские земли. Понятно, что «рокс» это совсем не «рос», однако иногда за неимением лучшего приходится использовать и подобные созвучия.

Территория между Доном и Днепром весьма привлекательна тем, что включает в себя Киевскую Русь и более ранние образования вроде «волынцевской» и «салтово-маяцкой» культур. Есть искушение связать население этой территории в IX веке с роксоланами I века до н.э. Так и поступил Д.И. Иловайский в книге «Краткие очерки русской истории» (1868 г.):

«Русь издревле обитала в стране между Днепром и Азовским морем; она упоминается у греческих и латинских писателей под именем сармарского [сарматского] народа рок-

солан или росо-алан. Первое о них упоминание встречается в 94 году до Рождества Христова (у Страбона), а затем идут отрывочные известия о них до VI века включительно. В следующие затем века (весьма скудные по отношению к историческим известиям) росоаланские, или русские, князья и их храбрые дружины, по всей вероятности, были заняты упорною борьбой с соседними народами, как славянскими, так и иноплеменными (особенно с аврами [аварами] и уграми [предками венгров]). Мало-помалу Русь подчинила себе некоторые славянские племена и образовала сильное государство, центром которого сделался Киев».

К сожалению, Иловайский в своих изысканиях недалеко ушёл от М.В. Ломоносова, который ещё в середине XVIII века написал по заказу императрицы «Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера "Происхождение имени и народа российского"». Вот какими контраргументами воспользовался Ломоносов:

«Отвергает господин Миллер мнение учёных людей, которые россиян и имя их производят от роксолан, древнего народа, жившего между Днепром и Доном, а причины сего отвержения полагает, что-де небольшое сходство имени россиян с именем роксолан и сходство места не довольны к тому, чтобы утвердить происхождение имени и народа российского от роксолан; но должно-де показать: 1) как имя роксолане переменилось на имя россияне, 2) как роксоланы перешли к северу, 3) каким языком роксолане говорили. На сие

ответствую, что хотя сходство имени и места роксолан с россиянами довольно быть казалось уже многим славным европейским авторам и целым ученым собраниям, чтобы имя и род россиян произвести от роксолан, однако дабы господина Миллера и в строгих сих его требованиях удовольствоваться, следующее предлагаю: 1) Перемена имени роксолане на россияне весьма невелика».

Увы, современные лингвисты могли бы высмеять такое «доказательство», если бы речь не шла о знаменитом учёном. Столь же неубедительно выглядит и следующий довод из работы Ломоносова:

«Но хотя ни о роксоланах, ни о россах, ни о руссах после четвёртого до девятого века не упоминается у внешних писателей, однако из того не следует, чтобы тем именем оный народ сам не назывался».

Версия о происхождении руси от роксолан не получила развития, однако лингвист О.Н. Трубачёв продолжал настаивать на том, что термин «русь» возник именно в Днепровско-Донском регионе. В качестве аргумента он использовал очередное созвучие, интерпретируя росомонов как «светлых людей», а роксоланов – как «светлых алан». Однако никто так и не смог представить каких-либо доказательства связи росомонов и роксолан начала первого тысячелетия с русью IX века. Созвучие – это слишком слабый аргумент, когда речь идёт о происхождении русского народа.

Эта недоказанная связь, видимо, подвигла некоторых ис-

ториков на поиски корней руси в «волынцевской» и «салтово-маяцкой» культурах. Вот что писал академик В.В. Седов в книге «Славяне» (2002 г.):

«До последних десятилетий VII в. лесостепные земли Днепровского Левобережья заселяли анты – носители пеньковской культуры (сахновская стадия), а более северную территорию – племена колочинской культуры. В конце этого столетия развитие этих культур на Левобережье было прервано вторжением крупной массы нового населения. Последнее оказалось более жизненным и более активным в хозяйственном отношении, и в Днепровском Левобережье формируется новая культура – волынцевская».

Увы, следов пребывания в регионе большого количества людей, кроме черепков на древних пепелищах, да остатков их поселений, отыскать не удалось. Тем не менее, Седов делает обескураживающий вывод:

«Русы – носители волынцевских древностей и эволюционировавших на их основе роменской, боршевской и окской культур».

Создаётся впечатление, что подобные декларации появляются от безысходности – если желания превышают возможности, тогда приходится ограничиваться единственным аргументом, который сводится к утверждению: всё было именно так, поскольку иначе быть просто не могло.

Впрочем, есть косвенный аргумент в пользу упомянутой версии, заключающийся в том, что в 827-834 годах хазары с

помощью византийцев построили крепость Саркел, которая, судя по всему, служила для защиты западных границ Хазарии в районе волго-донского волока. Седов в статье «Русский каганат IX века» упоминает и другие укрепления, которые якобы также использовались для этой цели:

«До 30-х гг. IX в. на северо-западном пограничье Хазарии использовались старые укрепления – городища, возникшие ещё в скифское время. Они были устроены на труднодоступных мысах коренных берегов рек и воспринимались средневековым населением как естественно защищённые участки местности, способные обеспечить безопасность жителей близлежащих селений».

Однако, как именно воспринимались эти городища средневековым населением, на самом деле не известно. Кроме того, на восточной окраине территории «волынцевцев» археологи не обнаружили следов укреплённых поселений, что свидетельствует об отсутствии противостояния с хазарами. Увы, нет никаких оснований для утверждения, будто хазары опасались именно «волынцевцев» или «салтовцев», тем более что такие опасения всё равно не позволяют поставить знак равенства между этими народами и русью.

Но есть ещё один аргумент, который использовал Седов для того, чтобы подтвердить свою версию местоположения Руси в IX веке. В первой половине этого века был составлен список народов и племён, преимущественно славянского происхождения, населявших области восточнее [Франкско-](#)

го государства. И вот какова последовательность перечисления народов в этом списке, получившем условное название «Баварский географ»: ...*Bruzi, Vuizunbeire, Caziri, Ruzzi, Forsderen...*

Первый народ идентифицирован историками как пруссы, третий – как хазары, четвёртый – как русы, а последний – это предположительно «лесные жители», которых можно отождествить с древлянами. Седов утверждает, что «русам остаётся ареал волынцевской культуры – между Хазарией и территорией древлян». Но если этому списку всецело доверять, то возникает вопрос: каким образом хазары оказались между пруссами и русами? В этом случае русов следует искать к востоку от Волги, что противоречит версии Седова. Так что единственный вывод, который может быть сделан на основании этого списка, состоит в том, что в Баварии IX века был известен некий народ, название которого созвучно слову «русy».

Если Иловайский искал начало Руси в I веке н.э., то нынешние историки явно осмелели, поэтому не боятся реконструировать события III тысячелетия до н.э. Вот короткий отрывок из доклада Л.П. Грот на научно-практической конференции «Российская государственность в лицах и судьбах её создателей: IX-XXI вв.» в мае 2013 года:

«При всей известности археологического богатства Прикамья учёные недоумевали: а кто же это плавал из Прикамья до Индии на протяжении тысячи лет, с VIII века до н.э. до

VII века н.э.? <...> По моей концепции начального периода древнерусской истории, этим народом были древние русы <...> которые выделились из индоевропейского субстрата Восточной Европы при его распаде одновременно с ариями, что датируется обычно началом III тыс. до н.э. Арии ушли на юг, а русы остались в Восточной Европе, и именно их присутствие фиксируется исторической топонимикой, прежде всего, восточноевропейскими гидронимами с корнем рос/рус/рас. Совпадение названия страны, гидронима и этнонима – в нашем случае, страна Русь и народ русы – является признаком исконного проживания народа на данной территории».

Проблема в том, что ни Лидия Грот, и никто другой не в состоянии представить нотариально заверенный документ, где были бы зафиксированы даты появления на свет всех этих гидронимов и топонимов – то ли это случилось в VII, то ли в IX, то ли в XII веке. С другой стороны, упомянутые совпадения вполне естественны, поскольку было бы странно, если бы русские люди стали, например, в X веке называть реки и города в честь каких-то шведов или финнов. Куда логичнее звучит «Руса – русская река».

Впрочем, есть обстоятельства, которые не соответствуют и этой логике, и декларациям Лидии Грот. Всё дело в том, что на просторах европейской части России есть множество рек, происхождение которых не удаётся объяснить ни с помощью древнеславянского языка, ни привлекая для этого какие-то местные наречия. Но стоит только обратиться к

древнескандинавским языкам, как такая возможность сразу появляется. Подробнее об этом будет рассказано в главе, посвящённой скандинавской версии происхождения руси.

Помимо нелепых, ничем не подтверждённых предположений, сторонники существования руси в начале первого тысячелетия н.э. нередко выдают желаемое за действительное. Историк В.В. Фомин в статье «Нужен ли нашему будущему шведский взгляд на наше прошлое?» (2013 г.) пишет следующее:

«К сказанному необходимо добавить, что <...> поэт XII в. Манасия называет русов в числе участников нападения под руководством аварского кагана на Константинополь в 626 г., в "Хронографии" Феофана Исповедника (ум. 818) под 773 г. сообщается, что император Константин V Копроним в поход на болгар послал 2000 хеландий, а сам на "русской" хеландии поплыл к устью Дуная».

На самом деле, Манасия в числе участников нападения упоминает тавроскифов, а в «Хронографии» Феофана Исповедника (перевод И.С. Чечурова, 1980 г.) написано следующее:

«774 г. В этом году, в месяце мае, 12-го индикта Константин двинул флот из 2-х тысяч хеландиев против Булгарии, и сам, взойдя на пурпурные хеландии, отправился к [устью] реки Дунай, оставив стратегов кавалерийских фем за клисурами, с тем, чтобы они могли проникнуть в Булгарию, покуда болгары будут заняты самим василевсом».

Фомин воспользовался переводом, выполненным в 1884 году, в котором сделана ошибка. Как поясняет Чечуров, «хронист говорит об императорских хеландиях, украшенных пурпуром, составлявшим прерогативу византийского василевса».

Ещё одним примером неспособности сторонников версии об «исконности» руси, русского народа, аргументированно опровергнуть доводы оппонентов является сочинение С.В. Цветкова «Поход Русов на Константинополь в 860 году и начало Руси» (2010 г.):

«Вполне очевидно, что русы были главенствующим племенем среди восточных славян, и именно их представители вели последующие переговоры с Византией, а поскольку до этого события империя, которой уже давно были хорошо известны другие славянские племена, видимо, мало что знала о русах, то после похода всех восточных славян так именовала – по главенствующему племени – русами (росами). О главенстве руси над соседними племенами Фотий пишет в знаменитом Окружном послании: "тот самый так называемый (народ) Рос, те самые, кто – поработив (живших) окрест них и оттого чрезмерно возгордившись – подняли руку на самую Ромейскую державу"».

Увы, Цветков так и не представил никаких доказательств, что русь в IX веке главенствовала среди славян. Ну а ссылка на Фотия совершенно неуместна, поскольку тот ни слова не пишет о славянах.

Далее Цветков попытался опровергнуть Лиутпранда Кремонского (Liudprands von Cremona Werke. 1977):

«Необходимо отметить, что итальянские хронисты под норманнами понимали все народы, живущие севернее них, о чем сообщал Лиутпранд Кремонский: "Ведь на севере его соседями являются венгры, печенеги, хазары, руссы (Rusios), которых мы зовём другим именем, т. е. нордманнами..." Так что итальянцы считали норманнами даже хазар и печенегов».

Трудно представить, что греки настолько слабо разбирались в географии, что называли северянами жителей Хазарии, территория которой простиралась до предгорий Кавказа. Однако в книге Лиутпранда есть другой отрывок:

«XV. В северных краях есть некий народ, который греки по его внешнему виду называют "русиос", мы же по их месту жительства зовём "норманнами"».

Отсюда следует, что в первом отрывке слова «которых мы зовём» относятся только к русам. Кого же европейцы называли норманнами? Ответ на этот вопрос находим в труде хрониста Эйнхарда «Жизнеописание Карла Великого» (перевод М.М. Стасюлевича, 1864 г.) первой половины IX века:

«От западного океана к востоку протянулся некий залив, длина которого неизвестна, ширина же нигде не превышает ста тысяч шагов, хотя во многих местах является меньшей. По берегам его живёт множество народов; даны и свеоны, которых мы называем нордманнами (Nordmannos), заселяют

северное побережье и все близлежащие острова».

Итак, похоже, что без подтасовок не может обойтись ни один сторонник версии об «исконности» Руси. Иногда горе-искателям не удаётся найти подходящий перевод или фразу, допускающую двойное толкование. В этом случае факты берутся «с потолка», примером чему является содержание статьи «Загадка древних русов, или что означает слово "русский"?», опубликованной в 2008 году. Её автором стал С.В. Перевезенцев, доктор исторических наук, член бюро президиума Всемирного русского народного собора. Вот что там написано:

«Учёные выяснили, что на карте древней Европы I–IX вв., то есть тогда, когда Древнерусского государства ещё не существовало, имя "русь" было очень распространено. Сегодня известно, что какие-то четыре разные Руси были в Прибалтике. В Восточной Европе имя "русь" можно найти на берегах Днепра, на Дону, в Карпатских горах, в устье Дуная, на побережье Азовского и Каспийского морей, в Крыму. В Западной Европе – на территории современной Австрии, а также в Тюрингии и Саксонии. Кроме того, какая-то "Русь" ("Руззика") входила в состав королевства вандалов в Северной Африке».

Особенно впечатляет присутствие руси в Африке. Можно было бы не обращать внимания на такие откровения, если бы они не являлись характерным примером состояния исторической науки, по крайней мере, той её части, которая по-

священа исследованию начала Руси.

Глава 4. Южно-балтийская версия

В «Повести временных лет» сказано, что словене, кривичи и соседние племена, изгнав за море одних варягов, отправились к другим, и опять за море. Но почему именно за море? Неужели нельзя было подыскать себе князя на обширной территории к востоку от Балтики?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, зачем на свет появилась ПВЛ. Наиболее логичное объяснение состоит в том, что летопись была написана по заказу киевского князя. Более того, перед Нестором была поставлена определённая задача – показать, что варяги-русь это не чужаки вроде свеев или норманнов. Однако написать, что русь это какой-то близкий по происхождению народ, Нестор не мог – тогда бы пришлось указать точное место, откуда пришла эта русь. Такие сведения можно проверить, и в результате обнаружится обман, поэтому Нестор написал расплывчато – мол, русь пришла из-за моря. Те же слова читаем и в Новгородской первой летописи младшего извода, так что варягов-русь вроде бы следует искать на побережье Балтики, хотя и без особой надежды на успех.

«На помощь» Нестору пришёл В.Н. Татищев. Историк XVIII века попытался доказать, что Рюрик был наполовину славянин, а правил землями к северу от Приильменья, на территории Карелии и нынешней Финляндии. Для подтвер-

ждения своей версии Татищев включил в книгу «История Российская» отрывки из якобы утраченной «Иоакимовской летописи»:

«О князях русских старобытных монах Нестор плохо знал, какие дела свершали славяне в Новгороде, а святитель Иоаким, хорошо знающий, написал, что сыны Иафетовы и внуки отделились, и один от князь, Славен с братом Скифом, ведя многие войны на востоке, идя к западу, многие земли у Чёрного моря и Дуная себе покорили. <...>

Князь Славен, оставив во Фракии и Иллирии около моря по Дунаю сына Бастарна, пошёл к полуночи и град великий создал. <...> После устройства Великого града умер князь Славен, а после него властвовали сыновья его и внуки много сот лет. И был князь Вандал. <...> Он имел три сына: Избора, Владимира и Столпосвята... Потом умер Избор и Столпосвят, а Владимир принял власть над всей землей. <...>

По смерти Владимира <...> княжили сыновья его и внуки до Буриvoja, который девятым был после Владимира, имена же сих восьми неведомы. <...>

Люди же, терпевшие тяготу великую от варяг, послали к Буриvoю, испросить у него сына Гостомысла, чтобы княжил в Великом граде. И когда Гостомысл принял власть, тотчас варягов что были каких избили, каких изгнали, и дань варягам отказался платить. <...>

И пришёл после смерти Гостомысла Рюрик [сын варяжского князя и Умилы, средней дочери Гостомысла] с двумя

братья и их сородичами».

В этой истории всё складно сказано, за исключением того, что кроме слов самого Татищева нет никаких доказательств существования летописи «святителя Иоакима». И даже если такая летопись была, трудно поверить, что столь ценные сведения были доступны только этому монаху.

Некоторые историки отстаивали версию, согласно которой варяги пришли с южного побережья Балтики. Такие сведения содержатся в мекленбургских и голштинских «генеалогических таблицах», которые были собраны в конце XVII века Иоганном Фридрихом фон Хемницем и опубликованы в 1708 году Иоганном Хюбнером. Согласно этой генеалогии, Рюрик был внуком Витослава, короля ободритов (бодричей) – западных славян, живших в нижнем течении Лабы (Эльбы) и Одера. Отец Рюрика, Годослав (Готлиб), погиб на войне с данами (датчанами) в 808 году, а корону наследовал его брат. Хемниц утверждал, что Рюрик и его братья, Сивар и Трувар, потеряв надежду взойти на престол, отправились в Новгород. Однако веры этим сведениям нет, поскольку не указаны источники, на основе которых были составлены «таблицы».

С. Мюнстер и С. Герберштейн ещё в XVI веке придерживались того мнения, что родиной варягов была Вагрия, граничившая с Любеком и Голштинским герцогством. В средние века вагры, одно из племён полабских славян, входили в союз ободритов. Однако эта версия, как и многие другие, основана всего лишь на созвучии слов – «вагры» и «варяги».

В пользу южнобалтийской версии высказывался М.В. Ломоносов в работе «Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера "Происхождение имени и народа российского"»:

«Против всех сих неосновательных Бейеро-Миллеровых догадок имею я облак свидетелей, которые показывают, что варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили от древних роксолан или россов и были отнюд не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною».

Казалось бы, Ломоносов прав. Если варяги, как писал Нестор, не были ни свеями, ни урманями, ни англами, ни жителями острова Готланд, однако пришли из-за моря, тогда остаётся предположить, что они родом с южного побережья Балтики. Впрочем, в Балтийском море есть и другие острова помимо Готланда, но этот вариант будет рассмотрен в одной из последних глав. Что же до версии Ломоносова, то он настаивал на том, что варяги-русь жили в соседстве с пруссами. Ввиду отсутствия «облак свидетелей», эту версию не имеет смысла обсуждать.

Южно-балтийскую версию происхождения руси с давних пор поддерживал В.Л. Янин, известный археолог, действительный член Российской академии наук. Вот отрывок из его выступления на президиуме РАН в 2001 году, где обсуждались результаты работы Новгородской экспедиции:

«Данные археологии, результаты изучения антропологи-

ческих типов, обрядности, фортификаций, керамики показывают, что главный путь проникновения славян в северо-западные земли Древней Руси берёт начало на южных берегах Балтики».

И далее:

«Княжеская резиденция появилась в середине IX века. Многие находки говорят о пребывании здесь варяжской дружины: определенное доказательство реальности самого факта призвания скандинавского князя. Он действительно был призван, потому что три составные части конфедерации – новгородцы, кривичи и меря – не могли выдвинуть на княжеский стол кого-либо из своей среды».

В интервью 2009 года Янин дополнил эту версию:

«Кривичи и новгородские славяне пришли из Южной Балтики. А когда они между собой поссорились, то послали за князем. Послали в те места, где они бывали, где жили. Оттуда призвали Рюрика».

Судя по всему, связь ильменских славян и кривичей с Южной Балтикой вполне возможна, а вот происхождение Рюрика по-прежнему остаётся тайной за семью печатями.

Более категоричен в своих высказываниях историк А.Н. Сахаров, член-корреспондент РАН. Вот что он написал в своём сочинении «Рюрик, варяги и судьбы российской государственности»:

«Летописец не только рассказал о факте призвания варягов, но и точно определил, кто такие были варяги Рюрика,

откуда они явились, в каком отношении к восточным славянам они находились. Он отмечает, что варяги живут "за морем", что они зовутся "русь", причем летописец – осведомленный и внимательный автор – подчёркивает их этническое отличие от шведов, норманнов, англов, готландцев. Этническую принадлежность варягов-руси к славянскому миру летописец определяет одной фразой: "А словенский языкъ и русский одно есть". <...> Летопись многократно упоминает и об отношениях восточных славян с варягами-русью в IX в., все эти упоминания ведут в одном направлении – на южный берег Балтики».

На самом деле, в ПВЛ нет явного указания на то, что варяги-русь пришли с южного побережья Балтики. Точно так же слова о родстве славянского и русского языков нельзя считать доказательством славянского происхождения варягов. Так что историк всего лишь выдаёт желаемое за действительное.

Есть версия, связанная с островом Рюген, расположенным к востоку от Ютландского полуострова – это тоже Южная Балтика, однако речь в этом случае не идёт ни о соседях пруссов, ни о союзе ободритов. Одним из защитников «рюгенской» версии является писатель Л.Р. Прозоров – вот что он пишет:

«Особенно же сильно была сакрализована особа князя Рюгена, вместилища священного для всех славянских народов города-храма Арконы. <...> И тут необходимо обра-

туть внимание на сообщение англосаксонской поэмы VIII века "Видсид": "Хаган правил хольмругами". Хольм – остров, руги, ругии – население острова <...> Рюген, в VIII веке уже безусловно славянское».

Тут вам и Хаган (Хаген), напоминающий «хакана русов», о котором написано в «Бертинских анналах» и в сочинениях Ибн-Русте. Тут и руги – название племени, вроде бы созвучное со словом «русы». Всё это уже было в книге С.А. Геденова «Варяги и Русь» (1876 г.). Однако лингвисты утверждают, что слова «руги» и «русы» имеют разную этимологию. Тем не менее, эта версия остаётся довольно популярной среди историков. Более того, А.Г. Кузьмин считал, что Рюген и есть тот самый «остров русов», о котором писали арабские географы X-XII веков. В качестве подтверждения «рюгенской» версии иногда упоминают город, расположенный в 100 км западнее острова Рюген – это город Рерик (Rerik), один из районов которого называется Russow. Но дело в том, что до 1938 года город имел совсем другое название, Alt Gaarz – оно появилось не позднее XIII века, а переименован город был то ли в память о поселении викингов, которое якобы находилось в этом месте, то ли как напомирование о располагавшейся где-то поблизости столице ободритов.

Об острове Рюген писал в XI веке Адам Бременский (перевод М.Б. Свердлова, 1989 г.):

«Мы узнали, что из тех островов, которые лежат [у страны] склавов [славян], наиболее примечательных три. Первый

из них называется Фембре (Фемарн). Он расположен напротив ветров, так что его можно видеть из Альдинбурга точно так же как и тот, который называется Лаланд. Второй (Рюген) расположен против вильцов; владеют им раны или руны, наиболее храбрый народ из склавов. Есть закон: без их мнения никакое общественное дело не выполнять, так их бояться вследствие их дружеских отношений с богами или вернее говоря, с демонами, которым они воздают большее поклонение, чем другие. Итак, оба эти острова полны пиратов и жесточайших разбойников, которые не щадят никого из проезжающих мимо них. <...> Третий [остров] тот, который называется Семланд, соседний с руссами или полонами [полянами, поляками]».

Самланд, Самбия – земля одного из прусских племен, которую Адам по ошибке называет островом. Вызывает удивление соседство прусских земель с русскими, однако в другом месте Адам поясняет:

«Нам известно, что за Одером живут помераны, затем простирается обширнейшая страна полян, граница которой, как говорят, соприкасается с царством России».

Однако Адам Бременский даже не попытался отождествить жителей острова Рюген с русами – он лишь отметил, что этот остров находился недалеко от земель «руссов» и «полонов».

Таким образом, несмотря на установленные археологами связи ильменских словен и кривичей с обитателями южного

побережья Балтики, приходится признать, что пока не найдено никаких подтверждений версии, согласно которой варяги во главе с Рюриком пришли в Приильменье из этих земель. Так что в пользу южно-балтийского происхождения руси нет сколько-нибудь убедительных аргументов.

Глава 5. Хакан русов

В предыдущей главе рассказано о неудачной попытке связать «хакана русов» с островом Рюген на Южной Балтике. Что же дало повод для возникновения этой версии?

Впервые хакан русов упоминается в «Бертинских анналах» (*Annales Bertiniani*. 1826), посвящённых событиям в государстве франков с 830 по 882 гг.:

«839 г. <...> Прибыли также греческие послы, отправленные императором Феофилом. <...> Он также послал с ними неких [людей], которые говорили, что их, то есть их народ, называют рос [*gens Rhos* – народ рос], что их король, по имени хакан [*chacanus*], послал их к нему [Феофилу], как они заявляли, дружбы ради».

О хакане русов писал в первой половине X века арабский учёный Ибн-Русте (Гаркави А.Я., Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб, 1870, с. 26):

«Они имеют царя, который зовется хакан-Рус. Они производят набеги на Славян, подъезжают к ним на кораблях, высадятся, забирают их [Славян] в плен, отвозят в Хазран и Булгар и продают там».

Примерно в то же время о хакане русов сообщил и анонимный автор книги под названием «Худуд ал-‘Алам мин ал-Машрик ила-л-Магриб» («Границы мира с востока на запад», 982 г., перевод И. Старикова, 2005 г.):

«К востоку от этой страны – горы печенегов; к югу от неё – река Ruta; к западу от неё – саклабы [славяне]; к северу – Ненаселенные Земли Севера. Это обширная страна, и жители её злонравны, непокорны, имеют надменный вид, задиристы, и воинственны. Они воюют со всеми неверными, живущими вокруг них, и выходят победителями. Властитель их называется Rus-khaqan. Эта страна чрезвычайно благоприятствуема природой в том, что касается всего необходимого [для жизни]».

В середине XI века титул «каган» встречается в трудах церковного историка Илариона, митрополита Киевского. Вот какие строки находим в «Слове о законе и благодати» и в «Исповедании веры»:

«Похвалимъ же и мы, по силе нашеи, малыими похвалами великаа и дивнаа сътворишааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера. <...>

Сии славнии от славныхъ рожься, благородень от благородных, каганъ нашъ Влодимеръ Сии славнии от славныхъ рожься, благородень от благородных, каганъ нашъ Влодимеръ. <...>

Съвлече же ся убо каганъ нашъ. <...>

Паче же помолися о сыне твоємъ, благовернемъ кагане нашемъ Георгии...

Быша же си въ лето 6559 (1051), владычествующу благоверьному кагану Ярославу, сыну Владимирю».

Автор «Слова о полку Игореве» (конец XII в.) называет

каганом тмутороканского князя Олега Святославича: «Рекъ Боянь и ходы на Святъславля пестворца стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти».

Наконец, на стене собора Св. Софии Киевской есть надпись: «Спаси, Господи, кагана нашего». Скорее всего, здесь речь идёт о Святославе Ярославиче, сыне Ярослава Мудрого, княжившем в Киеве в 1073—1076 годах.

Однако автор «Повести временных лет», созданной в начале XII века, не понял значения этого титула, поэтому и возникло под его пером такое странное сочетание, как «князь Каган»:

«В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял».

Надо признать, что использование титула «каган» в Киевской Руси поначалу вызывает недоумение. «Каган» (хакан) — это высший титул у степных народов, приравниваемый к императорскому титулу. Естественно, что существование кагана предполагает и наличие каганата, которым он управлял — в качестве примера можно указать на Аварский, Хазарский и Тюркский каганаты. Однако в древних летописных источниках нет упоминания «русского каганата» — впервые это словосочетание появилось лишь в 1862 году в работе С.А. Геденова.

В первой половине XX века популяризатором идеи воз-

никновения каганата на востоке от Балтики стал датский славист А. Стендер-Петерсен. В его работах можно встретить упоминание и Волжского, и Ладожского каганатов, во главе которых стояли скандинавы. Не обошёл эту тему и Г.В. Вернадский, в 40-х годах прошлого столетия попытавшийся реконструировать историю возникновения русского каганата в главе «Первый русский каганат» пятитомного труда «Древняя Русь»:

«Скандинавы, проникшие в Приазовье в середине восьмого века смешались с местными асами [аланами] и русами, и к концу века приобрели достаточную силу, чтобы угрожать Крыму. Мы можем предположить, что к этому времени им удалось создать не только вооруженные силы, но и организованное государство. Их правитель со временем присвоил себе хазарский титул кагана. <...> Мы вполне можем признать, что Русский каганат этого периода являлся сильной державой того же типа, что и государства хазар и волжских булгар, то есть имевший главной целью контроль над важными путями международной торговли».

На чём же основана эта реконструкция? В главе «Скандинавы и Русский каганат (737-839 гг.)» Вернадский пишет:

«Представляется возможным, что в 739 г. или чуть позже варяги достигли берегов Азовского моря. <...> весьма вероятным представляется, что в течение восьмого века отряд скандинавов, а более точно – шведов, установил контроль над районами нижнего Дона и Приазовья. Примечательно,

что, согласно "Саге об Инглингах", частично включённой в Heimskringla Снорри Стурлусона (тринадцатый век), эта территория была известна как Великая Швеция (Svitjort en mikia). Отряд шведов, контролировавший местные племена асов и рухс-асов (русь), видимо, не был многочисленным, и постепенно шведы не только смешались со своими вассалами, но и приняли их название и сами стали известны сначала как асы, а затем как русь».

Если учесть, что асы Вернадского это всё те же аланы, тогда придём к уже рассмотренной версии о «роксоланском» происхождении руси. Прискорбно и то, что в качестве единственного доказательства покорения скандинавами Приазовья в VIII веке используется мнение сочинителя древнескандинавских саг.

В нынешние времена идеи Геденова и Вернадского подхватил ярый противник скандинавской версии происхождения Руси, автор книги «Славяне» В.В. Седов:

«Поход русов 860 г. на Константинополь мог быть подготовлен только в Русском каганате Днепровско-Донского региона. <...> Территория Русского каганата, по всей вероятности, в общих чертах соответствовала области расселения русов как она очерчивается по данным археологии. На западе она почти целиком охватывала бассейн Десны и сравнительно небольшую часть правобережья Днепра (округи Киева и Канева). Южные пределы раннегосударственного образования русов составляли земли верхних течений Сулы, Пе-

ла и Ворсклы, на юго-востоке граница проходила по рекам Северский Донец и Тихая Сосна. В состав каганата на востоке входили области воронежского и верхнего течения Дона, а на севере – Верхнее Поочье и правобережные районы рязанского течения Оки. <...>... Если в Русском каганате всё же был административный центр, то им мог быть только Киев».

Здесь снова всё сводится к пресловутой волынцевской археологической культуре. Однако словосочетания «по всей вероятности», «мог быть», «мог быть только» вызывают ещё большее недоумение, чем сам «русский каганат». Причина в том, что доказательств версии Седова нет и не предвидится.

О существовании «русского каганата» в Поднепровье писал и специалист по истории викингов и варягов Г.С. Лебедев в книге «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси» (2005 г.):

«Во второй трети IX в., между 838-842 гг. (852 г. по ПВЛ) на основе и вокруг этого среднеднепровского образования объединяется "Русская земля", "каганат русов", охвативший основные восточнославянские территории с центром, вероятнее всего, в Киеве (князья которого сохраняли титул "каган" до XII в.). Совпадая с "Русской Землей" в первичном смысле (Среднее Поднепровье – Нижнее Подесенье – Верхнее Побужье), "каганат русов" объединял её с Верхней Русью (на что указывает присутствие в окружении кагана руси шведов)».

Польский историк Генрик Ловмянский, проанализировав

сообщение из «Бертинских анналов» так же сделал весьма впечатляющий вывод:

«Употребление титула «хакан» в 839 г. может свидетельствовать об уже развитой государственной организации».

Однако без ответа остаётся вопрос: было ли использование русами титула «каган» вполне обоснованным экономически и политически или всего лишь стало следствием их претензий на всевластие в регионе?

Против версии о существовании «русского каганата» на территории от Левобережья Днепра до бассейна Среднего Дона и Верхней Оки выступила историк Е.С. Галкина в книге «Русский каганат без хазар и норманнов» (2012 г.). Основное возражение состоит в том, что «на территории каганата (если это славяне-волынцевцы), вступившего в борьбу с Хазарией, *отсутствуют* укрепленные поселения, что говорит как раз о *мирной* жизни».

Пожалуй, наиболее логично мнение А.П. Новосельцева – представленное в весьма обтекаемой форме, оно не даёт повода для серьёзных возражений:

«Где-то на западных рубежах Хазарии в 30-х годах оформилось угрожавшее каганату политическое объединение во главе с русами, правитель которого, вступая в борьбу с хазарами, решил принять высший титул в тогдашней Восточной Европе – хакана».

Иную версию предложил в 2000 году французский историк К. Цукерман в статье под названием «Два этапа форми-

рования древнерусского государства». Проанализировав европейские и арабские источники IX-X веков, исследователь пришёл к следующему выводу:

«Относительно географической локализации каганата мы придерживаемся гипотезы, располагающей его на севере, в бассейне Волхова. Сопоставление данных текстов с результатами археологических раскопок приводит к выводу, что каганат исчез в результате межплеменной войны в начале 870-х годов. Приход же Рюрика следует датировать не 862-м, как в ПВЛ, а серединой 890-х годов».

Видимо, Цукерман не читал работ Шахматова, поэтому и настаивает на своей датировке событий, описанных в ПВЛ. А вот что пишет Цукерман в заключение статьи:

«Экспансия скандинавских (русских) поселений на севере современной России, в крайней северной точке торгового пути, контролируемого на юге хазарским каганатом, послужила основой для создания русского каганата. Амбициозный титул, принятый его главой, свидетельствует о глубокой интеграции в Восточной Европе; новая государственная структура появляется незадолго до первого упоминания о ней в конце 830-х годов. Русский каганат контролировал торговлю между Скандинавией и Востоком, и походы на Константинополь и Абаскун свидетельствуют о его военной мощи».

Единственным и притом весьма сомнительным аргументом в пользу расположения русского каганата в бассейне ре-

ки Волхов, то есть недалеко от Ладоги, являются слова византийского патриарха Фотия о том, что русы, напавшие на Константинополь в 860 году, пришли якобы с «крайнего севера». Обстоятельства этого нападения будут рассмотрены в одной из следующих глав, но прежде необходимо проанализировать версию, согласно которой русский каганат, или некое подобие такого государства, был создан стараниями скандинавов.

Глава 6. Ладожская версия

В первой половине XVIII века немецким историком, членом Петербургской академии наук Г.З. Байером была предложена норманнская версия возникновения Руси. Позднее эта гипотеза получила развитие в работах Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлёцера. В книге Шлёцера «Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке» есть такие строки:

«Ни кто, кто только что-нибудь читал о норманнах, не может принять варягов ни за кого более, чем за норманнов».

Норманнскую версию поддержал и В.О. Ключевский в «Курсе русской истории» (глава 9):

«Эти балтийские варяги, как и черноморская Русь, по многим признакам были скандинавы, а не славянские обитатели южно-балтийского побережья или нынешней южной России, как думают некоторые учёные».

По мнению Н.М. Карамзина, историка начала XIX века, славяне были обречены на то, чтобы остаться на задворках просвещённой Европы, если бы варяги не согласились властвовать над ними. Вот что он написал в «Истории государства российского» (том 1) в качестве доказательства норманнской версии:

«Господствуя на морях, имея в IX веке сношение с Югом и Западом Европы... варяги, или норманны, должныствовали быть образованнее славян и финнов, заключенных в диких

пределах Севера».

Присутствие скандинавов в Ладого подтверждено находками археологов, однако не найдено доказательств реальной экспансии скандинавов в этом регионе. Косвенным подтверждением могут служить лишь названия рек на пути с Балтики в сторону Дона, Волги и Днепра. Как ни старались лингвисты, появление этих гидронимов не удавалось объяснить с помощью древнеславянского языка или местных наречий. Но стоит обратиться к древнескандинавскому языку Old Norse, как появляются вполне приемлемые варианты. В качестве примера можно привести несколько «расшифрованных» названий рек, но здесь следует учесть, что словарь Old Norse далеко не полон, поскольку основан на анализе древнескандинавских саг, так что необходимо сверять результаты идентификации гидронимов с современным шведским языком.

Один из предполагаемых путей «из варяг в греки» начинался в Финском заливе: Нева – Ладожское озеро – Волхов – Ильмень – Ловать – Днепр – Чёрное море. Название первой реки в приведённом перечне образовано из слов «*nytt vegr*» (в Old Norse), аналогом чему в современном шведском языке является «*ny väg*» – эти слова переводятся как «новый путь», а произносятся как «ни ваг» с долгим «а». Со временем появилось слово с более удобным для славян звучанием – «нева».

Река Волхов, вытекающая из озера Ильмень и впадаю-

щая в Ладожское озеро, также обязана своим наименованием свеям (шведам). Как выяснили археологи, на берегах этой реки ещё задолго до IX века местные жители сооружали невысокие земляные валы для защиты от нападения скандинавов. Имея в виду эти сооружения, скандинавы и придумали название «hváll hof» (в Old Norse; «vall hov» в шведском языке), основой которого стало слово «vall», которое переводится как «вал». Слово «hov» в словаре современного шведского языка переводится как «двор, резиденция». Если допустить, что скандинавы так называли поселение, расположенное за валом, тогда всё сходится.

С помощью шведско-русского словаря можно расшифровать название реки Кострома: слова «kosa», «tro» и «man» образуют словосочетание «путь верного человека». Шведские корни можно найти и в названиях городов. Примером служит слово «tvär», одним из значений которого является эпитет «поперечная». Возможно, вначале так была названа река, впадающая в Волгу близ нынешней Твери почти под прямым углом, – ныне она называется Тверца.

Помимо археологических находок в Ладогe и «скандинавских» гидронимов, в качестве доказательства норманнской версии используют и отрывок из «Бертинских анналов», посвящённый событиям 839 года (*Annales Bertiniani*. 1826):

«Прибыли также греческие послы, отправленные императором Феофилом. <...> Он также послал с ними неких [людей], которые говорили, что их, то есть их народ, называ-

ют рос [gens Rhos – народ рос], что их король, по имени хакан [chacanus], послал их к нему [Феофилу], как они заявляли, дружбы ради. <...> Расследуя более тщательно причину их прибытия, император [король франков Людовик Благочестивый] узнал, что они из народа свеонов, и решил, что они являются скорее разведчиками в той стране и в нашей, чем просителями дружбы».

Это сообщение вызывает множество вопросов. Историк А.П. Новосельцев в статье под названием «Образование древнерусского государства и первый его правитель», опубликованной в 1991 году, написал:

«Что послы хакана росов оказались свеонами, то есть скандинавами, вроде бы нет никаких сомнений, ибо набеги скандинавских викингов на владение франков в первой половине IX в. сделали скандинавов хорошо известными в центральной и западной Европе. Следовательно, первое датированное известие о Руси отождествляет её с норманнами. Главное для нас однако не признание этого факта. Гораздо важнее выяснить, откуда прибыли русы-шведы в Ингельгейм и почему они не могли вернуться на родину прежним путем?»

Ещё один «каверзный» вопрос сформулировал В.Я. Петрухин в книге «Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков» (1995 г.):

«Но что тогда заставило выходцев из Швеции называть себя "народом рос" в Ингельгейме в 839 г.?»

Историк тут же даёт ответ, но почему-то не на свой

вопрос – фактически он лишь озвучил гипотезу, но так и не указал причину, по которой свеи в Византии называли себя «росами». Вот что написал Петрухин:

«Финно-язычные народы называют Швецию *Ruotsi, Rootsi*, что закономерно даёт в древнерусском языке русь. Последние историко-этимологические разыскания показали, что эти названия восходят к др.-сканд. словам с основой на *rops-*, типа *ropsmardr, ropskarl* со значением "гребец, участник похода на гребных судах". Вероятно, так называли себя "росы" Бертинских анналов и участники походов на Византию».

Любопытно, что в работе 1995 года историк пишет «вероятно, так называли себя», а в «Очерках истории народов России в древности и раннем средневековье», опубликованном в 2004 году, он более категоричен: «очевидно, именно так называли себя». Что же изменилось за десять лет? К сожалению, почти ничего – только прибавилось вопросов. Но прежде, чем сформулировать их, приведём отрывок из комментария историка Г.Г. Литаврина к русскому переводу главы 9 трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей»:

«Слово "русь" рассматривается обычно как этноним и связывается с древнескандинавским корнем *rops-* через финское *Ruotsi*. Эта теория в любой её модификации предполагает несколько этапов развития слова: а) формирование древнескандинавского исходного наименования; б) его распространение в финноязычной среде; в) его последующее

заимствование восточными славянами. <...> Все отмеченные гипотезы апеллируют к древнешведским формам, прямое обращение к которым, однако, невозможно, поскольку выделение древнешведского, как и других диалектов, произошло лишь в X-XI вв.»

Иного мнения придерживаются сторонники норманнской версии Е.А. Мельникова и уже упомянутый Петрухин в статье 1989 года «Название "Русь" в этнокультурной истории древнерусского государства (IX – X в.в.)»:

«Наличие корня *ruots-* во всех западнофинских языках свидетельствует о появлении слова в период Языковой общности, распад которой относят ныне к VI-VIII векам. Отсутствие же производных от него, узость семантики и изолированность указывают на то, что корень этот не является исконно финским. Источником заимствования финского *ruotsi* традиционно считается производное от древне-скандинавского глагола "грести"».

Итак, Мельникова и ряд других историков утверждают, что финское название шведов со временем превратилось в «русь». Такую возможность подтверждают многие лингвисты. Однако вряд ли кто-то удовлетворится объяснением, которое отсылает нас к периоду никем не доказанной «Языковой общности», а в дополнение вынуждены поверить в некую традицию – подобный аргумент ни при каких условиях не может быть использован в научном споре.

Увы, приходится признать, что в распоряжении сторонни-

ков норманнской версии нет ни доказательств существования в IX веке слова *Ruotsi* и использования его финнами для обозначения шведов, ни доказательств связи этого термина со словом «гребцы» в древнескандинавском языке.

Во вступлении к книге «Изгнание норманнов из русской истории» (2010 г.) А.Н. Сахаров и В.В. Фомин приводят следующие аргумента против норманнской версии происхождения Руси:

«Некоторые города в Нормандии, подчеркивают зарубежные ученые, "такие, как Quettehou и Houlgate, сохранили названия, которые присвоили им основатели-викинги тысячу лет назад", а "из 126 деревень на о. Льюис – одном из внешних Гебридских островов – 110 имеют либо чисто скандинавское название, либо какое-то его подобие". Восточная Англия, подвергшаяся датской колонизации и где в 886 г. по мирному договору предводителя датчан Гутрума с англосаксонским королем Альфредом Великим был основан Данелаг (по-английски Денло, "область датского права"), до сих пор несёт на себе ярко выраженный скандинавский отпечаток. <...> Ничего подобного русская история не знает».

Следует отметить и то, что топонимы с корнем «рус» довольно часто встречаются на северо-западе Руси. Это Старая Русса, Порусье, Околорусье в южном Приильменье, Руса на Волхове, Русыня на Луге, Руська на Воложке в Приладожье. Однако ничего подобного нет в Поднепровье – то ли скандинавов там не было в IX веке, то ли по какой-то причине

они не смогли навязать местному населению свои названия тамошних рек. К этому следует добавить, что археологи так и не смогли найти следов пребывания скандинавов в Киеве и Среднем Поднепровье ранее X века.

Итак, если придерживаться скандинавской версии, без ответа пока остаются следующие вопросы:

1. Откуда послы хакана русов прибыли в Константинополь в 838-839 году?

2. Если послы прибыли с северо-запада, из Ладogi, то почему предводителя русов называли по-восточному – хаканом (каганом)?

3. Если русы в 830-х годах обретались в Ладогe, тогда зачем послов посылать в такую даль – за 2500 км в Византию?

4. Почему послы хакана русов в 839 году побоялись вернуться назад прежним путём, а попросили греческих послов взять их с собой в Ингельхайм, в резиденцию короля франков Людовика Благочестивого?

5. Почему Людовик Благочестивый пришёл к выводу, что прибывшие в Ингельхайм «росы» – это свеоны?

6. Почему скандинавы воспользовались прозвищем «рос» (или «рус»), а не использовали более привычное самоназвание?

7. Почему государство получило название Русь, хотя скандинавы-руссы были в меньшинстве?

8. Если в IX веке славяне называли пришлых скандинавов словом «русь» (от финского ruotsi), почему они позже стали

называть их свеями, урманам и готами?

9. Почему финны, в отличие от славян, не изменили прежнего названия, которым они обозначали свеев?

10. Почему в Киеве не обнаружено следов пребывания скандинавов в IX вв.?

Впрочем, на некоторые вопросы можно дать более или менее логичные ответы, но вряд ли они будут выглядеть убедительно. Поэтому отложим это занятие до следующих глав, когда появятся новые аргументы. Единственное, что можно сказать уже сейчас – ладожская версия трещит по швам.

Глава 7. Поход на Константинополь в 860 году

Как принято при описании событий IX века, для начала обратимся к «Повести временных лет» (перевод Д.С. Лихачёва):

«В год 6370 (862). <...> И избрались трое братьев со своими родам, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде. <...> И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город... Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде. <...>

В год 6374 (866). Пошли Аскольд и Дир войной на греков и пришли к ним в 14-й год царствования Михаила <...> множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. <...> Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и снова встали огромные волны, разметало корабли безбожных русских, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось избегнуть этой беды и вернуться домой».

В первой главе было показано, что автор ПВЛ использовал ошибочную датировку событий IX века – из византий-

ских источников известно, что нападение «росов» на Константинополь произошло в 860 году. Сведения об этом нападении содержатся в двух проповедях патриарха Фотия и в его «Окружном послании» восточным митрополитам в 867 году. Вот отрывок из первой гомилии «На нашествие росов»:

«Откуда обрушилась на нас эта страшная гроза гипербореяская? Что за сгустившиеся тучи горестей, каких осуждений суровые скрежетания исторгли на нас эту невыносимую молнию? Откуда низвергся этот нахлынувший сплошной варварский град? <...> Из-за этого шум брани на земле нашей и великое разрушение; из-за этого Господь открыл хранилище Своё и взял сосуды гнева Своего, из-за этого выполз народ с севера, словно устремляясь на другой Иерусалим, и народ поднялся от краев земли, держа лук и копье; он жесток и немилосерд; голос их шумит, как море. Мы услышали весть о них – точнее, увидели воочию скопище их. <...> Этот скифский народ, жестокий и варварский, выползя из самых предвратий города, будто полевой зверь объел окрестности его».

Фотий продолжает рассказ во второй гомилии «На нашествие росов»:

«Ведь вовсе не похоже оно на другие набеги варваров, но неожиданность нападения и невероятность стремительности, бесчеловечность рода варваров, жестокость нравов и дикость помыслов показывает, что удар нанесен с небес, словно гром и молния. <...> Народ незаметный, народ, не

бравшийся в расчет, народ, причисляемый к рабам, безвестный – но получивший имя от похода на нас, неприметный – но ставший значительным, низменный и беспомощный – но взошедший на вершину блеска и богатства; народ, поселившийся где-то далеко от нас, варварский, кочующий, имеющий дерзость [в качестве] оружия, беспечный, неуправляемый, без военачальника, такую толпой, столь стремительно нахлынул будто морская волна на наши пределы и будто полевой зверь объел как солому или ниву населяющих эту землю. <...> Всё наполнилось мертвыми телами: в реках течение превратилось в кровь, <...> а горы и холмы, ущелья и пропасти ничуть не отличались от переполненных городских кладбищ».

Здесь стоит обратить внимание на то, что в первой гомилии Фотий задаёт вопрос: «Откуда низвергся этот нахлынувший сплошной варварский град?» А затем вроде бы отвечает на него, сообщая, что народ пришёл с севера, «от краёв земли». Однако во второй гомилии пишет о невероятной стремительности нападения, что ставит под сомнение способность жителей Константинополя, в том числе и Фотия, определить, откуда же совершено это нападение. В случае, если корабли «росов» пришли с севера, они должны были преодолеть 30 км по Босфору, чтобы приблизиться к Константинополю. Трудно поверить, что их никто не заметил – греки вполне могли зажечь сигнальные костры, извещавшие о нападении. В ясные, безветренные дни вертикальные ды-

мовые столбы различимы на расстоянии до 50 км. Если же нападение совершено ночью, тогда невозможно определить, откуда же пришли нападавшие. Косвенное подтверждение этому находим в рассказе о нападении аваров и славян на Византию в 626 году. Вот отрывок из «Пасхальной хроники», написанной в 30-е годы VII в. в Константинополе:

«29 июня 626 г. авангард аварской армии появился у стен Константинополя. 31-го произошли первые стычки, но до 8 июля передовые части врага оставались в удалении от города. Авары с помощью костров-сигналов координировали действия со своими союзниками персами, стоявшими на другом берегу Босфора, у Хрисополя. <...> Через день, то есть 31 числа того же июля месяца, он [хаган аваров] явился, готовый к бою, и вёл его с раннего утра и до 11 часа [у городской стены] от так называемых Полиандрийских ворот до ворот Пемпта и даже дальше. <...> Там он расположил свои огромные полчища, а вдоль остальной части стены, так, чтобы их было видно, выставил славян. Он оставался там, осаждая [стены], от рассвета и до 11 часа. В первой линии [у него были] пешие легковооруженные славяне, а во второй – тяжеловооруженная пехота. <...> Он попробовал спустить на воду моносилы, которые привёз с собой, но ему не позволили [этого ромейские] военные корабли. В конце концов на третий день осады он подготовил их к спуску у моста св. Каллиника. Он подготовил моносилы к спуску именно там потому, что места там были мелкие и военные суда не могли

туда подойти. Корабли остались в пределах видимости с моноксил, [расположившись] от св. Николая до св. Конона, что на стороне Пиг, и не позволили моноксилам проскользнуть».

Следует обратить внимание не только на использование сигнальных костров, но и на то, что нападение началось с рассветом, а это означает, что аварские войска выдвигались на исходные позиции в сумерки или даже в полной темноте, когда ромеи не имели возможности их заметить. Наверняка такую же тактику избрали и «росы» в 860 году. Необходимо учесть и аргумент в пользу применения моноксильно-однодревок – они могли передвигаться по мелководью, оставаясь недосягаемыми для греческих военных кораблей.

Сведения об этом походе есть и в «Житии патриарха Игнатия» Никиты Пафлагона:

«В это время запятнанный убийством более, чем кто-либо из скифов, народ, называемый Рос, по Эвксинскому понту прийдя к Стенону и разорив все селения, все монастыри, теперь уже совершал набеги на находящиеся вблизи Византия (т.е. Константинополя) острова, грабя все [драгоценные] сосуды и сокровища, а захватив людей, всех их убивал. Кроме того, в варварском порыве учинив набеги на патриаршие монастыри, они в гневе захватывали всё, что ни находили, и схватив там двадцать два благороднейших жителя, на одной корме корабля всех перерубили секирами».

Но возникает вопрос: насколько хорошо автор этого «Жития» был осведомлён о событиях 860 года? По мнению

историка-византиста М.В. Бибикова, изложенному в книге «Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси» (том 1), Пафлагон родился около 885 года, ну а само «Житие» составлено после 906 года. Впрочем, другой историк-византист, А.П. Каждан, полагал, что «Житие» написано в конце IX века. В любом случае автор «Жития» описывал события 860 года с чужих слов, так что к сообщению, будто нападавшие пришли со стороны Чёрного моря, следует отнестись с осторожностью.

В X веке о нападении на Константинополь писал продолжатель Феофана:

«Потом набег росов (это скифское племя, необузданное и жестокое), которые опустошили ромейские земли, сам Понт Евксинский предали огню и оцепили город (Михаил в то время воевал с исмаилитами). Впрочем, насытившись гневом Божиим, они вернулись домой – правивший тогда церковью Фотий молил Бога об этом».

На рубеже X–XI вв. эту тему затронул Иоанн Диакон, автор «Венецианской хроники»:

«В это время народ норманнов (Normannorum gentes) на трёхстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к Константинополю. Но так как они никоим образом не могли нанести ущерб неприступному городу, они дерзко опустошили окрестности, перебив там большое множество народу, и так с триумфом возвратились восвояси».

Здесь обращает на себя внимание то, что Иоанн Диа-

кон однозначно идентифицирует нападавших как норманнов. Объяснение этому утверждению находим в трактате «Антападосис» (949 г.) Лиутпранда Кремонского (перевод И.В. Дьяконова, 2005-2012 гг.):

«В северных краях есть некий народ, который греки по его внешнему виду называют "русиос", мы же по их месту жительства зовём "норманнами". Ведь на тевтонском языке "норд" означает "север", а "ман" – "человек"; отсюда – "норманны", то есть "северные люди"».

Видимо, Иоанн Диакон был знаком с текстом «Антаподосиса», поэтому и пришёл к выводу, что «росы», о которых писал Фотий, это скандинавы.

Точная дата нападения «росов» указана в документе, содержащем сведения о римских и византийских императорах, а также о событиях тех времён. Эта византийская рукопись была издана в 1894 году в Брюсселе, потому и названа «Брюссельской хроникой». После имени византийского императора Михаила III в ней приведено следующее сообщение:

«Михаил, сын Феофила (правил) со своею матерью Феодорой четыре года и один – десять лет, и с Василием – один год и четыре месяца. В его царствование 18 июня в 8-й индикт, в лето 860, на 5-м году его правления пришли Росы на двухстах кораблях, которые предстательством всеславнейшей Богородицы были повержены христианами, полностью побеждены и уничтожены».

Следует обратить внимание на расхождения в оценках численности нападавших – то ли 200, то 360 кораблей. Конечно, эти оценки приблизительны, однако вряд ли автор Брюссельской хроники мог намеренно завысить численность кораблей почти в два раза.

С заменой «росов» на норманнов в труде Иоанна Диакона всё предельно ясно, а вот появление термина «рос» в гомилиях Фотия ещё нужно объяснить. Но об этом речь пойдёт в главе 11.

Итак, в 860 году жители Константинополя и его окрестностей могли определить нападавших по цвету их лица, как «росов», которые согласно мнению Лиутпранда и сообщению из «Бертинских анналов», были скандинавами. Но можно ли на этом основании утверждать, что они напали с севера? Автор ПВЛ пишет, что варяги Аскольд и Дир пошли войной на греков из Киева, но вот что странно – эти скандинавы четыре года правили в Киеве, наверняка довольно долго готовились к нападению на Константинополь, собирая силы, однако в Киеве и его окрестностях до сих пор не обнаружено следов пребывания скандинавских воинов, которые можно отнести к IX веку.

Именно поэтому сторонники норманнской версии происхождения Руси стали утверждать, что поход на Византию начался не в Киеве, а в Ладоге. Однако возникают серьёзные сомнения в осуществимости такой затеи.

По словам Фотия, нападавшие пришли на морских судах,

однако невозможно представить себе, чтобы «росы» за относительно короткий срок смогли доставить большое количество кораблей через многочисленные пороги на Неве, на Волхове и на Днестре. Пришлось бы перетаскивать суда волоком, не только обходя пороги, но и перебираясь из одной реки в бассейн другой, вплоть до Днестра, который и выводил их к Чёрному морю. Сложность пути через Волхов отмечал историк Д.И. Иловайский:

«Между Днестром и Ловатью лежит поперечный бассейн Западной Двины; следовательно, надобно было перейти два волока. Притом гораздо короче был другой путь из Варяг в Греки, по Западной Двине; а Волхов и Нева представляли длинный крюк».

А вот мнение археолога А. Л. Никитина, которое он высказал в книге «Основания русской истории: Мифологемы и факты» (2001 г.):

«При рассмотрении <...> вопроса о пути "из варяг в греки" по Днестру обнаруживается не только полное отсутствие свидетельств, подтверждающих его существование. <...> Не менее существенен и тот факт, что по сравнению с двинским направлением протяжённость маршрута с верховьев Днестра через Новгород и Ладогу увеличивается более чем в пять (!) раз».

Историк В. Я. Петрухин также не видит смысла в использовании этого пути:

«По данным археологии, в IX в. основным международ-

ным торговым маршрутом Восточной Европы был путь к Чёрному морю по Дону, а не Днепру. С рубежа VIII и IX вв. и до XI в. по этому пути из стран Арабского халифата в Восточную Европу, Скандинавию и страны Балтики почти непрерывным потоком движутся тысячи серебряных монет – дирхемов. <...> Само месторасположение новгородских поселений не ориентировано на связи с Днепром. За Руссой к югу (на Днепр) нет крупных поселений, зато к юго-востоку (Балтийско-Волжский торговый путь) выросли Новый Торг и Волок Ламский».

Есть и ещё одно возражение против осуществимости похода из Ладоги в Константинополь. Дело в том, что нападение 860 года произошло вскоре после того, как византийские войска и флот отправились на войну с арабами. Аналогичная ситуация была и в 626 году – тогда войска Аварского каганата осадили Константинополь сразу после того, как византийские войска отправились воевать на Кавказ. Но если в этом случае авары, занимавшие земли по Дунаю, могли узнать об уходе византийских войск, то ладожские скандинавы такой возможности не имели – расстояние от Ладоги до Константинополя составляет более двух тысяч километров. А напасть, не зная численности войск врага – это авантюра с минимальной надеждой на успех.

Если корабли «росов» отправились в поход из Ладоги, тогда есть ещё одно важное препятствие. Дело в том реки на северо-западе становятся судоходными не раньше середины

апреля, так что вряд ли переход по рекам, через волоки, с учётом остановок для отдыха удастся уложить в два месяца, чтобы успеть к середине июня, когда «росы» напали на Византию, как написано в «Брюссельской хронике».

Есть другой возможный путь с северо-запада в сторону Чёрного моря – крупные суда скандинавов могли прийти прямо с Балтики через Западную Двину. Как-никак эта река расположена южнее Невы и Волхова, однако и на ней есть опасные пороги.

Об этом маршруте рассказывает Т.Н. Джаксон в книге «Исландские королевские саги о Восточной Европе» (1993 г.):

«Скандинавские источники <...> из трёх известных им путей на Русь (через Северную Двину, Финский залив и Западную Двину) подробно описывают именно Западнодвинско-Днепровский путь».

Действительно, этот путь упоминается в «Саге о гутах»:
«В течение долгого времени население Готланда настолько размножилось, что страна не могла всех прокормить. <...> Они не хотели уезжать, но поплыли к Торсборгу и там поселились. Но жители той земли не захотели их терпеть и изгнали их. Тогда они поплыли на остров Форё и поселились там. Но и там они не могли себя прокормить и поплыли на один остров близ Эстланд [Эстония], который называется Дагё, и поселились там. <...> Но и там они не могли себя прокормить и поплыли к реке, которая называется Дюна [За-

падная двина], а по ней – через Рюцаланд [Русь]. Они плыли так долго, что приплыли в Грекланд [в Грецию]».

Однако, если скандинавы в 860 году шли по Западной Двине, то исходным их пунктом была либо Упсала на восточном побережье нынешней Швеции, либо один из островов в Балтийском море, использованный в качестве промежуточной стоянки. В этом случае скандинавы до Западной Двины должны были идти на больших морских судах. Ну а дальше что? Специально для этого похода строить 200 малых судов-однодревок, приспособленных для плавания по рекам и перетаскивания волоком? В это трудно поверить, к тому же требовалось довольно много времени, чтобы изготовить эти однодревки. Вряд ли 200 штук они привезли из Упсалы.

Но есть ещё одно возражение против обеих версий – и ладожской, и северо-двинской. Вот отрывок из книги «Путь из варяг в греки» (1931 г.) филолога В.А. Брима:

«Участок, проходящий через Финский залив к Неве и через Волхов к великому волоку, ни в одном скандинавском источнике не описан, хотя он имел первостепенное значение в эпоху варяжских движений. <...> Ладожское озеро <...> нигде в скандинавской литературе не упомянуто. <...> Трудный и, вероятно, небезопасный участок пути волоком из Ловати на Двину и из Двины на Днепр нигде в исландских и вообще скандинавских памятниках не упомянут».

Как бы то ни было, скандинавы имели опыт перетаскивания судов волоком. Об этом пишет А.Я. Гуревич в книге

«Древние германцы. Викинги (2007 г.):

«Хедебю играл огромную роль в торговле Северной Европы. В первую очередь – из-за своего чрезвычайно удобного месторасположения: город находился в крайней восточной точке пути, связывавшего балтийское побережье Ютландии с западным её побережьем, омываемым Северным морем. Вместо того, чтобы совершать длительное и опасное путешествие через проливы Скаггерак и Каттегат, где торговые суда подстерегал и пираты и где частыми были бури, купцы предпочитали двигаться из Балтийского моря по судоходной Шлей до Хедебю. Оттуда по суше на расстояние примерно 17-18 км они волоком или на повозках продвигались к реке Трене и по ней до вод Северного моря. Этот путь пересекал южную оконечность Ютландского полуострова несколько севернее нынешнего Кильского канала».

Итак, путь от Ладоги или от устья Западной Двины до Чёрного моря был слишком труден даже для бывалых скандинавов, а кроме того, вряд ли им удалось прибыть в Константинополь к середине июня. Ну что ж, допустим, что «росы» отправились в поход из Киева или его окрестностей. Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» рассказывает о том, как они в X веке добирались из Киева в Константинополь:

«Славяне же, их пактиоты <...> рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лёд, вводят в находящиеся по соседству

водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. <...>

И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витичеву, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моносилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр. <...>

После того как пройдено это место [последний из порогов], они достигают острова, называемого Св. Григорий [о. Хортица близ Запорожья]. <...> Затем, продвигаясь таким образом от [этого острова] до четырёх дней, они плывут, пока не достигают залива реки, являющегося устьем, в котором лежит остров Св. Эферий [о. Алсос близ устья Днестра]. Когда они достигают этого острова, то дают там себе отдых до двух-трёх дней. И снова они переоснащают свои моносилы всем тем нужным, чего им недостает: парусами, мачтами, кормилами, которые они доставили [с собой]. <...> Оттуда они отправляются к реке Днестр и, найдя там убежище, вновь там отдыхают. Когда же наступит благоприятная погода, отчалив, они приходят в реку, называемую Аспрос, и, подобным же образом отдохнувши и там, снова отправляются в путь и приходят в <...> рукав реки Дунай. <...> От Дичины [река Камчия] они достигают области Месемврии [где-то недалеко от Константинополя] – тех мест, где завер-

шается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание».

Здесь следует обратить внимание на слова «невыносимое и тяжкое плавание» – и это в том случае, когда в поход отправляется десяток небольших судов. Если же речь идёт о двухстах судах, то плавание представляется и вовсе невозможным, особенно, если учесть, что нужно уложиться в срок около двух месяцев. Поэтому шведский историк Рюне Эдберг предположил, что скандинавы из Ладоги «шли пешком, на лошадях или в санях, пока не достигали водных потоков, где можно было идти под парусом» – там скандинавы якобы обзаводились небольшими судами, на которых продолжали путь. В этом случае можно было выступить в поход ещё зимой, однако на изготовление двухсот судов потребовалось бы слишком много времени. Так что скандинавы опять не успевали в срок.

Историк-византист IX века В.Г. Васильевский высказал такую версию:

«Скандинавские искатели приключений отправлялись в Константинополь далёким окольным путём через земли Венедов, через Саксонию, Францию, земли Лангобардов, Рим, Апулию».

Такой путь, в принципе, возможен, но для нападения на Константинополь он явно непригоден. Будь мы на месте скандинавов, ни один из рассмотренных вариантов маршрута не мог бы нас устроить, поэтому самое время вернуться к

словам патриарха Фотия. Он пишет, что нападали с севера, «оттуда, откуда [мы] отделены столькими землями и племенными владениями, судоходными реками и морями без пристаней». На самом деле, «росы» нападали с моря, и нет никаких гарантий того, что Фотий знал о направлении удара. Грекам было известно, что родина «росов» находится где-то далеко на севере – возможно, греки узнали об этом в 839 году от послов хакана «росов». В 860 году греки идентифицировали их «по внешнему виду», то есть по цвету лица, а Фотий на этом основании сделал вывод, что «росы» пришли с севера. Однако по внешнему виду они не отличались от скандинавов, а может быть, и от других северных народов.

А что если нападение совершили скандинавские викинги, пришедшие на кораблях со стороны Средиземного моря? По внешнему виду они вполне соответствовали русам, да и свидетельства Лиутпранда и ибн Фадлана не противоречат этой версии. Но прежде, чем что-либо утверждать, посмотрим, что писали историки и летописцы о походах середины IX века. Этой теме посвящена книга Г.С. Лебедева «Эпоха викингов в Северной Европе» (2005 г.):

«Эпоха викингов для Западной Европы началась 8 июня 793 г. и закончилась 14 октября 1066 г. Она началась с разбойничьего нападения скандинавских пиратов на монастырь св. Кутберта (о. Линдисфарн) и закончилась битвой при Гастингсе, где потомки викингов, франко-нормандские рыцари разгромили англосаксов. <...> В практике викингов по-

лучили распространение два новшества: <...> захват скота и другого продовольствия непосредственно в округе военных действий; и создание промежуточных баз на прибрежных островах, в устье Сены и Луары».

Здесь следует обратить внимание на то, что викинги на пути следования к намеченной цели создавали промежуточные базы, причём есть сведения, что такие базы близ побережья Западной Европы располагались на расстоянии одного дня пути, что вполне логично.

Более подробные сведения приведены в книге Андерса Стриннгольма «Походы викингов», написанной в середине IX века:

«В марте 845 года флот из 120 длинных судов вошёл в эту реку, проникнув до Руана. <...> Они опять вышли в море в 849 году. <...> Море кишело кораблями викингов. <...> В их власти находились все реки, большие и малые, по всему берегу от Эльбы до Пиренеев. <...>

В 851 году другое норманнское войско, находившееся во Фландрии, выступило из Гента и потянулось сухим путем к Бове, а оттуда в Руан на берегу Сены. <...> На следующий год в эту реку вошла опять сильная флотилия: войско на ней состояло под начальством Гастинга и Бьерна. Норманны взяли Париж, ограбили его. <...> После этого Гастинг предложил викингам поход в Средиземное море. Предложение было принято. <...>

В 857 году или, по другим источникам, в 859 году Гастинг,

с флотом из сотни длинных судов, поплыл к берегам Испании, пристал к Галисии, высадился и грабил... Они продолжили свой путь, делая грабежи на берегах Испании, Португалии, через Гибралтарский пролив, или так называемый в древних сагах Ньорва Зунд, переехали в Африку, взяли приступом город Накхор и перебили множество сарацин. Потом явились на Балеарских и Питиузских островах и грабили на Майорке, Менорке и Форменгерре. <...> Оттуда устремились к берегам Италии. Ветер принёс их в генуэзский залив, в котором они вошли в бухту Специи. Перед ними находился город Луна. <...> Сказывают, что они потом посетили Пизу и другие города Италии и доходили даже до Греции».

Как видим, викинги не ограничились набегами на западное побережье Европы, но доходили и до Греции. Судя по всему, эти сведения позаимствованы из «Хроники Альфонсо III»:

«В то время пираты Северяне снова прибыли к нашим берегам. Они разошлись по всей Испании, предавая побережья мечу и огню. Оттуда, пересеча море, они ворвались в город Наакор в Мавритании и убили множество Халдеев. Затем, отправившись к островам Мальорке и Менорке, они опустошили их мечом. Потом они приплыли в Грецию и, наконец, вернулись в свою страну три года спустя».

Мухаммад ибн Абу Бакр аз-Зухри, географ XII века из Гранады, также сообщает о том, что корабли викингов (алмаджус) доходили до восточного побережья Средиземного

моря (Т.М. Калинина, Древняя Русь в свете зарубежных источников. 2001 г.):

«Приходили из этого моря ('Укийанус, т. е. Океана или, по-другому, Окружающего моря – Атлантики) огромные корабли. <...> На них плавали ватаги людей под названием алмаджус, народ сильный, доблестный и искусный в мореплавании. Когда бы ни появились они, пустело побережье из-за страха перед ними. Набеги их происходили каждые 6 или 7 лет, не меньше чем на 40 кораблях, а иногда и на 100. Они истребляли всех, кто встречался на море, грабили и брали в плен. <...> Они входили <...> в то малое море (ал-бахр ас-сагир – Средиземное) и проходили до окраин Сирии (аш-Шам)».

Арабский учёный X века Ибн ал-Кутиййа описал походы викингов в книге «История завоевания Андалусии»:

«Они отошли от Севильи и направились к Накуру. <...>.. Затем они чинили насилия над всеми обитателями побережья, пока не добрались до страны ар-Рум (Византии или Италии). В том путешествии они достигли Александрии и пребывали в этом [положении] четырнадцать лет».

«Хроникон о свершениях норманнов во Франкии» («Chronicon de gestis normannorum in Francia», перевод А.С. Козлова, 2009) сообщает:

«23. В год Господень 860. Норманны, остановившиеся на реке Сомме, после того как были взяты заложники плывут к англосаксам. Будучи прогнаны ими, они устремляются в

другие края. Те же, которые находились на Роне, доходят до самого города Валенсии – с ограблением всего вокруг. После опустошения его они возвращаются на остров, на котором соорудили стоянку. Затем они отправляются в Италию, захватывают и опустошают город Ризу и другие.

24. Норманны предают огню Лютецию паризиев и церковь святого мученика Винцента, а также Сен-Жермен. Они также следуют по пятам за купцами, спасающимися бегством на судах вверх по Сене, и захватывают [их]. Другие же из норманнов, возвращаясь из Англии, нападают на Теронский округ и опустошают [его]. Потом они со своим герцогом Веландом на 200 судах поднимаются по Сене и осаждают крепость на острове, который называется Осселль».

Какие же выводы можно сделать из этих текстов? Викинги собирали для нападения множество больших судов, а затем разделялись на две-три группы для грабежа городов на побережье и в долинах рек. Русы, напавшие на Константинополь в 860 году, также имели большое число судов. Отличие в том, что викинги продвигались по рекам вглубь территории не более чем на 200 км, а русы, если они шли из Киева, предприняли поход длиной более 2000 км. При этом около половины пути они должны были пройти по Днепру, преодолев Днепровские пороги и нижнее Поднепровье, которое контролировали хазары.

Если викинги освоили путь из Скандинавии в Грецию, как пишет Стриннгольм, и даже доходили до Сирии, как пишет

аз-Зухри, тогда они вполне могли напасть и на Константинополь в 860 году. На этом пути опасности подстерегали только при проходе через Гибралтар и через Дарданеллы, однако блокирование Дарданелл стало возможным только в XV веке, когда в самом узком месте по обе стороны пролива турки построили крепости Чименлик и Килитбахир. До той поры через пролив могли прорваться чужие корабли.

Напомню, что 859 году Гастинг отправился к берегам Испании, а в следующем году разграбил Луну. Трудно поверить, что такие грандиозные события случайно совпали по времени. Логично предположить, что из армады норманнов отделилась часть кораблей для нападения на Константинополь. Единственный контраргумент – в древнескандинавских сагах не сообщается о нападении викингов на Византию. Причина может быть в том, что поход был неудачен или среди командиров не было знатного норманна. Вот и Стриннгольм, основываясь на сагах, не может сказать, кто именно доходил до Греции.

Возможен и такой вариант: викигам, напавшим на Константинополь, отрезали путь назад, в Средиземное море (подоспевший греческий флот мог заблокировать Дарданеллы), и они вынуждены были плыть на север и где-то там создать поселение и продолжать грабежи. В этом случае некому было сообщить на родину о походе, чтобы эти сведения могли лечь в основу устных преданий и скандинавских саг. Хотя Фотий и другие хронисты не пишут о том, куда потом отпра-

вились нападавшие на Константинополь, эта версия весьма сомнительна.

Есть ещё один источник, анализ содержания которого может прояснить ситуацию с нападением на Константинополь – это рукопись X века под названием «Житие Георгия Амастридского», где есть такие слова:

«Было нашествие варваров, народа "рос", как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чём другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они – этот губительный на деле и по имени народ, – начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигли, наконец, и до отечества святого, посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы».

Прежде всего, надо бы выяснить, что такое Пропонтида. Обычно под этим названием понимается Мраморное море, однако вот что написал В.Г. Васильевский в книге «Введение в Житие св. Георгия Амастридского» (1878 г., глава СХХIX):

«Ничто не мешает понимать текст так, что выражение Пропонтида употреблено здесь в более широком смысле,

при котором в неё включаются и Босфор с Дарданеллами, или даже в значении нарицательном, соответствующем этимологическому составу слова, в значении "предморья"».

Причина такого понимания и перехода Васильевского к расширенному толкованию такова:

«При том, если держаться буквального смысла выражений агиографа, то и самая Протонтида была только исходным пунктом <...> для русских враждебных действий, а это представляется довольно странным, когда мы сообразим, что Мраморное море долженствовало скорее оказаться наиболее отдалённой гранью, последним пределом, за который русские однодревки вообще не заходили».

Понятно, что Васильевский придерживается аксиомы: русские (и никакие другие) однодревки приплыли с севера. Откуда же взялся «широкий смысл»:

«Пропонтида у греков также и пролив Константинопольский. Есть две Пропонтиды, гласит византийская глосса: одна у Абидоса, другая при Иероне и Псаммафеи».

И далее:

«Когда историк Лука говорит <...> о проливе Пропонтиды при священном устье <...>, то он следует именно такому словоупотреблению, разумея под Пропонтидой Босфорский пролив с Иероном».

И вот к какому выводу приходит Васильевский, по-своему интерпретируя содержание «Жития св. Георгия Амастридского»:

«Если слово Пропонтида употреблено в нашем памятнике <...> в таком же смысле, то в нём уже не будет заключаться ни малейшего намёка на прохождение русских судов мимо Золотого Рога, мимо стен столицы, а просто будет идти речь о частном набеге, в котором Русь начала свой грабёж у Босфора <...>, а потом достигла Амастриды».

Здесь следует иметь в виду, что Амстрида находилась на южном берегу Чёрного моря, в трёхстах километрах восточнее Константинополя. По мнению Васильевского, русские суда дошли до входа в Босфор, но затем почему-то двинулись вдоль побережья, на восток. Из этого он делает очень важный вывод:

«Если мы будем понимать русское нашествие на Амастриду как местный и частный набег, то уже не останется ни малейшего основания удивляться, что на такое событие не встречается намёка в беседах Фотия, сказанных по поводу осады столицы Византии».

Вот так допущение широкого толкования и отсутствие чёткой информации в беседах Фотия привело Васильевского к выводу, что нападение на Амастриду никак не связано с нападением на Константинополь в 860 году. Однако византийский богослов не мог, в силу недостатка знаний, представить в своих проповедях полную картину того, что случилось в 860 году. Он посчитал необходимым дать всего лишь религиозно-политическую оценку событий, создав в своей проповеди образ врага, несущего погибель Византии. Тем не

мене, Васильевский делает из бесед (проповедей, гомилий) Фотия следующий вывод:

«Если из умолчания и намёков Фотия можно выводить какие-нибудь заключения, то разве только то, что русские ранее произнесения бесед действительно никогда не осаждали самой столицы византийской».

И всё это несмотря на то, что продолжатель Феофана и Иоанн Диакон пишут о нападении на Константинополь, причём в то время, когда Михаил воевал с исмаилитами (об этом написал продолжатель Феофана), то есть в 860 году. Однако для нас куда важнее не выводы Васильевского, основанные на многочисленных «если», а то обстоятельство, что Пропонтида в обычном понимании – это Мраморное море. Тогда следует предположить, что нападение на Константинополь было совершено с юга, со стороны Мраморного моря. Тут самое время ещё раз привести отрывок из «Жития патриарха Игнатия» Никиты Пафлагона:

«В это время запятнанный убийством более, чем кто-либо из скифов, народ, называемый Рос, по Эвксинскому понту прийдя к Стенону и разорив все селения, все монастыри, теперь уж совершал набеги на находящиеся вблизи Византии острова, грабя все (драгоценные) сосуды и сокровища, а захватив людей, всех их убивал».

Нетрудно убедиться, что у южного побережья Чёрного моря нет никаких островов, а вот в Мраморном море, к юго-востоку от Константинополя есть несколько небольших ост-

ровов, которые и могли стать объектом нападения, но только в 860 году, поскольку в 941 году русские корабли князя Игоря не смогли преодолеть Босфор. Это обстоятельством ставит крест на выводах Васильевского. Впрочем, есть слабая надежда, что в «Житии св. Георгия Амастридского» описано нападение, случившееся ранее 860 года. Увы, ни один другой источник не сообщил о таком грандиозном нападении, когда вражеские корабли прошли через Босфор, побывали в Мраморном море, чтобы под конец разграбить Амастриду.

И всё же, откуда было совершено нападение? Фотий пишет о русах, как о северном народе. Пафлагон утверждает, что нападавшие пришли со стороны Чёрного моря. А в «Житии Георгия Амастридского» сказано, что разграбление началось с Пропонтиды. Какой же вывод можно сделать?

Если под Пропонтидой понимать Босфор, то можно предположить, что русы сначала разграбили берега пролива, затем острова в Мраморном море, а затем, нагрузив однодревки богатой добычей, вернулись в Чёрное море, но направились почему-то не домой, а за 500 км на восток, чтобы разграбить Амастриду. Но в это слабо верится, поскольку логичнее было бы сразу напасть на Амастриду.

Такой вираж можно признать вполне логичным, если только русы пришли из северного Причерноморья или из Приазовья – тогда им всё равно пришлось бы возвращаться вдоль восточного побережья Чёрного моря, проходя мимо Амастриды. Но есть и другая версия. Викинги пришли с

юга на больших кораблях, последовательно разграбили острова в Мраморном море (в Пропонтиде), побережье Босфора и Амастриду в южном Причерноморье, а затем вернулись в Средиземное море.

Однако как опровергнуть Фотия и Пафлагона? Для этого следует обратить внимание на расхождение в оценках численности кораблей, принимавших участие в нападении на Константинополь. Можно предположить, что автор «Брюссельской хроники» пользовался источником, в котором сообщалось, что 200 кораблей викингов вошли в Средиземное море и направились в сторону Греции, либо же – 200 кораблей викингов вошли в Мраморное море. Автор этой хроники, как и Лиутпранд, был уверен, что викинги это те же росы, поэтому и сделал соответствующий вывод. В то же время, Иоанн Диакон мог иметь в своём распоряжении более полную информацию, в которой говорилось о 360-ти кораблях, напавших на Константинополь.

Откуда же взялась разница в 160 кораблей? А что если викинги, дойдя до Мраморного моря и произведя разведку, убедились, что взять Константинополь им не под силу? Как известно, для нападения на Париж викингам потребовались много кораблей и воинов, а Константинополь был укреплён гораздо лучше, несмотря на то, что основная часть армии отправилась воевать с арабами. Следует учесть и то, что флот викингов наверняка сократился после нападения на города Андалусии.

Решение этой загадки можно найти, если предположить, что в северном Причерноморье или в Приазовье располагалось поселение скандинавов. Это вполне соответствует тактике скандинавов-викингов устраивать промежуточные базы на своём пути, а для тех скандинавов, которые освоили путь «из варяг в греки», такие базы-поселения требовались, чтобы после трудного пути дать отдых воинам, сопровождавшим торговые суда. Такое поселение могло существовать и близ волго-донского волока на пути в столицу Хазарии и далее в Багдад.

Если этот так и о существовании такого поселения было известно в тех скандинавских землях, откуда викинги приплыли в Средиземноморье, они могли послать корабль к своим соплеменникам через Босфор в Чёрное море с предложением присоединиться к нападению на Константинополь. Скорее всего, потребовалось время на подготовку судов, однако из «Хроники Альфонсо III» известно, что поход викингов продолжался три года, так что они могли и подождать – возможно, направились в Сирию, как пишет Аз-Зухри. Когда флотилия кораблей скандинавов, двигавшихся с севера, была на подходе к Босфору, они выслали в условленное место корабль с гонцом, который сообщил викингам о готовности к нападению. В итоге на Константинополь напали 200 кораблей викингов со стороны Мраморного моря (они-то и грабили прибрежные острова, как писал Пафлагон), а 160 кораблей русов вошли после этого в Босфор. Если бы викин-

ги не отвлекли внимание греков с юга, флотилия русов была бы разгромлена в проливе ещё на подходе к Константинополю.

Эту версию предложил Н.Т. Беляев в книге «Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи», 1929 г., Лондон). Упомянув битву при Бравалле, рассказав о вероятном участии в ней Бравлина, известного по «Житию св. Стефана Сурожского», Беляев сообщил, что в 845 году Рорик Ютландский (по его мнению, летописный Рюрик) вошёл в Эльбу на 600 судах, а в 850 году напал на Англию, имея 350 судов. Увы, сообщения о Рорике ничем не подтверждены, но вот к какому выводу пришёл Беляев:

«Часть кораблей Бьорна в 860 г. добралась до Греции. Совпадение невозможно – нападение на Константинополь было с двух сторон. Рорик использовал родственные связи с Бьорном и направил его на Константинополь с юга, а Аскольда по освоенного Бравлином Днепру – с севера».

Родственные связи с Бьорном – это снова из области догадок. К сожалению, Беляев не смог предложить аргументов в пользу этой версии, кроме соображения о тактической выгоде от нападения на Константинополь одновременно с севера и юга. В предложенной вашему вниманию книге приведено гораздо больше аргументов, однако и этого недостаточно, чтобы утверждать, будто скандинавы напали на столицу Византии с двух сторон. Вот если бы в Приазовье удалось обнаружить следы поселения скандинавов, тогда можно было

бы говорить о вполне обоснованной гипотезе.

Впрочем, С.В. Цветков, автор книги «Поход Русов на Константинополь в 860 году и начало Руси» (2010 г.), настаивал на присутствии русов в Приазовье и на их сговоре с арабами:

«Мы можем реконструировать события 860 года следующим образом: русы ожидали известия от арабов, находясь в дельте Кубани, сосредоточив там собранный со всей территории Русского каганата флот и войска и, получив известие от них, в первых числах июля направились к Константинополю в количестве не менее 8 000 воинов (ладья несла не менее 40 человек). Необходимо отметить, что вряд ли такими малыми силами они рискнули напасть на столицу могущественной империи, не будучи уверенными, что в ней нет войск. Кораблей византийцев там тоже тогда не было – это лишнее подтверждение, что войска императора, скорее всего, переправлялись морем до устья Галиса, а потом, вниз по реке до его притока пресловутого Мавропотама. Так что императорский флот тоже не являлся помехой для нападения».

Отсутствие доказательств не позволяет всерьёз отнестись к столь категоричным утверждениям. Всё, что нам остаётся, это продолжить поиски в надежде создать более или менее обоснованную версию событий, рассмотренных в этой главе. Однако какой же предварительный вывод можно сделать?

Если на Константинополь напали скандинавы, они должны были прийти с юга, поскольку в Киеве скандинавов не

было, а на дорогу из Ладоги ушло бы слишком много времени. К тому же доставить из Приильменя 200 или 360 судов – это задача явно непосильная. Поддержку могли оказать скандинавы из Приазовья, но только при условии, что там было их поселение. Если же напали не скандинавы, тогда, скорее всего, нападавшие пришли из Поднепровья. Под покровом ночи часть судов миновала Босфор, а с рассветом началась атака и на Константинополь, и на острова в Мраморном море.

Глава 8. Приазовская версия

В этой главе попробуем найти дополнительное подтверждение выводов Шахматова, утверждавшего, что термин «русь» возник на юге и только гораздо позже распространился на северо-запад, в Приильменье. Археологические находки свидетельствуют о том, что в середине IX века в Ладоге была лишь небольшая фактория скандинавов (об этом пишет и Шахматов). Могло ли возникнуть крупное поселение скандинавов в Среднем Поднепровье? Увы, археологи опровергают эту версию – в Киеве и ближайших территориях не обнаружено следов присутствия скандинавов ранее X века. Логично предположить существование поселения скандинавов в Приазовье, даже несмотря на то, что следы такого поселения до сих пор не найдены. Чем же привлекательна такая версия?

Во-первых, близость к греческим колониям в Крыму позволяет предположить, что прозвище «росы» («русы») приазовским скандинавам дали крымские греки из Пантикопеи (Керчь), а позже весть о русах дошла до Константинополя. Во-вторых, от Приазовья до столицы Византии гораздо ближе, чем от Киева или от Ладоги, а переход через Чёрное море для опытных мореходов не является большой проблемой. Кроме того, от Приазовья было недалеко до земель Закавказья и побережья Каспия, принадлежавших Аббасидскому

халифату, так что о том, что византийские войска вскоре уйдут на войну с арабами, скандинавы в 860 году могли узнать как от греков, так и от арабов. Ещё одним аргументом в пользу этой версии является использование русами титула «хакан». Если на северо-западе появление восточного титула ничем не обосновано, то в Приазовье, поблизости от основной территории Хазарского каганата, вполне могло существовать некое подобие «русского каганата», возможно, на первых порах находившегося в вассальной зависимости от хазарских властей.

Приазовская версия позволяет объяснить, почему нападение на Константинополь в 860 году византийцы однозначно связали с русами. Крымские греки наверняка сообщили в Константинополь (возможно, с опозданием) о флотилии русов, двигавшейся из Азовского моря мимо Пантикопеи (Керчи) в Чёрное море. Поэтому византийцы пришли к выводу, что напали на них именно русы («росы»).

Как же могло возникнуть поселение скандинавов вдали от Балтийского моря? Если цель скандинавов состояла в контроле над торговыми путями, ведущими на юго-восток, вполне логично, что они создали поселения не только в Ладогe, но и вдоль «пути из варяг в греки» – на Клязьме, в верхнем течении Волги, на Оке и на Дону. Скорее всего, такое же поселение возникло и в восточном Приазовье, как промежуточная база на пути скандинавов в Византию. Об этом скандинавские купцы могли договориться с властями Хазарского

каганата ещё задолго до 839 года. Дабы упрочить своё положение в Приазовье, скандинавы могли объединиться с местными племенами, например, с аланами. Поскольку каждое племя имело своего вождя, вполне логичным решением стало бы использование принятого на востоке титула «хакан», который обозначал «царя царей», «вождя вождей».

Такая версия может объяснить и появление в 838 году послов хакана русов в Византии – русы хотели заручиться поддержкой Византии против хазарских властей, которые имели намерение подчинить себе все соседние племена и явно были не в восторге от желания русов добиться независимости. Поэтому на случай возможного конфликта построили в 827-834 годах крепость Саркел недалеко от волго-донской перемычки, чтобы защитить с запада свою столицу.

Хазарские власти сделали своими вассалами и венгров (угров), которые в VIII веке обосновались на севере Приазовья и в донских степях. Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» писал:

«Хаган, архонт Хазарии, сообщил туркам [уграм, венграм], чтобы они послали к нему Леведию, первого своего воеводу. Посему Леведия, явившись к хагану Хазарии, спросил о причине, ради которой хаган отправил посольство, [требующее], чтобы Леведия пришел к нему. Хаган сказал ему: "Мы позвали тебя ради того, чтобы избрать тебя, поскольку ты благороден, разумен, известен мужеством и первый среди турок, архонтом твоего народа и чтобы ты пови-

новался слову и велению нашему"».

Леведий отказался от этого титула, и он был отдан другому человеку, кандидатуру которого выдвинули венгры. Титул своего правителя (архонта по-гречески) венгры выбрали сами – «кенде» («кюндю»). Так что существование хаkana приазовского объединения во главе со скандинавами-русами не противоречит фактам. Согласно «Хронике» Регино Прюмского, в конце IX века венгры были вытеснены печенегами из Северного Приазовья и перебрались в Паннонию, в Закарпатье. Нечто подобное могло произойти и с «каганатом русов» в Приазовье.

Но возникает вопрос: зачем послы хаkana русов отправились вместе с греками в Ингельхайм, сославшись на то, что обратный путь небезопасен. Возможно, скандинавам понадобилось вернуться на родину, причём они решили совместить это путешествие с разведывательной миссией, что соответствует подозрениям короля франков, упомянутым в «Бертинских анналах».

Версию о существовании Приазовской Руси русские историки выдвинули ещё в XIX веке. С.А. Геденов приписывал эти русам нападения на Амастриду и Сурож, и также полагал, что именно они были виновниками нападения на Константинополь в 860 году. Е.Е. Голубинский считал Тмутаракань на Таманском полуострове в юго-восточной части Приазовья «воровским притоном», основанным для грабежа соседних земель. Однако эта территория в археологическом

отношении ещё слабо изучены, поэтому рано делать окончательные выводы. Д.И. Иловайский утверждал, что слова патриарха Фотия о крещении Руси относятся к Приазовской Руси, но эта версия не получила поддержки большинства историков.

И всё же попробуем представить себе, как могли развиваться события в рамках «приазовской версии» после нападения русов на Константинополь в 860 году. Логично предположить, что разгневанные византийцы договорились с хазарами, и те, с помощью своих вассалов венгров, вытеснили русов из Приазовья. Нужно было искать новую территорию на морском побережье или в долине реки, которая впадала в Чёрное море – только такое местоположение давало возможность подготовки новых нападений на Константинополь и другие города Причерноморья. Но путь на Дон был закрыт всё теми же венграми, и тогда русы отправились на Днепр, укрывшись от хазар и венгров за днепровскими порогами.

Случилось это через год-два после нападения на Константинополь, что соответствует появлению в Киеве Аскольда и Дира, согласно ПВЛ. Однако рассказ об этом событии не вызывает доверия:

«В год 6370 (862) <...> И было у него [Рюрика] два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город».

В следующей главе мы убедимся, что Новгородская пер-

вая летопись иначе описывает эти события.

Версия о приазовских русах позволяет объяснить неточность датировки некоторых событий в ПВЛ. Прибытие Аскольда и Дира со своим войском в Киев в 862 году не устраивало Нестора, поскольку он хотел приписать организацию нападения на Константинополь киевскому князю, а не каким-то воинам, пришедшим неизвестно откуда. Поэтому он и перенёс это событие на 866 год, оставив 863-865 годы в ПВЛ «пустыми» – якобы русам понадобилось время для подготовки к нападению.

Однако если скандинавы-русы перебрались из Приазовья в Поднепровье, мы снова наталкиваемся на несоответствие – ведь в районе Киева не обнаружено свидетельств пребывания скандинавов. Впрочем, этому есть объяснение – за время жизни в Приазовье скандинавы могли частично утратить свои традиции, используя другое оружие и предметы быта, скажем, заимствованные у алан. По этой же причине мог измениться и обряд захоронения.

Приазовская версия объясняет ещё одно странное событие, описанное в ПВЛ:

«В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нём своего мужа. <...> И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. <...> И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли Ас-

кольда на горе, которая называется ныне Угорской».

Если бояре Аскольд и Дир пришли в Приильменье вместе с Рюриком, тогда Олег должен был об этом знать. А если не знал, возникает подозрение, что Аскольд и Дир были чужаками и для Олега, и для Рюрика. Вполне логично, что Олег чужаков убил, захватив власть в Киеве. Такое объяснение не только не противоречит приазовской версии, но может стать одним из доказательств.

Реально киевское поселение появилось только в X веке, когда русы научились ездить на лошадях и обрели достаточную силу, чтобы противостоять южным кочевникам – к этому времени приазовские скандинавы-русы могли объединиться с ладожскими скандинавами для захвата новых земель и противостояния хазарам. Все вместе они стали называться русами, правил ими по-прежнему каган, а название «русы» (русь) распространилось на все покорённые народы. В Киев пришли также и воины из Скандинавии – позже они получили прозвище «варяги», причём опять от греков, которые назвали этих наёмников Βάραγγοι, чтобы отличить от русов. Вот так примерно могли происходить дальнейшие события.

Есть ещё одна загадка, которую не удаётся разгадать в рамках ладожской версии. Зачем русам понадобилось в 867 году обращаться к византийцам с просьбой о принятии христианства? Вот отрывок из «Окружного послания» патриарха Фотия:

«Ибо не только этот народ переменял прежнее нечестие на веру во Христа, но и даже для многих многократно знаменитый и всех оставляющий позади в свирепости и кровопролитии, тот самый так называемый народ Рос – те, кто, поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись, подняли руки на саму Ромейскую державу! Но ныне, однако, и они переменяли языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя с любовью! Поставив в положение подданных и гостеприимцев вместо недавнего против нас грабежа и великого дерзновения».

Всё это довольно странно, поскольку крещение Руси произошло гораздо позже, но в рамках приазовской версии можно объяснить и эту странность. Возможно, пришедшие в Поднепровье приазовские скандинавы-русы (те же Аскольд и Дир) опасались, что ладожские скандинавы отберут у них власть, и рассчитывали на помощь греков после принятия христианства. Видимо, покаялись и надеялись на то, что их простят.

В «Окружном послании» Фотия есть и другие непонятные слова:

«Так называемый народ Рос – те, кто, поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись, подняли руки на саму Ромейскую державу».

К тому времени Олег еще не начал свои завоевания, а люди Рюрика владели только несколькими поселениями на се-

веро-западе – вроде бы нечем тут гордиться. Нет никаких свидетельств и того, что русы в 860 году наступали по суше и захватили окрестности Константинополя, поработив тамошнее население. Что же дало Фотию повод для таких высказываний? Неужели господство русов в Приазовье и в северо-восточном Причерноморье?

Основное возражение противников предложенной здесь версии сводится к отсутствию материальных свидетельств пребывания скандинавов в Приазовье. Прежде чем делать выводы, припомним, что скандинавы появились в Ладоге не позже VIII века. Их цель – освоение торгового пути из Балтики в Волжскую Булгарию, в Хазарию и возможно в Византию. Ладога была их промежуточной базой, и такую же базу логично было создать на юго-востоке, например, в Приазовье – возможно, это произошло ещё в VIII веке. Оказавшись за 2000 км от родины, скандинавы довольно быстро утратили свои обычаи, женившись на туземках, использовали утварь, купленную на хазарском базаре, так что вряд ли археологи смогут обнаружить там что-то исконно скандинавское. К тому же интенсивные раскопки проводились в Подонье, в Крыму и кое-где на Таманском полуострове, а восточной части Приазовья до последнего времени не уделялось должного внимания, за исключением раскопок недалеко от Ейска.

Как известно, первые сведения о Тмутараканском княжестве относятся к XI веку, однако сторонники возникновения

поселения русов в Приазовье ссылаются на «Книгу драгоценных сокровищ» Ибн Русте, написанную в первой половине X века:

«Что касается до Руси, то находится она на острове, окруженном озером. Остров этот, на котором живут они, занимает пространство трёх дней пути: покрыт он лесами и болотами; нездоров и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясется по причине обилия в ней воды. Они имеют царя, который зовется хакан-Рус. Они производят набеги на Славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их (Славян) в плен, отвозят в Хазран и Булгар и продают там. Пашен они не имеют, а питаются лишь тем, что привозят из земли Славян».

Некоторые историки считают, что местом обитания русов была дельта Кубани – якобы эту территорию можно было принять за остров. Подробнее варианты расположения этого острова будут рассмотрены в десятой главе. Что же касается Тмутаракани, нет никаких сведений о том, кому она принадлежала в IX-X вв. Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей», написанном в первой половине X века, так описывает территорию к югу от Азовского моря:

«Из Меотидского озера [Азовское море] выходит пролив по названию Вурлик и течет к морю Понт [Чёрное море]; на проливе стоит Боспор, а против Боспора находится так называемая крепость Таматарха [Тмутаракань]».

Так что прав был историк Г.Г. Литаврин, когда писал, что

«вопрос о времени появления древнерусского населения в Крыму и в Тмутаракани остаётся дискуссионным».

Относительно того, какие племена могли входить в «русский каганат» в том случае, если он располагался в Приазовье, есть разные мнения. Е.Е. Голубинский считал возможным, что на Тамани «варяго-русы» слились в один народ с родственными им христианами-готами. Об этом он написал в «Истории Русской Церкви» (том 1, часть 1):

«Таким образом, Варяго-Руссы должны были найти на Черном море своих родичей не только в Крыму, но и в Тамани. Как поселились они с одними, так естественно было им поселиться и с другими. Принимая это, мы получим совершенно ясный, как мы говорили, ответ на тот крайне загадочный вопрос: для какой цели и для какой нужды наши киевские Русские завели себе ничтожную колонию на Таманском полуострове. Весьма простой ответ будет тот, что они взяли в свою власть, собственно совершенно ненужную им, Тамань (для набегов по Каспийскому морю она несколько не служила бы) потому, что она была населена их родичами».

Увы, и здесь всего лишь одни предположения, а доказательств нет.

Недостаток археологических данных не позволяет взять приазовскую версию за основу при исследовании начала Руси. Впрочем, эта версия более обоснована, нежели существование созданной скандинавами Киевской Руси в IX веке на ладожско-днепровском «пути из варяг в греки». Историк В.

Я. Петрухин написал об этом в работе «Скандинавия и Русь на путях мировой цивилизации» (1996 г.):

«По данным археологии, в IX в. основным международным торговым маршрутом Восточной Европы был путь к Чёрному морю по Дону, а не Днепру. С рубежа VIII и IX вв. и до XI в. по этому пути из стран Арабского Халифата в Восточную Европу, Скандинавию и страны Балтики почти непрерывным потоком движутся тысячи серебряных монет – дирхемов. Они оседают в кладах на тех поселениях, где велась торговля и жили купцы. Такие клады IX в. известны на Оке, в верховьях Волги <...> по Волхову вплоть до Ладоги (у Нестора – "озеро Нево"), но их нет на Днепре».

Где же была столица «русского каганата», если он был создан в Приазовье? Помимо Тмутаракани указывают на Азов, расположенный близ устья Дона, но первые сведения об этом городе относятся лишь к XIII году. Тур Хейердал в 2001 году искал здесь следы древнейших скандинавов, но так и не нашёл. Конечно, возможности его экспедиции были весьма ограничены – копали на нескольких городских улицах, причём совсем недолго. Но есть ещё одна причина отсутствия желанных археологических находок. Евграф Савельев в книге, посвящённой истории казачества, высказывает такую версию:

«Следов бывшей сильной венецианской крепости в Азове уже нет, она смыта Доном, как смыта уже часть последних турецких укреплений».

Если так, тогда приходится рассчитывать не на археологию, а брать за основу логические построения. Однако это слабое утешение для тех, кто продолжает верить в присутствие скандинавов в Приазовье.

Глава 9. Аскольд и Дир

Вот что сказано в «Повести временных лет» (перевод Д.С. Лихачёва) об Аскольде и Дире:

«В год 6370 (862) <...> Над теми всеми властвовал Рюрик. И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: "Чей это городок?". Те же ответили: "Были три брата" Кий" Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам". Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде. <...>

В год 6374 (866). Пошли Аскольд и Дир войной на греков и пришли к ним в 14-й год царствования Михаила. <...>

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей. <...> И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир <...> сказал Олег Аскольду и Диру: "Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода", и показал Игоря: "А это сын Рюрика". <...> И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли Аскольда на горе, которая называется ныне Угорской. <...> И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: "Да будет это мать городам русским".

И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозванные русью».

Если внимательно прочитать этот текст, возникает несколько вопросов. Почему Аскольд и Дир отпросились в Царьград (Константинополь) – неужели на востоке от Балтики не было крупных поселений, кроме Белоозера и Изборска, где Аскольд и Дир могли бы княжить? Зачем Олег убил Аскольда и Дира, если эти два боярина пришли вместе с Рюриком? Почему до захвата Киева в войске Олега не было руси, а позже появилась?

В качестве ответа на последний вопрос можно высказать следующее предположение. Скорее всего, Нестор переписал отрывок о захвате Олегом Киева из более ранней летописи, не вдумываясь в его смысл. Поэтому возникло разночтение с его вставкой о прибытии варягов-руси вместе с Рюриком в Ладогу. В более ранней летописи речь шла только о прибытии варягов, как утверждал Шахматов. С учётом мнения Шахматова о том, что термин «русь» пришёл с юга (см. первую главу), можно предположить, что Аскольд и Дир со своей русью пришли не вместе с Рюриком «из-за моря», под которым следует понимать Балтику, а с юга или с юго-востока. Поскольку это предположение противоречит тексту ПВЛ, обратимся к Новгородской первой летописи (НПЛ) – возможно, её текст что-то прояснит. Недаром Шахматов пришёл к выводу, что содержание НПЛ гораздо ближе к некоему Начальному изводу, который и стал для поздних летописцев

источником сведений о событиях середины IX века. Итак, читаем перевод НПЛ:

«В лето 6362. Начало земли Русской. Жили каждый со своим родом по своим местам и странам, владея каждый родом своим. И было три брата: одному имя Кий, второму же имя Щек, третьему же имя Хорив. <...>

В эти же времена был в Греческой земле цесарь именем Михаил. <...> При нём Русь пришла на Царьград в кораблях, бесчисленное количество кораблей, а двести их вошло в Суд, причинив грекам много зла и убийства христианам. <...>

После этих лет братья погибли. И обижали полян древляне и другие соседи...

Но мы вернёмся к нашему изложению. После этого <...> пришли два варяга и назвались князьями; одному было имя Аскольд, а другому – Дир. И княжили в Киеве и владели полянами, и воевали с древлянами и уличами. <...>

Пошли за море к варягам и сказали: "Земля наша велика и обильна, а наряда у нас нет; пойдите к нам княжить и владеть нами"».

О чём же нам поведали эти строки? Если опустить рассказ о Кие, Щеке и Хориве, оказывается, что сначала летописец сообщил о походе руси на Царьград – известно, что это было в 860 году. Затем он рассказывает про древлян и прочее, что не имеет отношения к нашей теме. Потом летописец сообщает о том, что пришли два варяга, два князя, а именно Аскольд и Дир – пришли, чтобы княжить в Киеве.

И только после этого рассказано о том, как словене и кривичи отправились за море к варягам, чтобы пригласить Рюрика на княжение. Можно было бы усомниться в последовательности описания событий, однако это не так – летописец, сделав отступление по поводу древлян, затем предупреждает: «но мы на прежнее возвратимся», то есть он излагает события одно за другим и только делает небольшое отступление, рассказывая про древлян. Тогда последовательность событий представляется следующим образом. Сначала русь напала на Константинополь, причём в этом нападении участвовали Аскольд и Дир – иначе летописец не сделал бы пояснения, мол, возвращаемся назад. Затем Аскольд и Дир стали княжить в Киеве. И только после этого словене и кривичи призвали Рюрика с варягами.

Теперь уже несложно ответить на первые два вопроса из тех, что сформулированы выше. Аскольд и Дир не отпрашивались у Рюрика, потому что не были его боярами, и их появление в Поднепровье никак не связано с приходом в Ладогу Рюрика. Становится понятно, почему Олег, один из соратников Рюрика, убил Аскольда и Дира – в те времена таким способом избавлялись от чужаков, конкурентов в борьбе за власть.

Но возникает вопрос: зачем киевскому автору ПВЛ понадобилось переписывать историю по-новому? В предыдущей главе уже было сказано, что прибытие Аскольда и Дира в Киев в 862 году не устраивало Нестора, поскольку он хотел при-

писать организацию нападения на Константинополь Рюрику и его боярам. Поэтому и перенёс это событие на 866 год, оставив 863-865 гг. в ПВЛ «пустыми» – якобы Аскольду и Диру понадобилось время для подготовки к нападению. Летописец обязан был написать, что именно Рюрик дал согласие на то, чтобы Аскольд и Дир напали на Константинополь, а сделано это искажение истории в угоду киевскому князю.

Причина в том, что целью киевского князя было подчинение себе Новгорода – объединение Новгорода и Киева было необходимо, чтобы избежать междоусобицы в славянских землях, и для того, чтобы Киевская Русь имела выход в Балтику. Давайте допустим, что в ПВЛ было бы сказано, что Аскольд и Дир не имели никакого отношения к Рюрику. Но тогда появились бы сомнения в праве киевских князей претендовать на власть в Новгороде. Этого нельзя было допустить. Здесь всё определяла политика, как и в более поздние времена: Русь, в том числе и Киевская Русь, пошла от Рюрика и не должно быть никаких сомнений в этом – такое наставление получили киевские летописцы. Однако подправленная летопись не помогла киевским князьям: спор между Новгородом и Киевом – кто главнее? – продолжался, а в XIII веке Киев с Новгородом и вовсе разошлись.

Аналогичная точка зрения высказана в статье историка Т.В. Гимона «Для чего писались русские летописи?»:

«В литературе высказывались различные точки зрения о целях работы летописцев. Большинство авторов так или ина-

че связывает цели летописания с борьбой за власть. Сравнительно редко звучат предположения о совершенно не связанных с ней целях летописания: чисто познавательных, чисто образовательных или чисто беллетристических. <...> Власть стремится во что бы то ни стало доказать свою древность, для чего идёт и на вольное обращение с историческими данными. Фиксируется история и генеалогия преимущественно правящих родов с целью показать их древнее происхождение и, соответственно, права на власть».

Какие же версии можно предложить, чтобы объяснить появление Аскольда и Дира в Поднепровье? Не исключено, что с Рюриком (Рориком Ютландским) пришли в Ладогу даны (датчане), а свеи (шведы) Аскольд и Дир пришли гораздо раньше – пришли по Западной Двине и далее добрались до Поднепровья. Поэтому и возникло противостояние в борьбе за Киев. Однако этот вариант не объясняет происхождение «руси» и противоречит мнению Шахматова, согласно которому термин «русь» впервые появился на юге. К тому же археологи так и не нашли следов пребывания ни свеев, ни данов в окрестностях Киева в IX веке.

О «разноплеменности» основателей Руси писал и Карл Тиандер в статье «Датско-русские исследования» (1915 г.): «Основываясь на предыдущей главе, изображающей борьбу свеев и гётов в самой Швеции вплоть до XIII века, мы решаемся поставить вопрос и об этнической разнородности Руси и Варягов, считая первых гётами, унаследовавшими

власть над Приднепровьем от готов, а вторых – свеями. <... > Совершенно невероятно, чтобы разноплеменность варягов на Руси не отразилась бы и во внутренних их раздорах. Один такой факт коварное нападение Олега на Аскольда и Дира».

Согласно приазовской версии, изложенной в предыдущей главе, полиэтническое объединение с участием скандинавов получило название «русь» от греков, а перемещение руси в Поднепровье произошло вскоре после её нападения на Константинополь в 860 году, когда разгневанные византийцы с помощью хазар и угров (венгров) вытеснили русов из Приазовья. Однако по-прежнему нет ответа на вопрос о национальности Аскольда и Дира.

Датский историк Вильгельм Томсен, не отвергая возможности их прихода вместе с Рюриком, предположил, что эти «бояре» были родом из северо-западной части Скандинавии. Но эта версия была основана лишь на созвучии имён – древненорвежское имя Haskuldr, или Hoskuldr, созвучно имени Аскольд. Того же мнения придерживался и А.А. Куник – ему удалось отыскать ещё одно древненорвежское имя, Dyrí.

Совсем по другому пути пошли И.Ф.Г. Эверс и С.А. Геденов – они полагали, что имя Аскольд имеет венгерские корни. Вот что писал Геденов в книге «Варяги и Русь. Разоблачение германского мифа»:

«Эверс первый вывел научным образом мнение о венгерской народности Аскольда и Дира, основываясь на чтении Воскресенского списка летописи: «Яко гость есмь поду-

горской <...>, да придьте къ намъ къ родомъ своимъ». <...> > Всего более повредил своему предположению сам Эверс, утверждая, что «гость подугорской» бессмыслица, ибо никто не знает подугорской земли; почему и предлагает чтение «родоу оугорьска». Название «Подугорие» могло и должно было существовать у славянских народов, как равносильные ему Подрусие, Подляшие, Подлитовие. Подчехами, Подугорием, Подлитовием назывались ближайšie к тому или другому славянскому племени части этих земель».

А вот что написано в ПВЛ:

«В год 6390 (882) <...> И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли Аскольда на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольга поставил церковь святого Николы; а Дирова могила – за церковью святой Ирины».

Гедеонов делает следующий вывод:

«Над могилой крестившегося угрина Аскольда поставил церковь св. Николая христианин угрин Альма, Ольга; это имя есть не что иное, как венгерское (латинизированное) *Almus*. <...> Венгерское происхождение имени Альма служит новым доказательством венгерского происхождения самого Аскольда».

Версия Гедеонова далеко не бесспорна, поскольку основана всего лишь на созвучии имён, однако к происхождению Аскольда мы ещё вернёмся в одиннадцатой главе. Там же будет исследована возможность прихода Аскольда и Дира

из Придунавья, о чём писал А.Г. Кузьмин в книге «История России с древнейших времён до 1618 г.»:

«Дир – имя иллирийское, означающее "крепкий", "твёрдый". Оно и до сих пор сохраняется у кельтов (читается теперь на английских манер как "Дайри"). Аскольд – тоже типичное кельтское имя, где компонент "олд" ("олл") означает "великий". Таким образом, Дир и Аскольд могли быть представителями какой-то из ветвей руси. Но попасть в Византию они могли не с севера, а с запада – из Подунавья, откуда в конце V в. гунны и руги возвращались на Днепр после развала Гуннской державы, а в IX-X вв. из Подунавья будет несколько выселений и переселений, в том числе и в Поднепровье (эти миграции пока еще мало изучены и исторически, и археологически)».

По поводу «ветвей руси» следует сказать, что это не более чем фантазия историка. Вряд ли можно всерьёз воспринимать сведения из арабских источников, где встречается упоминание о том, что было три Руси. На самом деле, там речь идёт о трёх городах, где проживали русы.

Историк Г.С. Лебедев в статье «Славянский царь Дир» (2002 г.) предположил, что «совмещение Аскольда и Диры в ПВЛ как "соправителей" в 862-882 годах – конструкция, безусловно, искусственная»:

«Курганы первых киевских князей, предшественников династии Рюриковичей, находились на значительном удалении друг от друга, что вполне соответствует и различию их

по времени правления. Дир наверняка был не современником, а предшественником Аскольда, и ПВЛ их объединила как равно "незаконных" правителей по отношению к Игорю Рюриковичу».

Действительно, высказывалось мнение, что инициатором посольства «росов» в 839 году к императору франков Людовику Благочестивому, упомянутому в «Бертинских анналах», мог быть летописный Дир, правивший в Киеве. О Дире пишет арабский историк и географ ал-Масуди в книге «Промывальни золота» (Гаркави А.Я., Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб, 1870):

«Первым из славянских царей есть царь Ди́ра, он имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами. Подле этого царя из славянских царей живет царь Аванджа, имеющий города и обширным области, много войска и военных припасов; он воюет с Румом, Ифранджем, Нукабардом и с другими народами, но войны эти не решительны. Затем с этим славянским царем граничит царь Турка. Это племя красивейшее из Славян лицом, большее них числом и храбрейшее из них силой».

Оставляя толкованием имён, упомянутых ал-Масуди, за рамками этой главы, заметим, что в арабском тексте рядом с именем Ди́ра нет имени Аскольд.

В предыдущей главе рассматривалась возможность появления в Приазовье полиэтнического объединения под управ-

лением скандинавов – этих людей крымские греки называли русами. Напомню, что в северном Приазовье в 830-х годах хозяйничали венгры. Возможно, кто-то из знатных венгров, обиженных их властителем, примкнул к скандинавам, а затем, породнившись с ними, стал их предводителем. Ал-Масуди мог по ошибке назвать этих людей славянами, хотя не исключено, что славяне составляли большинство в этом объединении.

Свидетельства ал-Масуди анализирует историк-востоковед А.П. Новосельцев в статье «Образование Древнерусского государства и его первый правитель» (1998 г.):

«Обратимся к рассказу ал-Масуди. Как уже сказано, он весьма сложен по составу. Тем не менее, мне кажется, в нём <...> можно выделить два основных сюжета. <...> Во-вторых, сведения о двух славянских царях, которые были современны источникам ал-Масуди. Имя первого из них (скорее всего в смысле близости к источнику информации, то есть Византии) читается как ал-Дир; "ал" здесь арабский определенный артикль, и вполне возможно, как это давно сделано, видеть в этом царе и нашего летописного Дира. Речь здесь идет не о западных славянах, это доказывается тем, что в столицу его с различными товарами приезжают мусульманские купцы. Но следует обратить внимание на другого упомянутого ал-Масуди славянского царя. Имя его в рукописях искажено, но по одному из вариантов может быть прочтено как ал-Олванг, что очень напоминает имя Олег».

Далее Новосельцев приводит ещё одну цитату из трактата ал-Масуди:

«Вслед за ним [Диром] следует царь ал-Олванг, у которого много владений, обширные строения, большое войско и обильное военное снаряжение. Он воюет с Румом, франками, лангобардами и другими народами. Войны между ними ведутся с переменным успехом. За этим царем следует из стран славян царь турок [угров, венгров], а это вид славян наиболее красивый, наибольший числом и силой».

Историк приходит к следующему выводу: «здесь речь идёт о двух восточнославянских княжествах – южном (Дира) и северном (Олега) накануне их столкновения». Это предположение не противоречит изложенной выше приазовской версии, однако в одиннадцатой главе будет высказана ещё одна гипотеза.

Глава 10. Остров русов

Остров русов впервые упомянут в «Книге драгоценных сокровищ» Ибн Русте, написанный в первой половине X века (перевод Д.А. Хвольсона, 1869 г.):

«Что касается до Руси, то находится она на острове, окруженном озером. Остров этот, на котором живут они (Русы), занимает пространство трёх дней пути: покрыт он лесами и болотами; нездоров и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясётся по причине обилия в ней воды. Они имеют царя, который зовется хакан-Рус».

Этот рассказ повторяется в произведениях ал-Бакри (XI в.), ал-Марвази (XI-XII вв.), Ахмеда Туси (XII в.), Наджиба Хамадани (XII в.), Мухаммада Ауфи (XIII в.), Мерверруди (XIII в.). Однако ни в одном из этих трудов не указано точное местоположение острова и название озера (или моря), которое омывает его берега. Некоторые историки полагают, что речь идёт о Таманском полуострове, который в давние времена напоминал остров – его границы определялись Азовским и Чёрным морями, а также рукавами реки Кубань. Но дело в том, что с VI века Тамань принадлежала хазарам, и только в 965 году полуостров завоевали русы – об этом рассказано в «Повести временных лет»:

«В год 6473 (965). Пошёл Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Кага-

ном и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял».

И.Г. Коновалова в одной из своих статей (2012 г.) настаивает на том, что «в случае с "островом русов" мы имеем дело не с реальной географией, а с географическим образом». Но этот полумифический образ может стать реальностью, если внимательно исследовать средневековые источники.

Допустим, что русы, упомянутые в трудах арабских историков – это варяги с побережья Балтики. Тогда логично искать подходящий остров в Балтийском море – в представлении персов это и есть большое озеро, напоминающее Каспий. Речь может идти об острове Готланд, однако, увы, нет никаких свидетельств, указывающих на некую общность его обитателей с варягами-русами. Такой остров есть и поблизости от побережья Эстонии – это Сааремаа, входящий в Моонзундский архипелаг. В поперечнике остров составляет примерно 50 на 70 километров, то есть его можно пройти из конца в конец за три дня пути, что согласуется с мнением Ибн Русте. Климат там сырой, балтийский, до сих пор сохранились и болота. Когда-то остров назывался Куресааре – здесь и совсем недалеко, в районе Куршской косы, обитало племя куршей. В древнескандинавских сагах остров упомянут как Eysýsla (Эйсюсла), а северогерманский хронист XI века Адам Бременский в «Деяниях архиепископов гамбургской церкви» (перевод М.Б. Свердлова, 1989 г.) упомянул остров Эстланд. Позднее немцы называли его Эзель – точно

так же остров именовали и в Российской империи

Прежде чем делать выводы, следует более подробно исследовать историю острова. Сааремаа находится всего в двадцати километрах от побережья Эстонии. На материковой её части издавна обитали эсты – так немцы обозначали племена от устья Вислы до Финского залива. Словене и кривичи называли жителей этих земель иначе – чудь. Вместе они противостояли варягам – данам (датчанам) и свеям (шведам), однако в средневековых хрониках нет никаких сведений о событиях на острове до XIII века.

В «Хрониках Ливонии» Генриха Латвийского, составленных в XVI веке (перевод С.А. Аннинского, 1938 г.), есть сообщение, датированное 1203 годом:

«На пятый год своего епископства, возвращаясь из Тевтонии, епископ... вверился волнам морским и, придя в Листрию, область королевства Датского, застал там язычников эстов с острова Эзель с 16 кораблями: они незадолго до того сожгли церковь, людей перебили или взяли в плен, разорили страну, похитили колокола и церковное имущество».

Это сообщение свидетельствует о том, что с острова совершались нападения на прибрежные города датского королевства. В начале XIII века датский король решил присоединить остров Эзель к своим владениям и обратить его жителей в католическую веру. Островитяне сражались за независимость от датчан более двадцати лет. Вот что написано в «Хрониках Ливонии» за 1222 год:

«По всей Эстонии и Эзелю прошёл тогда призыв на бой с датчанами и тевтонами, и самое имя христианства было изгнано из всех тех областей. Русских же и из Новгорода и из Пскова эсты призвали себе на помощь, закрепили мир с ними».

Соппротивление жителей острова было сломлено только в 1227 году, когда на их землях Ливонский орден образовал Эзель-Викское епископство.

Новый этап в истории острова наступил в 1560 году, когда эта территория перешла во владение герцога Магнуса, брата датского короля. Но вскоре началась Северная семилетняя война, в которой Дания противостояла Швеции. Маленький остров был ближе к России, чем к Дании, поэтому Магнус для защиты от шведов вынужден был прибегнуть к помощи Ивана Грозного, который намеревался создать некое подконтрольное ему Ливонское государство под началом датского принца.

Вскоре на этом острове обосновался датчанин Карстен Роде – он занимался морским пиратством, нападая на шведские корабли, но и ему потребовался более надёжный покровитель, чем датский король. Роде получил каперское свидетельство, подписанное Иваном Грозным, в котором предписывалось «наказному капитану и морскому отаману Карстену Роде» «наших врагов брать, а их корабли огнём и мечом сыскать, зацеплять и истреблять». Впрочем, успешные действия на море продолжались недолго – Карстен Роде был

пленён и оказался в датской тюрьме.

Но вот что примечательно: «морской атаман» был родом из юго-западной части Ютландского полуострова, что в нескольких десятках километров от родины другого известного разбойника, Рорика Ютландского. С датскими властями у Роде, также как и у Рорика, были сложные отношения, поскольку независимая республика Дитмаршен, где он родился, в 1559 году оказалась под властью датского короля. Можно предположить, что остров Сааремаа в XIII-XVI веках был пристанищем для пиратов с полуострова Ютландия, которых по каким-то причинам не устраивала тамошняя власть.

Следующая информация об острове датирована 1655 годом. Шведский дипломат Андерс Трана, направленный королем Карлом X Густавом к царю Алексею Михайловичу, сделал такую запись в дневнике (перевод А.М. Галиновой, 2007 г.):

«В открытом море дул зюйд-вест. 21 [августа] около четырёх часов появились очертания Курляндии. Сначала появился Рюсеро, а сразу после него – курляндский замок Wandall. Тотчас же появился вход в гавань. Между Рюсеро и Домеснесом – десять миль. Двадцать третьего и двадцать четвертого [августа] мы с трудом прошли между Домеснесом и шанцем, а утром в четыре часа мы подошли ко входу в гавань у шанца. Тогда к нам прибыл лоцман, повёл корабль к городу и отдал якорь в реке Дюна [Западная Двина], дав залп из ко-

рабельных орудий».

Судя по местоположению, Рюсеро – это не что иное, как остров Эзель, нынешний Сааремаа.

Через несколько лет те же места посетил голландский путешественник и предприниматель Николаас Витсен. Вот его впечатления, изложенные в книге «Путешествие в Московию» (перевод В.Г. Трисман, 1996 г.):

«После полудня мы быстро продвинулись. Нашего флейта [трёхмачтовое транспортное судно XVII в.; на этом судне находились часть свиты посольства и багаж] мы уже два дня не видели, и так и не увидели до реки Дуны [Западная Двина]. На этом месте кончается Курляндия и начинается Лифляндия. Там виден высокий бакен из дерева. Здесь же в проливе мы увидели остров Русел».

Это всё тот же остров, который ныне называется Сааремаа – через пролив между ним и континентом проплывают все суда, направляющиеся в Ригу из Западной Европы. Как видим, в обоих названиях один и тот же корень – «рус» (рюс). Однако голландские и шведские моряки, которые были единственным источником информации для путешественников, называли этот остров по-разному.

Оказалось, что найти аналог слову «Рюсеро» в шведском языке совсем несложно. «Ruser» в переводе означает «русы». Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать название книги шведского краеведа Лийзинга (P.M. Lijding) – «Roden och Roslagen, rospiggar och ruser», которое перево-

дится как «Роден и Руслаген, жители Руслагена и русы». Далее, «остров» на шведском языке – это «ö». Тогда «Ruserö» означает «остров русов», по аналогии с островами Ljusterö, Runmarö, Ornö и Dalarö, которые расположены у побережья Швеции, поблизости от Руслагена.

Сложнее ситуация со словом «Русел». Если перевести «остров русов» на голландский язык, получим «Russ eiland». Скорее всего, со временем это словосочетание трансформировалось в «Rusel». Такое же окончание встречается в названиях двух островов у побережья Нидерландов – Тексел и Рихел.

Вряд ли остров был назван в память о русских воинах, которые вместе с местными жителями противостояли нашествию датчан в начале XIII века. Следует иметь в виду и то, что до 1559 года островом владели немцы, затем он был продан датскому королю, в 1645 году перешёл под контроль Швеции, и только в 1710 году его захватили войска Ивана Грозного, причём в России было в ходу его немецкое название, Эзель. Так кто же и почему назвал его «островом русов»? Возможно, в давние времена на острове базировались те самые свеоны (предки нынешних шведов), участники нападений на Византию, которым греки дали прозвище «росы», или в просторечье «русы». Тогда это название остров получил задолго до присоединения к Швеции, причём не позднее IX века. Но вот что интересно: на официальных шведских и голландских картах в эпоху Средневековья ост-

ров обозначен как Ösel или Oesel. Возможно, моряки пользовались старинными картами или устными преданиями, которые сохранили факт пребывания русов на этом острове.

Истории Эзеля посвящена книга историка А.А. Благовещенского «Остров Эзель, город Аренсбург и их достопримечательности» (1881 г.), где в частности сказано, что в средние века население острова составляло около семидесяти тысяч жителей:

«Эзель и ныне изобилует озёрами и болотами, а в старину их было гораздо более. <...> Доктор Люце, много сделавший для истории, этнографии и народного образования на Эзеле, полагает, что первые поселенцы нашли здесь, именно на Шворбе (полуостров на Эзеле), шведскую колонию, и в самом деле народонаселение на Шворбе типом лица, говором, одеждою и проч., значительно отличается от всех жителей острова Эзель. <...> Народонаселение Эзеля в древности было очень значительно; в XII столетии эзельцы поставляли воинов тысячами и снаряжали сотни судов. <...> Оружие они выделывали сами, равно как и суда, на которых предпринимали смелые торговые, а больше удалые разбойничьи походы. <...> Эзельцы выказывали не только отважный, воинственный, решительный, но и в высшей степени жестокий характер».

Если основываться на приведённых фактах, то можно предположить, что варяги Рюрика пришли в Ладогу с этого острова. Остров находится «за морем», его населял воин-

ственный народ, численность которого и умение управлять морскими судами соответствуют тому представлению о варягах, которое сложилось под влиянием сторонников скандинавской версии происхождения Руси. Однако в следующей главе будет предложен другой вариант местоположения «острова русов».

Глава 11. Конец норманской теории?

Итак, ни одна из «традиционных» версий происхождения русского народа, рассмотренных в предыдущих главах, не может удовлетворить взыскательного читателя, мечтающего получить достоверные сведения о том, как начиналась Русь. Придётся заново проанализировать древние источники, чтобы найти в них то, что поможет разработать более убедительную версию.

В ситуации, когда достоверность описания событий IX века русскими летописцами вызывает сомнения, следует отдать предпочтение зарубежным источникам, однако и в этом случае необходим критический анализ летописных сведений. Особый интерес вызывает рукопись конца X в., известная как «Худуд ал-Алам», при написании которой анонимный автор использовал труды своих предшественников – арабских географов IX-X вв.

Для начала проанализируем текст «Бертинских анналов» (*Annales Bertiniani*. 1826), посвященный событиям 839 г. в Ингельхайме, резиденции Людовика Благочестивого:

«Прибыли также греческие послы, отправленные императором Феофилом <...> Он также послал с ними неких [людей], которые говорили, что их, то есть их народ, называют рос [*gens Rhos*], что их король, по имени хакан [*chacanus*], послал их к нему [Феофилу], как они заявляли, дружбы ра-

ди».

В этом тексте есть ключевая фраза, которую историки переводят по-разному – перевод зависит от той версии происхождения руси, которую они отстаивают. Вот латинский текст фрагмента Бертинских анналов о послых хакана русов в Ингельхайме: “Misit etiam cum eis quosdam, qui se idem gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum chakanus vocabulo ad se amicitiae”. М.Б. Свердлов (Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. Вып. I. Середина IX – первая половина XII в. М. Институт истории АН СССР. 1989) указал на то, что оборот «se ...vocari» надо переводить пассивной формой, а именно глаголом «называть», а не «называться». Действительно, специалисты по латыни утверждают, что слова с корнем *vos* следует переводить следующим образом: *vocare* – мы называем себя; *vocari* – мы были названы, нас называют. Тогда фраза из Бертинских анналов переводится так: «говорили, что их, то есть их народ, называют рос».

Далее источник сообщает о том, что Феофил просил Людовика разрешить послам хакана «безопасно возвратиться через его империю, потому что путь, по которому прибыли в Константинополь, они проделали среди варварских племен, ужаснейших, отличавшихся безмерной дикостью».

Сразу же возникает множество вопросов. Откуда прибыли послы хакана? Что это за народ, которого называют «рос»? Почему его правитель носит титул «хакан» (каган),

типичный для восточных народов? Если был каган, то должен быть и каганат – но где же он располагался?

Историки предложили несколько версий местоположения каганата, однако убедительных аргументов так и не нашлось. Что же касается происхождения народа «рос», то на этот вопрос вроде бы есть прямой ответ в тексте «Бертинских анналов»: «Расследуя более тщательно причину их прибытия, император узнал, что они из народа свеонов [шведов]». Но можно ли доверять этому признанию?

Есть версия, согласно которой послы прибыли из Старой Ладogi, от предводителя скандинавов по имени Хакан (Хакон), причем местные славяне дали пришлым скандинавам прозвище «русь», поскольку финны называли их *ruotsi*. Однако зачем главе небольшой ладожской колонии скандинавов понадобилась дружба Византийской империи, до которой 2500 км пути? Людовик Благочестивый пришел к выводу, что свеоны прибыли с разведывательной целью. Такое предположение кажется вполне логичным, однако согласно «Повести временных лет» (ПВЛ), на которую ссылаются сторонники норманнской версии, славяне прогнали варягов за несколько лет до призвания Рюрика. Коль скоро скандинавы не сумели удержаться в Ладогe, невозможно представить себе, что у них возникла мысль напасть на могущественную Византию. Еще большее недоумение вызывает путь, который выбрали послы для возвращения на родину – через Ингельхайм. Неужели они рассчитывали на то, что франки по доб-

роте душевной предоставят им корабль для возвращения в Старую Ладугу?

Итак, все сводится к тому, что император Людовик Благочестивый и дознаватели королевства франков ошиблись, и послы «хакана росов» вовсе не были свеонами, но разговаривали на каком-то древнескандинавском диалекте, поэтому их и приняли за жителей Скандинавии. Но как возник термин «рос»?

Объяснение находим в трактате «Антаподосис» (949 г.) Лиутпранда Кремонского (Liudprands von Cremona Werke. 1977):

«В северных краях есть некий народ, который греки по его внешнему виду называют "русиос", мы же по их месту жительства зовём нордманнами».

Из приведённого отрывка ясно, что итальянские дипломаты тех времён имели весьма приблизительное представление о народах северной Европы, основываясь только на их местоположении, отсюда и единое название – нордманны. Греки предпочли называть эти народы по внешности, но что они взяли при этом за основу – одежду, рост, цвет кожи или цвет волос? Ответ подсказывает слово, сохранившееся в современном греческом языке – оно произносится, как «рос», а в переводе означает «розовый». Так почему же греки обратили внимание на красный (розовый) цвет во внешности народа, которому дали имя «рос»? Тут самое время снова привести слова арабского путешественника и писателя Ахмеда

ибн Фадлана, который в 921-922 гг. посетил Волжскую Булгарию:

«Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились у реки Атил. Я не видал [людей] с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом».

Теперь становится понятно, почему этих «русов» определяли по внешнему виду – цвет их кожи значительно отличался от цвета кожи смуглых арабов и греков, привычных к жаркому южному солнцу. Белая кожа северян, как правило, была скрыта под одеждой, а взору стороннего наблюдателя предстало лишь лицо, румяное или покрасневшее от загара. Именно за необычный цвет лица греки и дали северянам имя «рос». При этом надо иметь в виду, что римляне и византийцы довольно часто давали имена «варварским» народам, в частности, тем, которых они сумели покорить.

Сообщения о народе «рус» есть и в других арабских источниках. Ещё в IX в. мусульманский географ Ибн Хордадбех в книге, названной «Книга путей и стран» [Древние и средневековые источники. 1960], писал:

«Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки чёрных лисиц и мечи из самых отдаленных [окраин страны] славян к Румийскому [Чёрному] морю».

Появление такого этнонима объясняется довольно просто, поскольку Ибн Хордадбех получил сведения о Византии

от ал-Джарми, который побывал в византийском плену и был освобождён в 845 году. Так что здесь налицо продолжение византийской традиции наименования народа. Каким же образом «рос» превратилось в «русь»? Видимо, дело в том, что возникла неопределённость из-за созвучия названия народа и слова «роса» (влага) в языке славян, поэтому и появился термин «русь» – «народ рос» звучало бы двусмысленно, даже как-то несолидно.

Вот так в начале IX века в восточной части Европы был введён в обращение этноним «рос» (русь). Однако по-прежнему не ясно, откуда послы хакана росов прибыли в Константинополь.

Теперь обратимся к германским источникам X в. В конце 960-х годов на свет появился трактат, известный как «Продолжение хроники Регино из Прюма» (Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX-XI веков, 1993, с. 101). Его автором был Адальберт, аббат одного из монастырей, позже ставший архиепископом Магдебургским. В 961 г. он отправился на Русь – о просьбе направить проповедника на Русь сообщают Хильдесхаймские анналы (XI в.) (Древняя Русь, 2010):

«К королю Оттону явились послы народа Руси с мольбою, чтобы он послал кого-либо из своих епископов».

Но вот что написано в грамоте германского императора Оттона I об учреждении магдебургской архиепископии в 968 г. (Назаренко А.В. 1993, с. 52):

«Посему, намереваясь <...> учредить в городе Магдебурге архиепископский престол <...> мы <...> постановили избрать архиепископом и митрополитом всего славянского народа по ту сторону Эльбы и Зале <...> досточтимого мужа Адальберта, некогда назначенного и посланного в качестве епископа и проповедника к ругам [Rugi]».

Одно с другим вроде бы никак не сходится – то ли Адальберт был отправлен на Русь, то ли он отправился к ругам. К сожалению, повествуя о своей миссии, Адальберт не вносит ясности в эту ситуацию:

«959 г. <...> Посланцы Елены, королевы ругов [reginae Rugorum], крестившейся в Константинополе при императоре Романе, прибыли к королю прося (неискренне, как позднее выяснилось) дать для этого народа епископа и проповедников».

Судя по всему, здесь речь идёт об Ольге, вдове умершего в 945 г. князя Игоря, которая примерно в 945-955 годах приняла крещение под именем Елена. Руги неоднократно упоминаются в этом тексте:

«960 г. Король отпраздновал Рождество во Франкфурте, где Либутий, из братии Сент-Альбана, был рукоположен достопочтенным архиепископом Адальдагом в епископы для народа ругов.

961 г. <...> Либутий, в предыдущем году задержанный некоторыми проволочками, скончался в 15 календы марта (15 февраля) наступившего года; ему преемствовал в посвя-

щении Адальберт из братии Сент-Максимиана, дабы быть посланным на чужбину, по наущению архиепископа Вильгельма, хотя он [Адальберт] и ожидал от него лучшего и никогда ничего против него не предпринимал. Его с почётом послал весьма благочестивый король, в привычной доброте снабдив его всеми средствами, в которых он нуждался, к народу ругов.

962 г. <...> В том же году Адальберт, назначенный епископом к ругам, возвращается назад, ибо по делу, из-за которого его послали, он не смог ничего предпринять и узрел, что его утруждали понапрасну, некоторые из его людей были убиты на обратном пути, сам он спасся с большим трудом».

Руги упоминаются в источнике X в., где речь идёт о женитьбе киевского князя Ярополка Святославича (rex Rugorum) на дочери «знатнейшего графа Куно из Эннингена». Та же информация содержится и в родословии Вельфов (XII в.). Тождество ругов и русов подтверждается текстом XI в. под названием «Законы Эдуарда Исповедника», вошедшим в «Хронику Роджера из Ховедена» (В.И. Матузова. Английские средневековые источники IX-XIII вв. М. Наука. 1979):

«У этого вышеназванного Эдмунда [англосаксонский король Эдмунд II Железнобокий] был некий сын, которого звали Эдуард; он по смерти отца, страшась [короля Канута], бежал из этой земли в землю ругов, которую мы называем Руссией [ad regnum Rugorum, quod nos melius vocamus Russiam].

Король этой земли, по имени Малесклад [Ярослав Мудрый], когда услышал и понял, кто он, с честью принял его».

Наконец, Гийом Жюмьежский, автор «Истории норманнов» (XI в.), рассказывая о женитьбе французского короля Генриха I на Анне Ярославне, называет Ярослава Мудрого «rex Rugorum».

Что же получается? Возможно, в X-XI вв. жители Западной Европы пребывали в заблуждении, именуя русов ругами. Однако логика подсказывает, что франки и англосаксы обладали гораздо более обширной информацией, нежели современные лингвисты и историки, и поэтому у них были достаточно серьёзные основания, чтобы называть русов ругами.

Кто же такие эти руги? Корнелий Тацит в трактате «Германия» локализовал местоположение племени ругиев в I веке на побережье Балтики, к востоку от Ютландского полуострова, что позволяет отнести их к северогерманским племенам. О судьбе прибалтийских ругов рассказал Иордан в трактате «Getica», написанном в VI в.:

«С этого самого острова Скандзы [Скандинавии] <...> по преданию вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг <...> Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов [островные руги], которые сидели тогда по берегам океана; там они расположились лагерем, и, сразившись [с ульмеругами], вытеснили их с их собственных поселений».

Итак, руги вынуждены были покинуть южное побережье Балтики и уйти на восток. В Среднем Подунавье они создали

собственное государство, но были вовлечены в борьбу между римлянами и остготами. Принято считать, что, потерпев поражение, руги покинули эти земли. Иордан в трактате «О происхождении и деяниях гетов» пишет, что в середине V в. часть ругов с разрешения римского императора поселилась во Фракии – в Визе и Аркадиополе (ныне это часть Турции). Другая часть ругов ушла с готами Теодориха в Италию, а территорию, где прежде располагалось государство ругов (Rugorum patria), заняли лангобарды – об этом сообщает [Павел Диакон](#) в «Истории лангобардов». Такие же сведения содержатся в труде неизвестного автора первой половины VII века «Происхождение народа лангобардов», где упоминается страна Ругиланд (Rugilanda).

На основе анализа источников можно сделать вывод, что северогерманское племя ругов какое-то время обитало на территории нынешней Баварии и Словакии, но во второй половине VI века словно бы растворилось в пространстве, слившись с другими племенами. Это довольно странно, поскольку Прокопий Кесарийский, описывая события 541 года, указывал на стремление ругов сохранить свою национальную идентичность:

«Эти руги являются одним из готских племён, но издревле они жили самостоятельно. Когда первоначально Теодорих объединил их с другими племенами, то они стали числиться в среде готов и вместе с ними во всем действовали против врагов. Они никогда не вступали в браки с чужезем-

ными женщинами и благодаря этому несмешанному потомству они сохраняли в своей среде подлинную чистоту своего рода».

Однако в IX веке руги вдруг возникли из небытия – вот что написано в Раффельштеттенском таможенном уставе (*Inquisitio de theloneis Raffelstettensis*), датированном примерно 905 годом (Назаренко А.В. 1993, с. 59):

«Славяне же, отправляющиеся для торговли от ругов (*de Rugis*) или от богемов (*de Boemanis*), если расположатся для торговли в каком-либо месте на берегу Дуная (*Danubius*) или в каком-либо месте у реки Родль (*in Rotalariis*) или в Ридмархе (*in Reodariis*), с каждого вьюка (*sogma*) воска [вносят] две меры стоимостью в один скот (*scoti*) каждая; с груза одного носильщика – одну меру той же стоимости; если же пожелают продать рабов (*servi*) или лошадей, на каждую рабыню [пошлина] – одна тремисса, столько же – на жеребца, на раба – одна сайга, столько же за кобылу. Баварам же и славянам из сей страны, покупающим и продающим здесь, платить ничего не требуется».

Филолог А.В. Назаренко полагает, что ругами здесь названы русские купцы, однако не может объяснить, почему название исчезнувшего народа использовано для обозначения жителей Руси.

Тут самое время обратиться к тексту грамоты короля Людовика Немецкого, выданной Альтайхскому монастырю примерно в 862-863 году. В этом документе официально под-

тверждаются права восточно-баварского монастыря в Нижнем Альтайхе (Nieder-Altaich) на земельные приобретения в Паннонии, сделанные им во времена Карла Великого (Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях, 2001):

«Кроме того, названный аббат напомнил нашему величеству, что дед наш, государь Карл, дозволил своим подданным ради увеличения имения церковей Божиих занимать земли в Паннонии [Pannonia] пользоваться ими, что, как доподлинно известно, в силу этого дозволения имело место и относительно названного монастыря. Так, имению названного монастыря принадлежала некая местность под названием Скалькобах [Scalcobah], а эта речка протекает на запад до Дагосмархи [Dagodeosmarcha] отсюда на восток до Русарамархи [Ruzaramarcha], а также до места, которое зовет Цидаларибах в лесу [у] реки Эниса, который простирается между Дунаем и [реками] Ибиса и Урула на юг до самой вершины горы».

Вполне логично возникает вопрос: имеет ли *Ruzaramarcha* какое-либо отношение к русам? А.В. Назаренко утверждает, что топоним *Ruzaramarcha* обязан своим происхождением древне-восточнонемецкому слову *Rûzâra*, якобы означавшему «Русь». Иными словами, популярные в Южной Германии термины *Ruzi*, *Ruzzi*, *Rusci*, *Ruszi*, *Ruizi*, *Ruzeni* однозначно связаны со словом «руссы» (русь). Но так ли это?

Проблема в том, что в 862 г. народа «русь» на террито-

рии нынешней России ещё не существовало – были только словене, кривичи, поляне и другие славянские племена, было небольшое поселение скандинавов в Старой Ладоге и деревенька на Днепре, ныне известная как Киев. И вдруг ни с того ни с сего в Баварии возникает русское поселение.

А что если топоним *Ruzaramarcha* основан на искажённом этнониме *Rugi*, претерпевшем изменения в результате палатализации (смягчения заднеязычных согласных) в славянском языке? Впрочем, А.В. Назаренко утверждает, что «корневой *-u-* в герм. *Rug(i)i* был, как известно, этимологически кратким, следовательно, при заимствовании в славянский этот этноним должен был бы дать не **Ru(d)zi* > **Ryzi*, а **Rъzi*». Доказывая невозможность трансформации *Rugi* в *Ruzi*, Назаренко ссылается на книгу Х. Кауфмана «Древнегерманские личные имена» (Kaufmann H. *Altdeutsche Personennamen*. 1968), причем все доказательства этого важнейшего утверждения сводятся к ссылке на столбец в этой книге: Sp. 1283. Art. «RUG-».

На самом деле, эта ссылка не имеет прямого отношения к тексту Кауфмана. Столбец № 1283 находится в приложении, которое принадлежит перу Э. Фёрстеманна и повторяет содержание его «Книги древненемецких имен» (Förstemann E.W. *Altdeutsches namenbuch*. 1856, Sp. 1283). В указанном столбце приведено несколько имён – *Rugo*, *Rugilla*, *Rugin*, *Rugolf*. Однако знаков долготы звука, применительно к именам VIII-X вв., в книге Фёрстеманна нет, поэтому нельзя

утверждать, краткий или долгий звук использовался в этих словах. Однако Назаренко продолжает настаивать на своём:

«Кроме того, повторяем, лат.-герм. *Rug(i)* – в восточнославянском должно было бы дать *Ръз-, а вовсе не *Руз-».

Даже если Назаренко прав, логично предположить, что *Rugi* > *Rъzi* – это не единственный вариант преобразования. Возможно, такой вариант был бы реализован в чисто славянской среде, но если славяне постоянно общались с ругами, итог преобразования мог оказаться иным.

Следует также учесть мнение лингвистов Ю.В. Шевелёва, З. Штибера и М. Шекли, которые датируют возникновение редуцированных гласных (в данном случае это ъ) временем не ранее 800-850 г. А между тем, если руги жили по соседству со славянами начиная с конца VI в., в славянском языке *Rugi* могло преобразоваться в *Ruzi* ещё до начала IX в., и в таком виде этот этноним стал известен франкам. Вполне логично, что *Ruzi* стало основой топонима *Ruzaramarcha* в языке франков. Заметим, что в *Ruzar* суффикс прилагательного *-ar* мог быть заимствован из латинского языка, который оказал значительное влияние на диалекты южных земель королевства франков. Тогда топоним *Ruzaramarcha* можно составить из двух слов: *Ruzar* (рузский) и *marcha* (поселение).

Итак, в середине IX в. в «Баварском географе» упоминается народ *Ruzzi*, а в грамоте Людовика Немецкого речь идёт о поселении под названием *Ruzaramarcha*. Проходит полтора века, и снова в немецких источниках появляются сход-

ные по звучанию термины, однако на этот раз они однознач-но соответствуют названию Руси или русского народа: *Ruzi* – в послании миссийного архиепископа Бруно Квертфуртско-го к германскому королю Генриху II (начало XI в.); *Rusci*, *Ruscia*, *Rucia*, *Ruszi* – в «Хронике» мерзебургского епископа Титмара, написанной в 1012-1018 гг.; *Rucia*, *Ruscia* – в «Кведлинбургских анналах» начала XI в.; *Ruscia*, *Rusciani*, *Ruizi* – в «Хильдесхаймских анналах» середины XI в.; *Ruzzi*, *Ruzzia*, *Ruzia* – в «Хронике гамбургских епископов» Адама Бременского (70-е гг. XI в.).

Понятно, что возникает искушение привязать к Руси и этноним *Ruzzi* из «Баварского географа», и топоним *Ruzaramarcha*, но, как было сказано, в середине IX в. ещё не было народа «русь». Где-то на территории Европы был некий народ, которому греки дали в 839 г. прозвище «рос», однако франки в существование такого народа не поверили. Если принять во внимание сведения из немецких источников X-XI вв. о ругах, которые жили на Руси, и о королеве ругов, тогда ситуация ещё более запутывается.

Чтобы найти решение этой проблемы, необходимо обратить внимание на совпадение по времени нескольких событий. В 830-х годах моравы под руководством Моймира I вели бои в Придунавье, намереваясь создать государство под названием Великая Моравия, и примерно в то же время в Константинополь и Ингельхайм прибывают послы «хакана росов». Не исключено, что между этой миссией и событиями

В Придунавье есть некая связь, поскольку каганат «росов» мог располагаться не на севере, а на северо-западе от Константинополя. Там, на обширной территории в среднем течении Дуная после распада Аварского каганата проживали не только славянские племена, но и потомки народов, пришедших в III-IV вв. с запада и с востока. Но если допустить, что среди них были руги, сразу возникает вопрос: как они смогли уцелеть после разгрома Аварского каганата франками в конце VIII в.?

Скорее всего, руги скрывались в предгорьях Карпат или на Житном острове (Žitný Ostrov) – это междуречье Дуная, Малого Дуная и Вага. На этом острове, размером 85 на 30 км, было множество болот и мелких рек, которые становились естественной преградой для нападавших, а на возвышенных местах этой обширной территории располагались поселения.

Вполне логично, что глава ругов взял титул «каган» по примеру главы Аварского каганата – столь известный титул мог произвести впечатление на правителей других государств. Но после того, как в 830-х гг. многотысячное войско моравов начало наступление в Придунавье, возникла угроза независимому существованию каганата ругов. Когда ситуация обострилась до предела, каган понял, что ему не обойтись без помощи.

Теперь получает логичное объяснение и странный вояж послов «хакана росов» сначала в Константинополь, а затем

в Ингельхайм – послы кагана ругов просили защитить их народ от наступающих моравов, предоставив другую землю для проживания. В V в. они спаслись от войск Одоакра, в конце VIII в. – от войск франков, однако нельзя же вечно прятаться в горах или на острове.

Вполне логично, что император Феофил отказал просителям – земли поблизости от Житного острова находилась в сфере интересов франков, а греки не хотели с ними враждовать, им хватало проблем с болгарами и с арабами. Получив отказ, послы кагана ругов вынуждены были пойти на поклон к королю франков, в Ингельхайм. Поскольку путь по Дунаю был сопряжен с угрозой нападения болгар, пришлось этим послам дожидаться okazji и отправляться к франкам вместе с послами императора Византии. Скорее всего, они направились по морю в Адриатику, а далее продолжили путь по суше.

После того, как не удалось получить помощь от короля франков Людовика, у ругов оставался единственный вариант – уйти через карпатские перевалы на восток в поисках земли, где они могли бы строить жизнь по собственному усмотрению. Вскоре руги обосновались в среднем течении Днепра.

Итак, представим себе, что руги перебрались из Паннонии в Приднепровье, основали там поселения, подчинили себе местные племена. В отличие от скандинавов, руги обладали опытом управления государством (вспомним Ругиланд) и достаточно высокой культурой – в пору их пребывания в

Паннонии этому способствовало общение с соседями, которые в свою очередь имели торговые связи с королевством франков и Византией. Пребывание в составе аварского каганата позволило им ознакомиться с технологией изготовления холодного оружия, которую авары принесли с Востока. Ну а в 860 году руги, возглавляемые Аскольдом и/или Диром, напали на Константинополь – это нападение можно объяснить тем, что руги затаили злобу на греков с тех пор, как император Византии отказал в помощи и вынудил обратиться к франкам.

Однако нельзя же вечно жить в стороне от христианской цивилизации и числиться варварами – пришло время сделать выбор между Римом и Византией. Когда каган ругов Владимир в конце X в. принял решение крестить народ по канонам Константинопольской церкви, возникла необходимость зафиксировать вхождение ругов в семью христианских народов. Проблема заключалась в том, что с середины IX в. во всех византийских анналах руги фигурировали как народ «рос». Как же обойти это противоречие?

Известно, что Ольге при крещении дали имя Елена. Почему бы не поступить так же с ругами, тем более что они составляли лишь небольшую часть населения страны? Вот так официально возникло имя «рос», позже превратившееся в «русь». Со временем правители Руси согласились и с новым названием государства – Росия, Россия. Что же касается титула «каган», то он использовался на Руси и в XI в. – об этом

рассказано в главе 5. В западноевропейских источниках новое христианское государства упоминается с начала XI в. В результате неизбежных искажений появились термины *Ruscia*, *Rucia*, *Ruszi*, *Ruzzi*.

Теперь проверим обоснованность изложенной гипотезы, сопоставив её основные положения с сообщениями арабских географов об «острове русов». При этом следует иметь в виду три обстоятельства. Во-первых, арабы следовали византийской традиции наименования этого народа, причём в арабских источниках «рос» превратилось в «рус», поскольку в арабском алфавите не было символа, обозначающего букву «о». Во-вторых, сведения об «острове русов» относятся к началу IX в. – речь в них шла только о прародине русов. Ну а к середине X в. руги контролировали обширную территорию, которую никак нельзя сравнить с каким-то островом шириной не более 100 км.

Вот отрывок из «Книги драгоценных сокровищ» Ибн Русте, написанный в первой половине X века (Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб, 1870, с. 267):

«Что касается до Руси, то находится она на острове, окруженном озером. Остров этот, на котором живут они (русы), занимает пространство трёх дней пути: покрыт он лесами и болотами; нездоров и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясётся по причине обилия в ней воды. Они имеют царя, который зовется хакан-Рус».

Здесь сказано об острове, хотя на самом деле в арабском тексте использован термин «джазира», который, по мнению лингвистов, может означать и остров, и полуостров, и междуречье. Упоминание озера свидетельствует о том, что эта территория окружена водой – наверняка в IX в. Дунай и Малый Дунай были более полноводными, чем сейчас. Так что междуречье Дуная, Малого Дуная и Вага вполне соответствует тексту Ибн Русте.

Действительно, *Žitný ostrov* можно пройти за три дня пути, а большинство болот было осушено лишь к концу XIX в. По мнению словацких геологов (Tibor Z, 2012), в доисторические времена, в нижнем миоцене, Дунай был гораздо короче и впадал в Паннонское море (озеро) недалеко от нынешней Братиславы. В дельте тогдашнего Дуная отложения песка и гравия образовали остров, прорезанный большим количеством мелких рукавов реки.

Согласно народным преданиям, самое древнее название этой местности – *Kukkónia* (Куккуния) (Horváth K.L. *Kukkónia – Žitný ostrov*. 2016). Но вот что удивительно: похожее название встречается в книге «Отрада страстно желающего пересечь мир», написанной ал-Идриси, арабским географом XII века (Коновалова И. Г. *Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы*, 2006, с. 119):

«От города Салав до города Кукийана из земли Булгар восемь переходов. Кукийана – город турок, называемых Руса. <...> От Кукийаны до Арсы четыре перехода, а от Арсы до

Салав четыре дня [пути]».

Город или местность – в данном случае это не принципиально. К тому же следует иметь в виду, что арабские географы имели достоверные сведения лишь о мусульманских странах. Поэтому к их сообщениям нужно относиться с осторожностью – они нередко путали Волжскую Булгарию и Болгарское царство, расположенное на Балканах, приводили искаженные названия рек и городов. Кроме того, переводчикам этих текстов не всегда удавалось однозначно интерпретировать замысловатые арабские письма.

Первые сведения о стране «русов» и трёх её городах появились в «Книге климатов» арабского географа ал-Истахри, написанной в середине X века, а позже – в книге ал-Идриси:

«Город Арса – красивый укрепленный город на горе, и местонахождение его – между [городами] Салав и Кукийаны. Что касается Арсы, то шейх ал-Хаукаль сообщает, что никто из чужеземцев туда не проникает, так как они обязательно убивают всякого чужестранца, входящего к ним <...>. От них вывозят шкуры чёрных леопардов и чёрных лисиц и свинец».

Аналогичный текст находим в книге Ибн Хаукаля, географа X века (Калинина Т.М., Древняя Русь в свете зарубежных источников. 2009):

«Русов три вида. [Один] вид их – ближайший к Булгару, а царь их – в городе, называемом Куйаба, и он больше, чем

Булгар. А вид самый высокий из них называется С.лавийа, и царь их [живет] в С.ла – городе для них. И вид их [третий] называется ал-Арсанийа, и царь их [располагается] в Арса – городе для них. Люди достигают для торговли Куябы и ее окрестностей. Что же касается Арса, то я не слышал, чтобы кто-нибудь упоминал, что входил в неё [когда-либо] чужеземец, потому что они убивают каждого, кто ступит на их землю из иноземцев. И вот они спускаются по воде, торгуют и не сообщают ничего о своих делах и своих товарах, и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. Возят из Арса чёрных соболей, бурых лисиц, свинец и частично ртуть».

В 982 году неизвестный персидский автор написал книгу «Границы мира с востока на запад» («Худуд ал-‘Алам мин ал-Машрик ила-л-Магриб»), где тоже приводятся сведения о городах «русов» – текст был переведён на английский В.Ф. Минорским (Hudud al-Alam. The Regions of the World, 1937):

«§ 44. Рассказ о стране русов и её городах

К востоку от этой страны – горы печенегов; к югу от неё – река *Ruta*; к западу от неё – саклабы [славяне]; к северу от нее – Ненаселенные Земли Севера <...> Властитель их называется *Rus-khaqan* <...> Среди них проживает часть славян, которые прислуживают им <...>...

1. *Kūyāba* – это город [область?] русов, расположенный ближе всего к землям ислама. Это приятное место и местопребывание (их) властителя. Оно производит различные ме-

ха (туу) и ценные мечи.

2. *S.lāba* – приятный город, из которого, как только воцаряется мир, выходят они для торговли в уделы Булгара.

3. *Urtāb* – город, в котором чужеземцев, когда они посещают его, убивают. Он производит весьма ценные клинки и мечи, которые можно согнуть вдвое, но как только руку убирают, они возвращаются в прежнее положение».

Здесь и далее использована транслитерация арабских символов в латиницу. В своём комментарии В.Ф. Минорский пишет:

«Источник, общий для Ибн Русте, Худуд-ал-Алам, Гардизи, Ауфи и др., более методично отделяет русов от славян. Последние, в первую очередь западные славяне, представлены живущими под властью собственных князей, в то время как русы описаны занимающими сырой остров, имеющий площадь на 3 дня пути, и находящийся посреди озера. Эти сведения указывают на северные земли и на эпоху до основания Киевского государства, однако характерно, что, несмотря на скромные размеры территории русов, их правителю дается помпезный титул *Khaqan Rus*, а согласно Гардизи население острова составляло 100 000 человек».

Следует согласиться с тем, что сведения относятся к эпохе до основания Киевской Руси, однако указание «на северные земли» ничем не обосновано – «сырые острова» могут быть и на западе, и на юге. К примеру, некоторые историки видят в «острове русов» Тамань, которую никак не отнесёшь к се-

верным землям. Где же находились земли «русов» в первой половине IX в.? Чтобы ответить на этот вопрос, проанализируем отрывок из «Худуд ал-Алам»:

«§6. 45. Ещё одна река – *Ruta*, которая начинается с горы, расположенной на границе между печенегами, маджгари [мадьярами] и русами. Затем она входит в пределы русов и течет к саклабам [славянам]. Затем она достигает города *Khurdab*, относящегося к саклабам».

Минорский пишет:

«Название *Ruta* в арабском шрифте очень сильно напоминает *Duta* в книге Гардизи, что вероятнее всего относится к Дунаю (*Duna*) <...> Описание её русла в высшей степени головоломно. Она явно течёт в западном направлении, от русов к саклабам (последние жили западнее русов, §§ 43 и 44). Её истоки помещены на загадочной горе, которая стоит между [тюркскими] печенегами, мадьярами и русами».

Анализируя текст этого раздела, Минорский не учёл, что автор «Худуд ал-Алам» явно смешивает факты, когда речь идёт о мадьярах. В IX в. они занимали земли к северу от Азовского моря, а к началу X в. переместились в Трансильванию и Паннонию. Что же касается печенегов, то они в X в. кочевали в степях к северу и к востоку от Карпат. Это позволяет расширить область поиска реки, но вот беда – на территории Восточной Европы нет больших рек с названиями Рута и Дута. Судя по всему, здесь имела место ошибка переписчиков – в X-XII вв. это происходило довольно часто при на-

писании незнакомых названий рек и городов. Действительно, если две точки над третьим справа символом в написании *Ruta* на арабском языке заменить на одну точку, то получим *Duna*. Таким образом, приходим к выводу: в тексте речь идёт о реке Дунай, которая «входит в пределы русов». Но отсюда следует, что народ, который персы называли «рус» («роус»), какое-то время обитал на Дунае (!), например, в восточной части Баварии или на территории нынешней Словакии. Если бы под страной русов подразумевалась Киевская Русь, тогда логичнее было бы написать, что к югу от этой страны – Чёрное море. Конечно, можно поискать страну русов на Верхней Волге, однако нет никаких свидетельств существования там ещё одной Руси в X в.

Допустим, что «страна русов» в начале IX в. располагалась между Дунаем и Карпатами – тогда всё становится на свои места, поскольку славяне жили и к востоку от этих мест, на территории нынешней Хорватии, Сербии или Болгарии. Ниже мы убедимся, что славянский город Хурдаб, упомянутый в тексте, – это город на Дунае. Коль скоро Дунай расположен к югу от «гор печенегов», как написано в «Худуд ал-Алам», можно утверждать, что в § 44 «горы печенегов» – это Карпаты.

В «Худуд ал-Алам» упоминаются всего три реки, имеющие отношение к «русам» – это *Atil* (Кама и Нижняя Волга), *Ruta* (Дунай) и *Rus*:

«44. Еще одна река – это река Rus, которая начинается

из внутренней области страны Saqlāb и течет в восточном направлении, пока не прибудет в пределы русов. Затем она окаймляет пределы Urtab, S.lab, and Kuyafa, которые есть города русов, пределы хифджаров (Khifjakh). Затем она меняет своё направление и течёт в южном направлении до пределов печенегов и изливает себя в реку Atil».

Судя по некоторым признакам, река Rus – это Верхняя Волга (до места слияния с Камой) и речь идёт о IX в., когда печенеги ещё кочевали в Заволжье. Однако вызывает недоумение местоположение русов к востоку от страны Saqlāb. Под этим термином (саклаб или сакалиба) арабы, получавшие сведения у греков, обычно понимали южных славян. Например, вот что пишет Ибн Хордадбех:

«Третья провинция – Макадунийа. Её границы: на востоке стена, на юге – море аш-Шам [Средиземное море], на западе – страна ас-Сакалиба, на севере – Бурджан [дунайские болгары]».

Как известно, на северо-западе от Македонии (в границах X в.) находятся Сербия, Словения, а далее – Словакия и Чехия. Это и есть страны ас-Сакалиба. Тогда расположение русов восточнее страны славян справедливо только для приднепровских русов (к западу от них обитали чехи, ляхи, славяне Паннонии и Баварии), но никак не для Верхней Волги.

Судя по всему, автор «Худуд ал-Алам», не разобравшись, объединил сведения, относящиеся к разным рекам, которые арабские источники связывали с именем русов – это Волга

и Днепр. Если под «пределами русов» понимать основную территорию, заселённую русами к началу X в., т.е. Приднепровье, тогда река Рус – это Днепр.

Можно предположить, что, описывая три города русов, в т.ч. Куябу, автор опирался на источник первой половины IX в., а в описании окрестностей реки Rus – на источник X в. В этом случае, упомянув Куяфу, что созвучно Киеву, для полноты картины он добавил Уртаб и Арту из более раннего источника.

В цитируемом отрывке из «Худуд ал-Алам» упомянут загадочный народ *Khifjakh*. Похожий термин встречается в трудах Ибн Хордадбеха и Гардизи. Минорский полагает, что хифджахи – это кипчаки, которых на Руси называли половцами. Однако кипчаки (хифшахи) Ибн Хордадбеха – это азиатский народ. Только в начале XI в., форсировав Волгу, они двинулись в причерноморские степи. Как же они оказались на Днепре в X в.?

Возможно, разгадка таится в переводе термина *Khifjakh* на русский язык. В персидском языке есть такие слова: *jakh* – враждебный; *khaif* – ужас, страх; *mukhif* – внушающий страх, ужасный, грозный; *khiff* – небольшое количество.

Так что же означает термин *Khifjakh* – «небольшой, враждебно настроенный народ» или нечто вроде «страшилилы»? Автор «Худуд ал-Алам» мог назвать этим именем жителей какого-то поселения на Днепре, которые действительно внушали ужас купцам, плывущим по реке. А что если речь идёт

о норманнах и Гнездово? Судя по археологическим находкам, в X в. это поселение было военной базой для наёмников из Скандинавии, служивших в войске киевского князя.

Какую же территорию занимали «русы», упомянутые в «Худуд ал-Алам»? Историки высказывают разные версии местоположения трёх городов «русов»: если Куяба всеми интерпретируется как Киев, то с остальными городами возникают сложности. У сторонников норманнской версии происхождения «русов» вполне логично возникает искушение считать, что Салаб (Славия, Салав) – это Новгород, хотя такое утверждение ничем не подтверждается. Их оппоненты настаивают на том, что Славия – это Переяславль (ныне Переяслав-Хмельницкий), а город Артаб (Арта, Арса) – это либо Чернигов, либо Родень, находившийся близ места впадения реки Роса в Днепр. Увы, ни один из предложенных историками вариантов не соответствует приметам, которые упомянуты в арабских текстах. В частности, Переяславль и Родень расположены к юго-востоку от Киева, так что ближайшим к «Булгару» оказывается Родень, а не Киев.

Есть версия, что Артаб – это Гнездово. Однако в Смоленской области добывают только бурый уголь, глину, известняки, а поблизости от Арты добывали *rasas* (олово или свинец) и ртуть (использовалась как лекарственное средство). Напрасными оказались поиски Артаба на Верхней Волге, в Ярославской области – там только глина и песок. В Рязанской области – торф и песок. В Пермском крае – торф. В

Мордовии – торф и глина (так что вариант Эрзя = Арта явно не подходит). В Нижегородской области – опять же торф и гранит, но есть и небольшие запасы свинца на юге области. Месторождение ртути в конце XIX в. было обнаружено недалеко от Горловки, но оно находится в 250 км к востоку от Днепра. Основные месторождения полиметаллических руд и ртути интересующего нас региона (от Верхней Волги до Дуная) сосредоточены в южных и северных предгорьях Карпат. Полиметаллические руды с содержанием свинца встречаются поблизости от Трускавца, но это тоже далеко от Днепра.

Возможно, решению задачи поможет расшифровка арабских названий городов. Начнём с Куябы. Вот что писал Гаркави (Гаркави А.Я., 1870, с. 198):

«Относительно имени столицы первого племени не должно казаться быть сомнения, что это Киев. Правда, что в единственной известной рукописи арабского оригинала Истахриевой книги, по которой сделана литография Меллера, это имя написано *Кутаба*; в персидском переводе Узели – *Кунаба* или *Куная*; в Лейденской рукописи Ибн-Хаукаля – <...> можно читать на разные лады; у Димешки от имени Идриси – *Каракартия*, у Ибн-аль-Варди – *Каркаяна* или по другой рукописи *Каркаяния*, а Ибн-Аяс наконец имеет *Каркабан*».

Здесь следует пояснить, что перевод Узели (Ouseley, W. The oriental Geography of Ebn Haukal. London, 1800) сделан с рукописи аль-Истахри, но текст был ошибочно приписан

Ибн Хаукалю.

Теперь попробуем поискать в персидском языке слова, из которых можно составить слово, обозначающее столицу «первого племени русов». При этом следует учесть, что по вине переписчика в названии столицы могла исчезнуть или появиться точка (или даже две) над или под символом – тогда приходится выбирать из *b, s, t, n, p*. В данном случае возникает проблема с точкой при третьем символе, которая у одних авторов стоит сверху, у других – снизу, а у остальных отсутствует. Поэтому, не вдаваясь в подробности, мы можем предположить, что искомое *Kūyāba* составлено из двух слов (Steingass F. Persian-English dictionary, 1963, сс. 3, 1065): *kūy* – город, деревня; *abā* – чудесный, удивительный (одно из значений).

Заметим, что арабские символы, соответствующие *k* и *ū*, сохраняются без изменений в сложном слове *Kūyāba*, а символ, соответствующий *y*, в середине слова изменяет свою форму в соответствии с правилами арабской графики.

Итак, *Kūyāba* – «чудесный город», что не противоречит тексту «Худуд ал-Алам», где этот город назван «приятным местом». Однако ситуация с расшифровкой второго города «русов» гораздо сложнее из-за больших различий в написании названия этого города (или племени) у разных авторов. Снова обратимся к тексту книги Гаркави (Гаркави А.Я., 1870, с. 199):

«Второе племя названо у Истахри, Ибн-Хаукаля и Идриси

– *Славией*, в персидском переводе Истахри – *Джалабой*, а у Ибн-аль-Варди и Ибн-Аяса – *Атлавией*, в чём легко узнать форму *Слава* или *Славия*. Имени столицы этого племени Истахри не называет; в сочинении Ибн-Хаукаля оно было написано, но в рукописи есть пропуск; Идриси говорит, что племена эти, кроме Артании, назывались по именам населяемых ими стран, что подтверждают Ибн-аль-Варди и Ибн-Аяс, говоря, что столица этого племени называется *Талу* или *Тлава*».

В книге Узели приведено другое название – оно читается как *Jellabeh*. Наконец, в «Худуд ал-Алам» есть ещё один вариант, который Минорский интерпретирует как *S.laba, S.läb*. Там же он приводит название племени со ссылкой на Ибн Хаукаля – *S.lawia*.

Увы, в персидском языке нет слов, из которых можно было бы составить название города или племени, соответствующее одному из представленных вариантов. Есть *salab* (salb), переводимое как «грабёж, добыча», есть *sal*, что переводится как «плот, корабль», и *saldbat* (Steingass F., 1963, сс. 691, 692, 791), означающее «сильный», но эти слова для названия города не вполне подходят. Судя по обилию вариантов, мы имеем дело с попытками передать арабскими символами некое труднопроизносимое слово, к происхождению которого арабы не имели никакого отношения.

Выше мы предположили, что народ, который греки называли «рос», а персы – «рус» («роус»), в IX в. обитал в При-

дунавье, поблизости от Житного острова. Вспомним, что написано в «Худуд ал-Алам» о втором городе «русов»: «приятный город, из которого, как только воцаряется мир, выходят они для торговли в уделы Булгара». Поищем второй город «русов» на западе – однако на западе не от Волжской Булгарии, а от Болгарского царства. В среднем течении Дуная, на западной окраине Житного острова, расположена Братислава, впервые упомянутая как *Brezalauspurc* в «Зальцбургских хрониках» в связи с событиями 907 года. Вероятно, город назван так в честь славянского князя Вратислава (*Uratislaus*). В пересказе арабских информаторов могла остаться от этого слова только вторая часть – «Слав», да и та подверглась искажениям.

При расшифровке третьего города (и племени) «русов» для наглядности снова воспользуемся обзором из книги Гаркави (Гаркави А.Я., 1870, с. 200):

«Третье племя называется у Истахри, Ибн-Хаукаля и Идриси – *Артания* или *Арсания*; Арна у Ибн-аль-Варди есть бесспорно *Арта* или *Артани* <...> Это имя неправильно читал Мордтманн в своем переводе – *Утания* или *Аутания* <...> Столица этого племени в Меллеровом тексте Истахри и у Мордтманна названа *Арбою*, но в персидском переводе имя это пишется *Арта* или *Арса*, точно так же пишется и у Ибн-Хаукаля; Идриси, как было замечено, говорит, что, кроме Артании, все прочие племена назывались по имени своих стран или столиц, а как называют страну или столицу пле-

мени Артания не говорит; Ибн-аль-Варди, сохраняя последовательность, пишет это название так же, как имя племени *Арна* вместо *Арта*; Ибн-Аяс наконец пишет *Арта*».

В книге Узели есть небольшие отличия: *Orthani, Arthai; Artha, town of Arthai king*. В «Худуд ал-Алам» (перевод Минорского) – *Urtab*. В книге Хвольсона (Хвольсон Д.А., 1869) приведены такие данные: у Балхи – *Арфа*, у других арабских авторов – *Арба, Арта, Артса*.

Как видим, здесь ситуация гораздо проще, чем в предыдущем случае, поскольку всё сводится в поискам основы в виде *Арт-, Арс- или Артс-*. В персидском языке есть только одно подходящее слово – *arteš*, означающее войско (Восканян Г.А., 2008, с.76; Рубинчик Ю.А., 1970, с.61). Производное от этого слова – *arteshdar* переводится как «солдат» (Steingass F., 1963, с. 34). Если учесть, что *āb* переводится как «вода, река», нетрудно сконструировать слово, которое должно означать что-то вроде военной базы у реки – *artešab* – такой термин мог существовать в древности, а затем его перестали применять. С учётом сложности расшифровки арабской вязи и ошибок переписчиков название города Артешаб могло быть прочитано как *Арта, Арса, Артса* или *Артаб, Уртаб* – последний вариант из «Худуд ал-Алам» в переводе Минорского.

Осталось объяснить происхождение названия племени – Арсания. Для этого достаточно добавить к слову *arteš* (войско) слово *niya*, одно из значений которого – сила, величие

(Steingass F., с. 1440). Поскольку название было воспринято на слух, каждый из арабских географов записывал его по-своему или изменял в соответствии со своими представлениями.

К сожалению, результаты расшифровки названий городов «русов» не дают подсказки для определения местоположения Куябы и Артаба. Однако ясно, что Артаб нужно искать рядом с Карпатами, где водилась пушной зверь и где были месторождения свинца и ртути. Этим критериям соответствует город Тренчин, впервые упомянутый в трудах Птолемея. Город расположен в предгорьях Карпат, на реке Ваг в 150 км к северу от Братиславы. В средние века на высокой скале была построена неприступная крепость – вероятно, в VII веке здесь располагалась столица государства Само. В 50 км к востоку от Тренчина находится город *Nitrianske Pravno*, окрестности которого богаты месторождениями полиметаллических руд, в том числе золота, серебра и свинца. Предложенная версия подтверждается этимологией слова Тренчин: *tren* в словацком языке означает «обоз», а *cin* – «олово» (Kollár D. 2011).

Что касается Куябы, об этом городе известно лишь то, что он был ближайшим к болгарам и располагался к западу от страны славян. Возможно, его местоположение удастся определить, выяснив, где находились города славян.

В §6 (45) «Худуд ал-Алам», как мы выяснили, речь идёт о Дунае, который «входит в пределы русов и течёт к саклабам

[славянам]». Затем он «достигает города *Khurdab*, относящегося к саклабам». Более подробно об этом городе и стране славян рассказано в §43:

«К востоку от этой страны – внутренние болгары и некоторые из русов; к югу от неё – некоторые местности моря Гурз и некоторые местности Рума; к западу и северу от нее повсеместно пустыни Ненаселенных Земель Севера. Это обширная страна с чрезвычайно многочисленными деревьями, растущими близко друг к другу. <...> Зиму они проводят в хижинах и подземных жилищах. (Они) обладают многочисленными замками и крепостями <...>

(Они) обладают двумя городами.

1. *Vabnit* – первый город – на востоке (страны) саклабов и некоторые (из его жителей) напоминают русов.

2. *Khurdab* – большой город и местопребывание властителя».

Где же располагалась эта страна славян? Расшифровка рассказа о реке Рута указывает на то, что город *Khurdab* стоит на Дунае. «Многочисленные замки и крепости» – это похоже на Паннонию, Словению и Сербию, где сохранились остатки римских поселений. Если речь идёт, например, о Сербии, то болгары живут к востоку от неё, что соответствует тексту «Худуд ал-Алам». Однако «ненаселённые земли севера» не могут располагаться непосредственно к западу и северу от Сербии.

Скорее всего, автор заимствовал описание местоположе-

ния страны славян из одного источника (например, у Ибн Хордадбега), а названия городов – из другого, причём эти города не имеют никакого отношения к стране славян из первого источника. Такого же мнения придерживается Минорский, который пишет, что «сведения о географии славян, рассеянные в нашем источнике, похоже относятся к двум различным группам этого народа».

Киев находился на востоке от Волжской Булгарии, однако определение «некоторые русы» нельзя отнести к Киевской Руси, поскольку там обитало большинство «русов». Если же «некоторые русы» – это «русы» Житного острова, тогда здесь нет никаких противоречий – к востоку от этой территории располагалось Болгарское царство.

Попробуем определить местоположение столицы славян, города *Khurdāb*. Общим для всех известных вариантов написания является наличие *Khur-* или *Jar-*. Далее к этой основе добавляется *-awt* у Гардизи, *-zan* у Ауфи, *-dab* у автора «Худуд ал-Алам». Минорский полагает, что к *Khur-* следует добавить *-wat* и тогда название города читается как *Khorvat*. Своим происхождением это слово якобы связано с белыми хорватами, обитавшими где-то поблизости от Восточно-Германского королевства франков, как сказано в трактате Константина Багрянородного.

Однако есть обстоятельства, которые ставят под сомнение эту версию. Дело в том, что в Иране несколько поселений имеют название *Khur*. Кроме того, в персидском языке при-

сутствуют довольно много слов, составной частью которых стало *khur* (*khur-dast* и т.п.). Есть ещё слово *khurd* в значении «маленький».

Итак, столицей славян в «Худуд ал-Алам» назван город *Khurdab*. Если учесть, что в прежние времена славяне, как и многие другие народы, устраивали свои поселения близ рек или водоёмов, тогда следует поинтересоваться традицией наименования таких городов в Иране и в западной части Пакистана. Город Бонаб расположен близ озера Урмия, Шабаб – рядом с рекой, Минаб – на реке Минаб, Хошаб – также на реке, Миандоаб стоит на реке Джагатучай, а его название переводится как «между двух рек» (второй реки нет – возможно, она высохла). Есть ещё несколько городов с окончанием *-аб*, но, видимо, они находятся близ русла высохших рек. Во всех этих названиях присутствует *ab*, а в переводе с персидского слово *āb* означает «река, вода».

Таким образом, название главного города славян, расположенного близ реки, может состоять из двух частей: *khurd* и *ab*. Справедливость этой версии становится достаточно очевидной, если сравнить написание города из книги Минорского и двух слов из персидско-английского словаря (Steingass F., 1963, сс. 1, 453): *āb* – water, river; *khurd* – little, small.

Khurdāb в этом случае переводится как «малая река» – возможно, это название и реки, и города (см. город Минаб на реке Минаб). Скорее всего, «малая река» – это приток боль-

шой реки, Дуная, а город расположен в месте впадения «малой реки» в Дунай. Единственный город к востоку от Житного острова, известный с давних времён и соответствующий таким критериям – это Белград. Он был основан кельтским племенем скордисков в III в. до нашей эры в месте впадения реки Савы в Дунай. Город упоминается у Птолемея под именем Сингидунум. Позже им владели римляне, гунны, византийцы, авары и славяне. В 878 г. он впервые упоминается как Белград.

Название «первого города на востоке страны славян» – *Vantit* у Гардизи, *Vabnit* в «Худуд ал-Алам». Пожалуй, аналогов таких буквосочетаний не найти ни в одном известном нам языке. Судя по всему, в этом случае проблема связана с местоположением точки при третьем справа символе в арабском написании слова, появление которой могло быть вызвано ошибкой переписчика. Если эту точку убрать из обоих вариантов, а две точки из варианта Гардизи интерпретировать как одну, то возникает слово, которое произносится как *Varnit/Warnit*. Что же это нам даёт?

Посмотрим, есть ли среди персидских слов что-то, позволяющее обосновать появление термина *varnit/warnit* (Steingass F., 1963, сс. 1393, 1449): *wa'r* – пугающий, устрашающий; *nidd* – изображение, идол, враг. Тогда *wa'r-nidd*, на слух воспринимаемое как *varnit*, можно перевести как «нечто страшное», «пугающее». Это единственный, но совершенно не приемлемый вариант, поэтому следует сделать

вывод, что персы не имеют никакого отношения к происхождению названия этого города.

Судя по всему, персидские географы пытались передать арабскими символами слово «Варница». Несомненно, это слово славянского происхождения – в прежние времена соль получали в варницах из рассола, добываемого из соляных ключей. Поищем второй город славян на Днестре: в трёх километрах от города Бендеры есть селение Варница (Varnița). Село с таким же названием есть и в Румынии, но поблизости от этой Варницы нет крупных рек и городов с богатой историей. В источниках XV в. город Бендеры упоминается как Тигин (есть разные варианты этого названия), а в XVI в. он был оккупирован турками и получил новое название – Бендеры. В переводе с турецкого языка *bender* – это порт. Можно предположить, что в IX-X вв. местные славяне называли этот город Варница, а одноимённое селение возникло рядом с Бендерами в память о прежнем городе уже в период турецкой оккупации. Однако в предложенной версии смущает то, что нет свидетельств существования в IX-X вв. достаточно крупного поселения на месте нынешних Бендер.

Есть и другой вариант для интерпретации города *Varnit*. На западном побережье Чёрного моря расположен город Варна. Впервые это название упоминается в «Хронографии Феофана Исповедника» (Византийские исторические сочинения, 1980):

«679-680 гг. В этом году народ болгар напал на Фракию

<...> Преследуя ромеев до Дуная и переправившись через него, [булгары] дошли до так называемой Варны, поблизости от Одисса и здешнего материка. Они увидели местность, хорошо укрепленную: сзади – рекой Дунай, спереди и с боков – ущельями и Понтийским [Чёрным] морем».

В X в. река Варна упоминается в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей». В этом отрывке рассказано о «росах», отправляющихся из «Росии» в Константинополь (Развитие этнического самосознания, 1982, с. 267):

«Вступив в землю Булгарии, входят в устье Дуная. От Дуная они прибывают в Конопу, а от Конопы – в Констанцию <...> к реке Варна; от Варны же приходят к реке Дичина. Все это относится к земле Булгарии. От Дичины они достигают области Месемврии – тех мест, где завершается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание».

Ныне река Варна это река Провадийска, впадающая в Болеславское озеро, которое соединено протокой с Варненским озером близ города Варна. Историки выдвигали разные версии происхождения этого названия. Но вот на что следует обратить внимание.

В 60 км от Варны расположен город Провадия, в окрестностях которого обнаружены остатки городища, названного Провадия-Солницата – здесь найдены древнейшие солеварни на территории Европы. Археологи предполагают, что жители этого поселения начали добывать соль в шестом

тысячелетии до нашей эры. Свидетельством этому являются остатки массивных глинобитных печей куполообразной формы, в которых вода выпаривалась из соляного раствора. Наверняка река Варна была названа с учётом специфики этих мест – болгарское *-варна* (см. пивоварна) является аналогом русского *-варня* (см. пивоварня). В словаре Даля написано, что варня – это строение или заведение, где варят, изготавливают пиво, мёд, соль, а варница – то же самое, но почти исключительно относится к вывариванию соли из рассола. В болгарском языке есть и «пивоварна», и «пивоварница», и «варница» (Чукалов С.К., 1960, сс. 55, 652).

Таким образом, есть основания для того, чтобы отождествить город Варна с городом *Varnit* из «Худуд ал-Алам». Город находится в 150 км к югу от Дуная, на месте древнего греческого города Одессос, известного с VI в., но после образования Болгарского царства его решили переименовать. Поскольку город стоит не на реке Варна, болгарские правители не могли назвать его тем же именем. Поэтому появилось название Варница, однако не позднее XII в. его заменили на более благозвучное *Варна*, ну а река Варна превратилась в *Провадийска*.

Следует обратить внимание на слова автора «Худуд ал-Алам»:

«*Vabnit* – первый город на востоке (страны) саклабов и некоторые (из его жителей) напоминают русов».

Неужели в этом отрывке речь идёт о скандинавах? А меж-

ду тем, Варна расположена в 150 км от Фракии, куда часть ругов переселилась из Паннонии в V в. Возможно, этим обстоятельством вызвана попытка князя Святослава подчинить себе восточную часть Болгарского царства и Фракию в 969-970 гг.

Об одном из городов славян писал Гардизи, но он рассказывал о городе Vantit, по-своему истолковав арабскую вязь в первоисточнике. Гардизи утверждал, что «из страны мадьяр до страны славян 10 дней пути». От Будапешта до Варны больше 1000 км, что соответствует предложенной версии, если плыть по Дунаю, а далее по морю. Минорский в своём комментарии к разделу о стране славян допускает, что «два города славян располагались на противоположных концах территории славян». Это также не противоречит версии, согласно которой два города славян – это Белград и Варна.

Какой же вывод можно сделать, исходя из местоположения двух городов страны славян? Судя по всему, города «русов» располагались к западу от Белграда, а самый восточный из них – главный город «русов» Куяба. Теперь самое время обратиться к истории римских завоеваний в Придунавье.

Для охраны этой территории от набегов варваров римляне построили в I-II вв. несколько крепостей на берегах Дуная, в т.ч. Виндобона (ныне это Вена), Герулата (к югу от Братиславы), Бригетия (Комарно), Сольва (Эстергом), Аквинк (Буда). Вскоре город Аквинкум, возникший близ крепости, стал столицей Нижней Паннонии.

На роль Куябы, столицы каганата ругов, могут претендовать Эстергом и Буда. Это предположение соответствует тексту «Худуд ал-Алам», поскольку восточнее Буды не было в то время других укрепленных городов, вплоть до Белграда. Какой же из этих городов в IX-X вв. соответствовал определению «чудесный город»? Здесь дело вкуса, а других критериев пока что нет.

Напомним, что в V в. Ругиланд существовал в течение всего лишь 20 лет, что вполне естественно, поскольку благодатный край притягивал многие племена и народы, которые вынуждены были отстаивать право на владение этой территорией с оружием в руках. В жестокой борьбе побеждал сильнейший, ну а слабый должен был уйти. Та же судьба постигла и каганат ругов в начале IX в. – с Дуная руги вынуждены были перебраться на Днепр.

Итак, анализ источников VI-XI вв. позволил разработать версию происхождения народа «русь», где главную роль играют руги. В конце V в., после поражения в войне с другими претендентами на территорию Ругиланда, не все руги ушли в Северную Италию – часть ругов осталась в труднодоступной местности в предгорьях Карпат и на Житном острове. В VI в. в Придунавье пришли авары, и руги вошли в состав племён, образовавших Аварский каганат. Все эти племена, в том числе местные славяне, видели в таком объединении возможность защититься от агрессивных и могущественных соседей – Византийской империи и королевства франков.

В начале IX в., после разгрома Аварского каганата руги создали свой каганат. Столицей каганата стал город, возникший на месте римского поселения – ныне это Буда (или Эстергом). В Тренчине руги изготавливали уникальные клинки по аварской технологии, а Братислава была форпостом ругов на западных границах их территории. Но в 830-х гг. наступление моравов вынудило ругов обратиться за помощью к императору Византии. Греки дали незнакомому народу прозвище «рос», основанное на внешности пришельцев.

Не получив помощи ни от Византии, ни от королевства франков, руги покинули свои земли и двинулись на восток. Преодолев карпатские перевалы, они вышли на равнину. Возможно, поначалу они обосновались на Днестре, а позже переместились в Приднепровье. В 860 году руги, возглавляемые Аскольдом и/или Диром, напали на Константинополь. Что же было дальше – неужели пришедшие из Новгорода скандинавы во главе с Олегом разгромили ругов и присвоили себе их территорию и имя?

Увы, ни нападение «русов» во главе с Олегом в 907 году на Константинополь, ни заключение договоров с Византией в 907 и 912 годах, о чем написано в ПВЛ, не находят подтверждения в византийских источниках. Царь Дир (с некоторыми оговорками) упоминается в древних арабских текстах, князь Игорь (Inger) – в «Антаподосисе» Лиутпранда Кремонского, но об Олеге нет нигде ни слова. Однако, если князь Олег действительно существовал, то в рамках рассмот-

ренной здесь версии можно предложить такой вариант развития событий. Олег, принадлежавший к потомкам ругов, которые вышли из Придунавья, в 882 году (согласно ПВЛ) сверг Дира и захватил власть в Приднепровье. Ну а дальнейшие события описаны в ПВЛ более или менее достоверно – вот только ладожские скандинавы оказываются совершенно ни при чем, за исключением того, что их привлекали как наемников в дружины киевских князей.

Казалось бы, опровержением предложенной версии служит отсутствие археологических находок, подтверждающих присутствие ругов в Придунавье и в Приднепровье в IX в. Однако что искать? Информация о ругах настолько скудна, что нет возможности связать с их именем находки археологов. Иначе обстоит дело со скандинавами – следы их пребывания в Киеве и в Гнездово есть, но они относятся к середине X в. и более позднему периоду.

Можно объяснить и отсутствие сведений о придунайских ругах в источниках VII-X вв. Внимание летописцев было приковано сначала к аварам, что вполне естественно, а после ликвидации Аварского каганата хронисты королевства франков писали о моравах и других славянских народах, которые пользовались покровительством короля франков. В то же время руги, основная часть которых была сосредоточена на Житном острове и в трёх городах (Братислава, Тренчин и Буда) не могли повлиять на политическую ситуацию в этом регионе, как и другие малые народы, поэтому и не были удо-

стоены вниманием.

Что касается якобы скандинавских имён первых русских правителей (Аскольд, Дир, Игорь, Ольга), то здесь следует учесть два обстоятельства. Во-первых, руги были выходцами из Скандинавии (из юго-западной части Норвегии). Во-вторых, *Ascolt, Dioro, Ingvar, Helca* – это древнегерманские имена (Förstemann, 1856. Sp. 128, 337, 785, 588), поэтому в давние времена они могли использоваться и на севере нынешней Германии, где когда-то обитали руги.

Чем же вызваны искажения реальных событий в «Новгородской первой летописи» (НПЛ) и в ПВЛ? Если бы летописцы признали, что киевские русы не имеют никакого отношения к ладожским варягам (скандинавам), тогда Киев не смог бы претендовать на роль главного города Руси и подчинить себе Новгород, а новгородские власти нажили бы себе злейших врагов в лице киевских властей. Поэтому летописцам пришлось сочинять два близких по содержанию текста – вот только автор ПВЛ отдавал приоритет Киеву, а новгородский летописец, создатель НПЛ, попытался в мягкой форме обосновать независимость новгородцев от киевлян, написав, что Аскольд и Дир, хоть и варяги, но никак не связаны с Рюриком.

В 988 году народ, находившийся под управлением киевского князя, был крещён по канонам Константинопольской церкви как народ «рос». С этого времени «русь» (искажённое «рос») стало официальным названием народа.

Глава 12. Русь рогов и славян

Итак, в IX веке под властью рогов объединились славянские племена Приднепровья, к которым позже примкнули славяне ближайших земель. Расширение территории, подконтрольной киевскому князю, особенно эффективно происходило при Владимире I Святославиче, который обложил данью хазар, вятичей, ляхов, получив в придачу несколько городов, и даже захватил Корсунь (Херсонес) в Крыму, принадлежавший Византии. Но основным событием периода правления князя Владимира Святославича стало крещение Руси.

Объединение языческих народов Руси на основе общей веры было в то время единственным способом создания мощного государства, занимавшего довольно большую территорию. Проповеди с амвона церкви, наставления священнослужителей и теперь позволяют держать часть людей в повиновении (ныне эту роль, в основном, исполняют политологи). Однако поклонение разным богам могло служить поводом для конфликтов и снижало авторитет князя, который признавал только одного из многочисленных богов. При наличии оружия на руках у населения любое опрометчивое решение властей могло привести к народным волнениям и вооружённому восстанию. Князь Владимир пытался создать единую веру на основе поклонения Перуну, однако не сбы-

лось. Поэтому пришлось использовать опыт стран, преодолевших эпоху языческого разобщения.

Согласно преданию, князь долго раздумывал, выбирая наиболее приемлемую религию – то ли ислам, то ли иудейскую веру, которую исповедовали хазары, то ли христианство. На самом деле, выбор мог быть только между двумя ветвями христианства, получившего распространение в наиболее развитых и просвещённых странах Европы – римской, позже названной римско-католической, и византийской ветвью, которая получила название православной. Русь связывали с Византией торговые отношения, к тому же Русь имела влияние на события в этом регионе благодаря своей военной силе. Поэтому выбор в пользу православия стал наиболее логичным и вполне оправданным. С тех пор прозвище, которое греки дали ругам, распространилось на всё население земель, находившихся под властью киевского князя – «рос» превратилось в «русь», государство называли Русью, Росией, а позже появилось современное название, Россия.

В то время как в большинстве стран христианство постепенно приживалось в течение нескольких веков, князь Владимир, чтобы не отстать от Европы, решил форсировать события. Об этом есть свидетельство в Иоакимовской летописи, где подробно рассказано о том, как воевода Добрыня и другой военачальник по имени Путята обращали в православие новгородцев:

«В Новгороде люди, проведав, что Добрыня идёт крестить

их, собрали вече и поклялись все не пустить в город и не дать идолам опровергнуться. И когда он пришёл, они, разметав мост великий, вышли на него с оружием, и хотя Добрыня прельщением и ласковыми словами увещевал их, однако они и слышать не хотели. <...> Люди же стороны оной, услышав сие, собрались до 5000, напали на Путяту, и была между ними сеча злая. Некие пришли и церковь Преображения Господня разметали и дома христиан грабили. Наконец на рассвете Добрыня со всеми, кто был при нём, приспел и повелел у берега некие дома зажечь, чем люди более всего устрашены были, побежали огонь тушить; и тотчас прекратилась сеча, и тогда старшие мужи, придя к Добрыне, просили мира. <...> И так крестя, Путята пошёл к Киеву. С того дня люди поносили новгородские: Путята крестит мечём, а Добрыня огнём».

В этих событиях нет ничего удивительного – со времён возникновения мировых религий инакомыслие не только не поощрялось, но временами преследовалось самым жестоким образом, примером чего является средневековая инквизиция. Не исключено, что опыт крещения Руси использовали крестоносцы, когда пытались силой насадить христианство в мусульманских странах. Однако «первопроходцами» в деле насильственной христианизации были не русские князья. В качестве примера можно привести отрывок из «Саги об Олаве сыне Трюггви» из «Круга земного» Снорри Стурлусона: «Олав конунг объявил, как и в других местах, что люди

должны принять христианство. И так как с конунгом было очень много народа, все были напуганы. В заключении своей речи конунг предложил бондам выбор: либо принять христианство и креститься, либо биться с ним».

Особое место в истории становления любого государства занимает борьба за власть среди правящей элиты. На Руси эта борьба то усиливалась, то затихала. Пожалуй, только XIX век был относительно спокойным – обошлось без дворцовых переворотов и распрей среди членов правящей фамилии. Борьба за власть обострилась после смерти Святослава, сменившего на княжеском престоле Игоря. В результате вооружённых столкновений между дружинами троих сыновей Святослава погибли двое из них, а на престол взошёл Владимир Святославич.

Кровавые распри между князьями продолжились и в следующих поколениях. Впрочем, подобные события происходили и в других странах – от Атлантического до Тихого океана – ещё в течение нескольких веков. Переход от племенной разобщённости к единому правлению в отсутствие просвещённой власти сопровождался ожесточённой борьбой между претендентами на княжеский престол. Но возникает вопрос: за что боролись князья? За сильную и процветающую Русь или за княжеские привилегии? Для этого этапа развития русской государственности ответ предельно очевиден.

В начале XI века сыновья великого князя киевского Владимира Святославича управляли русскими городами от Нов-

города на западе до Мурома на севере и Тмутаракани на востоке (Таманский полуостров). Но после смерти князя Владимира началась борьба между его сыновьями за право властвовать на Руси. Вот что писал об этом Карл Маркс:

«Нескладная, громоздкая и скороспелая империя, сколоченная Рюриковичами, подобно другим империям аналогичного происхождения, распадалась на уделы, делилась и дробилась между потоками завоевателей, терзалась феодальными войнами, раздиралась на части чужеземными народами, вторгавшимися в её пределы. Верховная власть великого князя исчезает, поскольку на неё претендовали семьдесят соперничающих князей той же династии».

Можно подумать, что жестокая борьба за власть – это исключительная особенность Руси. Но то же самое происходило и на Востоке, и на Западе. Убийства, заговоры, вооружённые столкновения между наследниками умершего правителя являются неотъемлемой частью истории раннего средневековья. Однако очень похоже, что на Русь эту «заразу» принесли норманны или руги.

Итогом обострившейся конкуренции между потомками первых киевских князей стал в XII веке распад Киевской Руси на отдельные княжества, правители которых формально признавали главенство Киева, где находилась резиденция митрополита, однако проводили самостоятельную политику. Лишь новгородцы, разочарованные способностью князей обеспечить мир и процветания, основали на своей террито-

рии некое подобие республики, где власть перешла к народному вечу. Их примеру последовали вятичи и псковитяне.

Отсутствие сильного войска и единой власти привело к тому, что Русь стала желанным объектом нападения со стороны прибалтийских племён, принявших католичество. Другим источником опасности оставались половцы. Однако решающий удар по раздробленной, ослабленной Киевской Руси был нанесён в середине XIII века, когда монголо-татарские орды вторглись на территорию Европы. В течение двух веков северо-восточные русские княжества, объединившиеся вокруг Москвы, платили дань монгольским ханам. Население Западной Руси, вошедшее в состав Великого княжества Литовского, также платило дань Золотой Орде, но обрело независимость от неё гораздо раньше.

Карл Маркс в своей незаконченной работе даёт довольно странное толкование политики московских князей в то время:

«Иван I Калита и Иван III, прозванный Великим, олицетворяют Московию, поднимавшуюся благодаря татарскому игу, и Московию, становившуюся независимой державой благодаря исчезновению татарского владычества. <...> Политика Ивана Калиты состояла попросту в следующем: играя роль гнусного орудия хана и заимствуя, таким образом, его власть, он обращал её против своих соперников – князей и против своих собственных подданных».

Благодарность татаро-монгольскому игу – это явно про-

тив логики. Орда нанесла Руси ощутимый урон, надолго задержав её развитие. В такой ситуации московские князья были вынуждены вести тонкую дипломатическую игру, выжидая удобный момент, когда можно избавиться от власти Золотой Орды.

К середине XV века под влиянием противоречий внутри правящей элиты Орда распалась на несколько ханств – в том числе Казанское, Крымское и Сибирское. Только тогда у Великого княжества Московского появилась возможность обрести реальную самостоятельность и начать соби­рание русских земель – как правило, с помощью силы, поскольку местные князьки отчаянно цеплялись за власть, не желая лишиться привилегий. За время правления Ивана III Рюриковича в состав московского княжества вошли Новгород, Тверь, Ярославль, Ростов, Вятка, частично территория Рязанского княжества и земли близ Уральских гор, включая Пермь и бассейн реки Печоры.

А вот какую характеристику этому периоду становления государства дал Карл Маркс:

«Европа, в начале правления Ивана [Ивана III] едва знав­шая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на её восточных границах огромной империи. <...> Каким же образом Ивану удалось совершить эти великие дела? Был ли он героем? <...> Иван освободил Московию от татарского ига не одним смелым ударом, а в результате почти двадца-

тилетнего упорного труда. Он не сокрушил иго, а избавился от него исподтишка. <...> Его спасло только вмешательство крымских татар, его союзников».

Если рассуждать подобным образом, тогда термин «исподтишка» можно применить к политике любого государства. Было бы странно, если бы европейские монархи, а тем более нынешние главы мировых держав заранее извещали о своих намерениях. Не менее сомнительно утверждение о чудесном «спасении» от очередного нашествия Орды – в 1480 году хан Ахмат собрал большое войско против Руси, однако продуманная дипломатия Ивана III сыграла свою роль, и крымский хан оказал ему военную поддержку.

В начале XVI века, при Василии III, к Великому княжеству Московскому были присоединены Псков, Рязань и Смоленск. Однако становление русского государства под эгидой Москвы было завершено только во времена правления Ивана Грозного, старшего сына Василия III.

Проведённый в этой главе анализ позволяет сделать вывод, что стремление к расширению территории Руси за счёт земель других народов не соответствует менталитету её коренных жителей. Безусловно, здесь не обошлось без «скандинавской крови» в жилах русских князей и бояр – напомним, что руги когда-то пришли в междуречье Одера и Вислы из юго-западной части Скандинавии. Объединение разрозненных княжеств в сильное государство можно было бы объяснить борьбой за выживание в противостоянии с сильными

соседями – действительно, русские цари, начиная с Ивана III, решались на захват соседних территорий только в случае большой нужды. Однако довольно часто грань между имперскими амбициями и насущной необходимостью трудноразличима, чему мы находим подтверждение и в современной истории.

Глава 13. Грозный и опричнина

Укрепление Русского государства и расширение его территории продолжилось во время правления Ивана Грозного. Этот процесс происходил под знаком противостояния царя с тогдашней элитой – князьями, боярами и наиболее влиятельными иерархами православной церкви. В основе конфликта, как и в другие времена, было неоднозначное понимание роли государства. Бояре считали, что государство существует для их обогащения. Царь же пытался создать свою элиту, на которую мог бы опереться в трудные времена, когда усилилась внешняя угроза на западе и на востоке. Могущество боярской знати обеспечивали огромные земельные владения, доставшиеся по наследству. Проблема состояла в том, что отобрать наследственные владения у потомков первых киевских князей царь мог только силовым путём, при этом следовало заручиться поддержкой православной церкви. Николай Карамзин в книге «История государства Российского» описал начало событий, которые позже были названы опричниной:

«3 Генваря [1565 года] вручили Митрополиту Иванову грамоту, присланную с чиновником Константином Поливановым. Государь описывал в ней все мятежи, неурядица, беззакония Боярского правления во время его малолетства; доказывал, что и Вельможи и приказные люди расхищали

тогда казну, земли, поместья Государевы: радели о своём богатстве, забывая отечество; что сей дух в них не изменился; что они не перестают злодействовать».

В заключение послания царь сообщил, что в этой ситуации не видит иного для себя выхода, кроме отречения от власти. По сути это был ультиматум, хотя никаких условий Иван Грозный пока не выдвигал. Как пишет Карамзин, «страна пришла в ужас: безначалие казалось всем страшнее тиранства». Самое страшное заключалось в том, что рушилась прежняя структура власти, поскольку в России не было другого столь же влиятельного представителя семейства Рюриковичей, который смог бы заменить Ивана Грозного. Прошли те времена, когда бояре управляли государством, практически не обращая внимания на юного Ивана. Тогда ещё была возможность возвести на престол их ставленника. Теперь же перед ними был грозный царь, который провёл реформу органов государственного управления, покорил Казань и Астрахань, добился побед над шведами и Ливонским орденом. Кто сможет его заменить без ущерба для интересов государства? Но более всего церковные иерархи и бояре опасались, что начнётся ожесточённая борьба за власть, которая нанесёт удар и по их личным интересам. К тому же, временным безвластием могли воспользоваться враги – и шведы, и литовцы давно мечтали сокрушить опасного соседа. Как известно, смутное время всё же наступило, но уже позже, после смерти Грозного. Это лишь доказывает, что личность царя

определяла очень многое.

Наверняка, бояре и князя понимали, что Грозный хочет усилить свою личную власть и готов остаться во главе «всёя Руси», если его об этом настоятельно попросят. После недолгих размышлений, бояре так и не нашли альтернативного решения и сдались на милость государя. При этом каждый из них надеялся, что уж ему-то повезёт, и втайне от других строил планы, как лучше воспользоваться этой ситуацией, чтобы увеличить своё состояние. Но не тут-то было!

Вот как Карамзин описывал дальнейшие события в «Истории государства Российского»:

«4 Февраля Москва увидела исполнение условий, объявленных Царем Духовенству и Боярам в Александровской Слободе. Начались казни мнимых изменников, которые будто бы вместе с Курбским умышляли на жизнь Ивана, покойной Царицы Анастасии и детей его. <...> После казней Иван занялся образованием своей новой дружины. В совете с ним сидели Алексей Басманов, Малюта Скуратов, Князь Афанасий Вяземский, и другие любимцы. К ним приводили молодых Детей Боярских, отличных не достоинствами, но так называемым удальством, распутством, готовностью на всё. Иван предлагал им вопросы о роде их, о друзьях и покровителях: требовалось именно, чтобы они не имели никакой связи с знатными Боярами; неизвестность, самая низость происхождения вменялась им в достоинство. Вместо тысячи, Царь избрал 6000».

А вот ещё один отрывок, описывающий события 1567 года, через два года после начала опричнины:

«Опричники, вооружённые длинными ножами, секирами, бегали по городу, искали жертв, убивали всенародно, человек десять или двадцать в день; трупы лежали на улицах, на площадях; никто не смел погребать их. Граждане боялись выходить из домов. В безмолвии Москвы тем страшнее раздавался свирепый вопль палачей Царских».

Историки нередко объясняют жестокость Грозного по отношению к самым влиятельным и богатым из бояр только тем, что царь, вошедший в силу, решил отомстить, припомнив детские обиды. Об этих обидах он писал в первом послании князю Андрею Курбскому, сбежавшему из страны из-за боязни стать жертвой очередной расправы:

«Было мне в это время восемь лет; и так подданные наши достигли осуществления своих желаний – получили царство без правителя, об нас же, государях своих, никакой заботы сердечной не проявили, сами же ринулись к богатству и славе и перессорились при этом друг с другом. И чего только они не натворили! Сколько бояр наших, и доброжелателей нашего отца, и воевод перебили! Дворы, и села, и имущества наших дядей взяли себе и водворились в них».

Судя по всему, так оно и было. Проще всего опричнину объяснить обидами, однако дело тут совсем в другом. Грозный не мог далее управлять страной, в которой огромное богатство сосредоточилось в руках боярской знати – этим лю-

дям он не доверял, не мог вместе с ними эффективно управлять страной. Ещё с юных лет царя они плели за его спиной интриги, саботировали его указы. Для большинства бояр государство стало средством обогащения, а Грозному нужна была Великая Русь – тогда и государь мог осознать своё величие. Однако неудачи в войне с литовцами привели его к мысли, что многое требуется изменить, что нужна послушная элита и значительное пополнение казны, без чего нельзя создать сильное войско и расширить территорию нарождавшейся империи.

Любое противостояние власти с оппозицией имеет свой предел – то же справедливо, если споры по принципиальным вопросам возникают между высшими сановниками. Государство не может существовать, если его руководители не имеют единого мнения по основным вопросам. Дискуссии полезны, но не могут продолжаться бесконечно – должна быть выработана единая, приемлемая для большинства точка зрения. Если не удаётся этого сделать, тогда возникает желание добиться единства насильственным путём. По сути, так оно и было – государь не нашёл других средств для воплощения своих планов кроме применения насилия.

Иное мнение на сей счёт было у Василия Ключевского, о чём он и написал в книге «Иван Грозный»:

«Царь не ужился со своими советниками. При подозрительном и болезненно-возбужденном чувстве власти, он считал добрый прямой совет посягательством на свои верхов-

ные права, несогласие со своими планами – знаком крамолы, заговора и измены. Удалив от себя добрых советников, он отдался одностороннему направлению своей мнительной политической мысли, везде подозревавшей козни и крамолы, и неосторожно возбудил старый вопрос об отношении государя к боярству – вопрос, которого он не в состоянии был разрешить, и которого потому не следовало возбуждать».

Здесь возникает подозрение, что и Ключевский не в состоянии «разрешить вопрос», поэтому сам себя опровергает. Сначала пишет о том, что Грозному помогали в государственных делах советники из числа бояр: «несколько дельных, благомыслящих и даровитых советников – избранная рада». Историк корит царя за то, что тот удалил их от себя. Но тут же вынужден признать:

«Разделившись на партии князей Шуйских и Бельских, бояре повели ожесточенные усобицы друг с другом из личных или фамильных счетов, а не за какой-либо государственный порядок. <...> Все увидели, какая анархическая сила это боярство, если оно не сдерживается сильной рукой».

Так может быть, причина гонений на «избранных» бояр не в «болезненно-возбуждённом чувстве власти» государя, а совсем в другом – и на это есть объективные причины? Но нет, историк настаивает на своём:

«Усвоив себе чрезвычайно исключительную и нетерпеливую, чисто отвлечённую идею верховной власти, он решил, что не может править государством, как правили его отец и

дед, при содействии бояр, но, как иначе он должен править, этого он и сам не мог уяснить себе».

По сути, Ключевский защищает не только бояр, но и вообще властную элиту, вне зависимости от её истинных намерений, интеллектуальных возможностей и личных интересов. Увы, дефицит умных и честных людей – это неразрешимая проблема для любой власти. В этом мы убедимся, анализируя действия следующих поколений правителей Руси. У Ивана Грозного не было времени, чтобы эволюционным путём реформировать власть, создав полностью лояльную ему элиту. Те, на кого он пытался опираться в своих делах, либо изменяли ему, либо интриговали, пытаясь сохранить собственные привилегии любой ценой, забывая об интересах государства.

Вот как оценивал Грозный действия своих «добрых советников», протопопа Сильвестра и начальника Челобитного приказа Алексея Адашева – это ещё один отрывок из первого послания князю Андрею Курбскому:

«Так же и поп Сильвестр сдружился с Алексеем, и начали они советоваться тайком от нас, считая нас неразумными: и так вместо духовных стали обсуждать мирские дела, мало-помалу стали подчинять вас, бояр, своей воле, из-под нашей же власти вас выводя, приучали вас прекословить нам и в чести вас почти что равняли с нами, а мелких детей боярских по чести вам уподобляли».

И далее:

«Вы с попом решили, что я должен быть государем только на словах, а вы бы с попом [протопопом Сильвестром] – на деле. Потому всё так и случилось, что вы до сих пор не перестаёте строить злодейские козни. <...> Посмотри на всё это и подумай, какое управление бывает при многоначалии и многовластии, ибо там цари были послушны епархам и вельможам, и как погибли эти страны. Это ли и нам посоветуешь, чтобы к такой же гибели прийти?»

Грозный словно бы предвидел грядущие времена, когда русские монархи нередко становились орудием в руках умных, изворотливых советников. Самый последний царь из этого перечня – Николай II, который по своим качествам никак не соответствовал званию правителя России. Его и близко нельзя было подпускать к императорскому трону.

Однако Курбский в своём письме укорял царя не только в притеснении ни в чём не повинных бояр, но более всего в том, что Грозный использует крайне жестокие методы подавления неугодных. Царь отвечал:

«Как же ты не смог этого понять, что властитель не должен ни зверствовать, ни бессловесно смиряться? <...> Даже во времена благочестивейших царей можно встретить много случаев жесточайших наказаний. Неужели ты, по своему безумному разуму, полагаешь, что царь всегда должен действовать одинаково, независимо от времени и обстоятельств? Неужели не следует казнить разбойников и воров? А ведь лукавые замыслы этих преступников ещё опаснее!

Тогда все царства распадутся от беспорядка и междоусобных браней. <...> Царь страшен не для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро; а если делаешь зло – бойся, ибо царь не напрасно меч носит – для устрашения злодеев и ободрения добродетельных».

В этих словах нет особых откровений – любая власть заботой о народе оправдывает свои репрессивные меры, ужесточение законов. Грань между допустимыми методами и произволом простому человеку бывает очень трудно различить, поскольку только тот, кто находится у власти, обладает достаточно полной информацией о том, что происходит в государстве. Причина репрессий может быть в том, что нет иного выхода из сложившейся ситуации в стране. Однако и царь виноват, поскольку не был достаточно прозорлив, не предвидел развития событий, а когда назрел конфликт, не нашёл другого решения, кроме применения крайних мер.

Разгадку репрессий можно искать и в психологии правителя – причиной бывает импульсивный характер, склонность к тому, чтобы подозревать окружающих в интриганстве, подготовке заговора против власти. Однако чаще всего массовые репрессии – это признак бессилия, неспособности найти оптимальное решение возникающих проблем. В то же время, если основания для подозрений есть, нерешительность верховной власти может привести к непоправимым последствиям для государства. Тогда приходится выбирать между жестокостью и риском национальной катастрофы.

Глава 14. Завещание Петра

Дальнейшее укрепление верховной власти и усиление влияния России на мировые события происходило при Петре I. Принципы внешней политики тогдашнего государства в сконцентрированном виде выражены в так называемом «Завещании Петра», однако многие историки считают, что царь не имел никакого отношения к этому документу. Прежде чем обсуждать проблему подлинности «Завещания», полезно привести несколько коротких фрагментов из «Повести временных лет», которые достаточно ярко характеризуют политику первых киевских князей:

«В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов <...> и пришел к Смоленску <...> и принял власть в городе, и посадил в нём своего мужа. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил мужа своего. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. <...> И убили Аскольда и Дира. <...> И сел Олег, княжа, в Киеве. <...>

В год 6391 (883). Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по чёрной кунице.

В год 6392 (884). Пошёл Олег на северян, и победил северян, и возложил на них лёгкую дань, и не велел им платить дань хазарам. <...>

В год 6415 (907). Пошёл Олег на греков».

Покончив с завоеваниями Олега, перейдём к Игорю, пришедшего на смену Олегу:

«В год 6449 (941). Пошёл Игорь на греков. <...> И воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили. <...> А кого захватили – одних распинали, в других же, перед собой их ставя, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в головы.

В год 6453 (945). <...> Игорь – пошёл к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его».

Если поверить Нестору, то во время правления Ольги, вдовы Игоря, никаких нападений и захватов не было. Возобновились они, когда на княжеский престол взошёл её сын Святослав Игоревич:

«В год 6473 (965). Пошёл Святослав на хазар. <...> И в битве одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В год 6475 (967). Пошёл Святослав на Дунай на болгар. <...> И сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков. <...>

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец. <...> И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом».

Политику Святослава продолжил его сын Владимир I Святославич:

«В год 6489 (981). Пошёл Владимир на поляков и захватил города их, Перемышль, Червен и другие города, которые и донныне под Русью. В том же году победил Владимир и вятичей и возложил на них дань. <...>

В год 6490 (982). Поднялись вятичи войною, и пошёл на них Владимир, и победил их вторично.

В год 6491 (983). Пошёл Владимир против ятвягов, и победил ятвягов, и завоевал их землю. <...>

В год 6492 (984). Пошёл Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста вперед себя, и встретил тот радимичей на реке Пищане, и победил радимичей Волчий Хвост. <...>

В год 6493 (985). Пошёл Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и победил болгар. <...>

В год 6500 (992). Пошёл Владимир на хорватов».

Согласно «Повести временных лет», на сорок лет наступило относительное затишье, но при Ярославе Владимировиче Мудром всё возобновилось:

«В год 6546 (1038). Ярослав пошёл на ятвягов.

В год 6548 (1040). Ярослав пошёл на Литву.

В год 6549 (1041). Пошёл Ярослав на мазовшан в ладьях.

В год 6550 (1042). Пошёл Владимир Ярославич на Ямь и победил их...

В год 6555 (1047). Ярослав пошёл на мазовшан, и победил их, и убил князя их Моислава, и покори́л их Казими́ру».

Здесь самое время напомнить о том, что писал Карл Маркс в незаконченной работе «Разоблачения дипломатической истории XVIII века»: «Быстрый процесс расширения территории был не результатом выполнения тщательно разработанных планов, а естественным следствием примитивной организации норманнских завоеваний». С этим утверждением можно согласиться. Вряд ли в те времена правящая элита способна была разрабатывать стратегические планы захвата чужих земель – всё было гораздо проще, поскольку основная цель заключалась в получении дани или иной материальной выгоды. Желание создать империю пришло на смену примитивной жажде обогащения гораздо позже, во времена Ивана Грозного и Петра Великого.

Судя по всему, Нестор не был осведомлён обо всех захватнических акциях первых русских князей. Этот пробел восполняет сочинение Аль-Масуди, где описано вторжение войск русов на побережье Каспийского моря в 913 году (публикация Абрама Гаркави, 1870 г.):

«После того, как русские суда прибыли к хазарским людям, поставленным при устье рукава, они (Русы) послали к хазарскому царю просить о том, чтоб они могли перейти в его страну, войти в его реку и вступить в Хазарское море [Каспийское море] <...> под условием, что они дадут ему половину из всего, что нагрябят у народов, живущих по это-

му морю. Он же [царь] согласился на это. Посему они вступили в рукав, достигли устья реки [Дон] и стали подниматься по этой водяной полосе, пока не достигли реки Хазарской [Волга], вошли по ней в город Итиль [древний город в дельте Волги], прошли его и достигли устья реки и впадения ее в Хазарское море. <...> И Русы проливали кровь, брали в плен женщин и детей, грабили имущество, распускали всадников (для нападений) и жгли. Народы, обитавшие около этого моря с ужасом возопили, ибо им не случалось с древнейшего времени, чтоб враг ударил на них здесь. <...> Русы же воевали <...> достигли до Нефтяного берега в области Ширвана, известного под названием Баку».

Вряд ли в этом отрывке идёт речь о ладожских варягах, которые не подчинялись киевскому князю – в таком случае им не позволили бы спуститься по Днепру к Чёрному морю. А добираться по суше и в обход Киевской Руси тащить волоком свои суда – это совершенно нереально:

«Многие месяцы Русы оставались на этом море в таком положении; никто из тамошних народов не имел возможности подступать к ним на этом море. <...> После того, как они награбили и им надоела эта жизнь, отправились они к устью Хазарской реки. <...> Ларсия же [прозвище мусульман, принятое у хазаров] и другие мусульмане из страны Хазар узнали об этом деле и сказали хазарскому царю: "Позволь нам (отомстить), ибо этот народ нападал на страну наших братьев-мусульман, проливал их кровь и пленил их жен

и детей". Не могли им препятствовать, царь послал к Русам и известил их, что мусульмане намереваются воевать с ними. Мусульмане же собрались и вышли искать их при входе в Итиль по воде. Когда же увидели они друг друга, Русы вышли из своих судов... Три дня продолжалось между ними сражение; Бог помог мусульманам против Русов и меч истребил их, кто был убит, а кто утоплен. Около же 5000 из них спаслись <...> Сосчитанных мертвецов из убитых мусульманами на берегу Хазарской реки было около 30000. С того года Русы не возобновили более того, что мы описали».

Теперь понятно, почему Нестор не упомянул об этой акции – кому же захочется описывать трагический итог нападения русов на побережье Каспия? Если Нестор составлял летопись по заказу киевского князя, он просто обязан был игнорировать такие факты. Однако и Аль-Масуди был кое в чём не прав – через тридцать лет русы повторили поход на Каспий. В этой акции тоже не обошлось без жертв, но в целом всё прошло успешно.

Теперь самое время перейти к анализу завещания Петра. Выдержки из этого документа впервые были опубликованы в 1812 году на французском языке – в книге «Des progrès de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle» (О возрастании русского могущества с самого его начала и до XIX столетия). Автором её считается Шарль Лезюр, чиновник министерства иностранных дел Франции. Полный текст стал достоянием общественности в 1836 го-

ду – «Копия плана европейского государства» появилась в книге Фридриха Гальярде «Записки кавалера де Еона». Автор утверждал, что французский дипломат имел доступ к секретным русским архивам благодаря содействию императрицы Елизаветы Петровны, которая ему симпатизировала. Вернувшись в Париж, де Еон передал документ вместе со своим отчётом министру иностранных дел. Однако в тексте Гальярде историки выявили существенные отличия от первой публикации. Тем не менее, его содержание послужило аргументом для критики имперской политики Николая I, хотя он к тексту завещания не имел никакого отношения.

Итак, что же стало поводом для обвинений? Ниже приведены отрывки из книги Лезюра (С.А. Мезин, «Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I», 2003 г.):

«1. Ничем не пренебрегать, чтобы придать русскому народу европейские формы жизни и обычаи, и с этой целью приглашать из Европы различных людей, особенно учёных».

Тут нечего комментировать, разве что поблагодарить Петра I за такую заботу.

«2. Поддерживать государство в системе непрерывной войны, для того, чтобы закалить солдата в бою и не давать народу отдыха, удерживая его во всегдашней готовности к выступлению по первому знаку».

Известна увлечённость Петра военным делом и строительством флота. Но это не прихоть, а насущная необходимость в условиях, когда с севера угрожает Швеция, а с юга

Османская империя.

«3. Всевозможными средствами расширять свои пределы к северу, вдоль Балтийского моря, и к югу, вдоль Черного моря».

Здесь речь идёт о Финляндии, входившей в состав Швеции, о Крымском ханстве и восточном побережье Чёрного моря, которое при Петре принадлежало Османской империи. В XIX веке этот наказ удалось исполнить – тем самым в значительной степени была устранена угроза нападения со стороны этих государств.

«4. Поддерживать в Англии, Дании и Бранденбурге недоброжелательство к Швеции, вследствие чего эти державы будут сквозь пальцы смотреть на захваты, которые можно будет делать в этой стране, и на окончательное её покорение».

Надо признать, что это вполне разумная рекомендация российским дипломатам. Подобные методы использовали в те времена и другие европейские страны. Что касается «покорения» Швеции, то Пётр, прежде всего, хотел устранить угрозу со стороны этого крупного государства, аннексировав территорию к северу от Петербурга. Для России жизненно необходимо было избавиться от агрессивного соседа на восточном побережье Балтики – первым шагом для этого стали возвращение Новгородских земель, до XVII века принадлежавших России, а затем захват Лифляндии с Эстляндией. Однако присоединение к России всей Швеции было бы контрпродуктивным, поскольку могло надолго испортить от-

ношения с другими европейскими державами. Да и сил удержать в повиновении шведское население на западном побережье Балтики у России не хватило бы. Другое дело эстонцы и латыши, которые натерпелись за время шведского владычества.

«5. Заинтересовать Австрийский дом в изгнании турок из Европы; под этим предлогом содержать постоянную армию и основывать по берегам Чёрного моря верфи и, постоянно подвигаясь вперед, достичь Константинополя».

Мечта о покорении Константинополя засела в головах русских правителей ещё со времён Вещего Олега. Его последователи хотели провозгласить своё государство Третьим Римом, но этому сначала мешала Византия, а затем Османская империя. С точки зрения стратегии, для свободного выхода в Средиземное море через Босфор и Дарданеллы захват Константинополя был необходим России. При Петре нарождающийся российский флот, по существу, не имел выхода в Мировой океан – этому мешали Швеция и Турция. В таких условиях России было сложно налаживать взаимовыгодные отношения с европейскими странами, в частности, на юге Европы, оказывая им военную поддержку против Турции. Частично эта мечта была реализована при Екатерине II, когда российский флот одержал ряд побед над турецким флотом и вышел в Средиземное море.

«6. Поддерживать анархию в Польше, влиять на её сеймы и, особенно, на выборы королей, раздроблять её при каждом

удобном случае и, наконец, покорить».

Противостояние России с Великим княжеством Литовским, а затем с Речью Посполитой продолжалось в течение нескольких веков – после того, как распалась Киевская Русь и её южные земли оказались под властью западного соседа. Существование этого мощного по тем временам государства не устраивало ни австрийских Габсбургов, ни курфюрстов Саксонии и Бранденбурга, ни правителей России. Поэтому в намерении «раздробить» Польшу Пётр был не одинок, однако коль скоро раздробить не удалось, пришлось России «проглотить» её целиком – это случилось почти через столетие после Петра I.

«7. Заключить тесный союз с Англией и поддерживать с нею прямые отношения посредством хорошего торгового договора <...> что незаметным образом послужит <...> усовершенствованию и увеличению русского флота, при помощи которого тотчас же надлежит добиться господства над Балтийским и Чёрным морями».

Контроль за акваториями этих морей – главное условие обеспечения защиты от агрессивных действий Швеции и Турции. Швеция ещё в XII веке предприняла попытку захватить часть новгородских земель. В конце XIII века шведы в союзе с финскими племенами завоевали западную часть Карелии, а в начале XVII века Россия потеряла выход к Балтийскому морю. Конфликты с Турцией начались в XV веке после того, как Крым вошёл в состав Османской империи.

Турция хотела стать владычицей всего Причерноморья, поддержала крымского хана в походе на Москву и намеревалась захватить Астрахань. Естественно, что в этих условиях создание сильного военного флота стало первостепенной задачей для Петра. Однако добиться военного превосходства на Чёрном море удалось только при Екатерине II – это позволило укрепиться в северной части Причерноморья и строить планы по захвату Кавказа.

Что касается освоения новейших методов строительства кораблей и создания условий для нормального функционирования флота, то рассчитывать на помощь англичан не приходилось – кое-какие сведения можно было получить лишь в частных разговорах. Но дело двигалось: в России появились несколько судостроительных верфей, а морские офицеры получили возможность обучаться во Франции, Испании, Венеции, Голландии и Дании.

Планы российских правителей по захвату территорий в Причерноморье поначалу не вызывали опасений в Европе. Усиление влияния Швеции и расширение Османской империи считалось в то время основной угрозой для европейских государств, а русские войска могли оказать им существенную помощь, защищая христианские страны от нашествия мусульман. К тому же сильные позиции России на Чёрном и Балтийском морях не создавали неудобств для большинства стран Европы. Вот разве что Англия боялась потерять свой статус «владычицы морей».

«8. <...> Проникнуться той истиной, что индийская торговля есть торговля мировая и что тот, у кого исключительно она будет в руках, станет и истинным властителем Европы, что поэтому не следует терять ни одного удобного случая для возбуждения войны с Персией и для ускорения её вырождения; надлежит углубиться до Персидского залива и озаботиться восстановлением прежней левантской торговли через Сирию».

Властвовать над Европой – кто только об этом ни мечтал! От римских императоров до президентов США – все хотели подчинить себе эту территорию. Отличие заключалось в методах – либо завоевание, либо неформальный контроль. Последний вариант устроил бы и Российскую империю, а первым этапом его реализации стало бы восстановление торгового пути из Центральной Азии и Индии в Европу через территорию России. Но этому мешала Персия, которая имела сильные позиции в этом регионе. Петру I удалось в 1723 году отобрать у Персии западное побережье Каспия, однако этого было явно недостаточно. Выход к Персидскому заливу и организация торгового пути через Сирию – это вполне приемлемая, даже более привлекательная альтернатива транспортировке индийских товаров через Астрахань, Азовское и Чёрное моря. Но для её осуществления у Петра не хватило сил, а его преемники, к счастью, ограничились только захватом территорий в Закавказье, контролируемых Персией. Пойди они дальше, это неминуемо привело бы к череде за-

тяжных вооружённых конфликтов, поскольку в этом регионе сошлись интересы нескольких стран: России, Персии, Турции, а позднее Франции и Великобритании.

Далее в «Завещании» речь идёт о том, что необходимо вмешиваться «силою или хитростью в дела Европы и особенно Германии», поддерживать союз с Австрией, «убаюкивая её любимой её мыслью о преобладании», вовлекать её «в разорительные войны с целью постепенного её ослабления», «втайне создавать её врагов в Европе и особенно в Германии». Эти слова не противоречат намерению властвовать над Европой, имея в виду влияние на происходящие в ней события с целью обеспечения стратегических интересов России. Характерно, что здесь речи нет ни о завоевании Европы, ни о том, чтобы диктовать европейцам свою волю. Подтверждением этой мысли является следующий отрывок из завещания:

«11. В супруги русским монархам избирать германских принцесс и путем родственных отношений и выгод умножать союзы для увеличения русского влияния в этой империи».

Этот завет начал воплощаться в жизнь в конце XVIII века, и постепенно у российских монархов появилась родня в Гессен-Дармштадте, Вюртемберге, Ольденбурге и других землях Западной Европы. В заключении династических браков проявилось желание России установить близкие отношения с другими странами, но никак не мечта об экспансии, захвате чужих территорий. Родственные связи создавали возмож-

ность мирными средствами решать спорные проблемы, снижая риск возникновения вооружённого противостояния.

Впрочем, есть обратная сторона столь близких отношений с зарубежной элитой. С приходом к власти Екатерины II, урождённой принцессы Ангальт-Цербской, в Россию хлынул поток немецких переселенцев. Согласно указу императрицы они получили ряд привилегий, которыми не обладало коренное население. Только в начале XX века по настоянию Петра Столыпина был принят закон, который позволил остановить скупку помещичьих земель немецкими колонистами, да и то лишь в западных губерниях. Не без участия супруги Николая II, урождённой герцогини Гессен-Дармштадской, накануне первой мировой войны в окружении императора усилились прогерманские настроения. Однако даже родственные связи не помогли предотвратить войну.

Необходимо признать, что приведённые выше отрывки из первых одиннадцати пунктов «Завещания» вполне соответствуют задачам имперской политики. Наверняка подобные документы можно найти в секретных архивах Великобритании, Франции, Австрии и Германии. Но далее в этом документе появляются признаки явного искажения реальных событий в угоду чьим-то интересам. Так, например, освобождение юго-восточных стран Европы от турецкого владычества преподносится как средство покорения Россией этих стран, а заодно и Турции.

Последние два пункта «Завещания» нет смысла коммен-

тировать – в них речь идёт о подготовке прямой агрессии против Европы, что в корне противоречит стратегическим установкам Петра, которые были рассмотрены выше. Судя по всему, эти приписки сделаны в 1812 году по настоянию Наполеона Бонапарта, который хотел дискредитировать Россию, представив её как потенциального агрессора в глазах союзников в Европе. Дальнейшие события доказывают, что попытки обвинить Россию в агрессивных намерениях оказались несостоятельны. В 1815 году казаки гуляли по Парижу, однако Франция сохранила независимость.

Кто бы ни написал это «Завещание» – кавалер де Еон, Шарль Лезюр, Михаил Сокольниковский (как предполагали некоторые историки) или же сам Наполеон Бонапарт – положения этого документа, за редким исключением, вполне соответствуют внешней политике Петра и его последователей. Сомнительно, чтобы кто-то по собственному разумению решил сформулировать принципы внешней политики Российской империи – тогда автора следовало бы поблагодарить за «подсказку». Нельзя исключать, что в основе этого документа было реальное завещание Петра, которое позже претерпело некоторые изменения. Причём ничего русофобского в этом тексте нет – аналогичное по сути «наставление» можно было бы приписать кому-то из прежних правителей Испании, Британии или Франции в эпоху их могущества. Если же это фальшивка от начала до конца, тогда накануне вторжения в Испанию и Австрию помощники Наполеона просто

обязаны были составить аналогичный документ, обвиняющий Бурбонов и Габсбургов в намерении оккупировать Париж и поголовно вырезать его население. Но почему-то они этого не сделали.

Есть версия, что «Завещание» должно было обосновать необходимость войны с Россией. Однако на самом деле, никого не надо было убеждать. Французы гордились своим императором и мечтали о могуществе своей страны. Польские добровольцы жаждали наказать Россию, другие видели в войне источник обогащения, возможность получения земельных наделов на завоёванных территориях. Идейных борцов с российской угрозой процветанию Европы в армии Наполеона Бонапарта не было. Впрочем, верно и то, что к 1812 году французы устали от войны. Но вряд ли ссылка на агрессивные замыслы Петра I могла добавить им сил и заставить терпеть лишения, неизбежные в условиях затянувшегося вооружённого конфликта.

Воображаемую угрозу со стороны Российской империи, доказательством которой должны были служить последние два пункта фальшивого «Завещания», использовали для обоснования своих политических взглядов не только главы европейских государств. Страх настолько укоренился в умах европейских политиков и политологов, что даже Карл Маркс видел в действиях Петра только желание властвовать над миром:

«Одна характерная черта славянской расы должна бро-

ситься в глаза каждому наблюдателю. Почти повсюду славяне ограничивались территориями, удаленными от моря, оставляя морское побережье неславянским народностям... Петр Великий с самого начала порвал со всеми традициями славянской расы... Завоевание Азовского моря было целью его первой войны с Турцией, завоевание Балтики – целью его войны со Швецией, завоевание Чёрного моря – целью его второй войны против Порты и завоевание Каспийского – целью его вероломного вторжения в Персию [имеется в виду поход Петра I в 1722 – 1723 гг. в прикаспийские владения Ирана]. Для системы местных захватов достаточно было суши, для системы мировой агрессии стала необходима вода».

Увы, автор «Капитала» забыл о том, что основным условием экономического развития крупного государства является возможность установления торговых связей с другими странами. В прежние времена (да и теперь) морской транспорт являлся наиболее рентабельным средством перевозки промышленных товаров и сырья. Поэтому выход к Балтийскому и Чёрному морям был жизненно необходим для России. Маркс с таким аргументом не согласен:

«Говорят, что <...> Пётр <...> захватил лишь то, что было абсолютно необходимо для естественного развития его страны. <...> Но здесь упускают из виду одно важное обстоятельство. <...> Перенести царский трон из Москвы в Петербург значило поставить его в такие условия, в которых он не мог быть в безопасности даже от внезапных нападений, пока не

будет покорено все побережье от Ливавы до Торнио, а это было завершено лишь к 1809 г. с завоеванием Финляндии».

Оригинальный способ достижения мирового господства – передвигать столицу всё дальше и дальше, каждый раз размещая её близ границы, и тем оправдывать завоевание новых территорий. К счастью, такая мысль никому из российских правителей не приходила в голову. На самом деле причина переноса столицы состояла в том, чтобы сделать приоритетом текущей политики ускоренное создание флота и расширение торговых связей с европейскими государствами. Но возникает вопрос: что прикажете делать странам, расположенным в глубине евразийского континента? Неужто борьба за выход к морю – это историческая необходимость?

Надо признать, что в Западной Европе ситуация иная – почти все государства имеют границы и по суше, и по морю. Такая же ситуация и в обеих Америках. В мире нет ни одного крупного государства, которое не имело бы морских границ – Китай, Индия, Иран, Бразилия, Аргентина, Южно-Африканский союз, не говоря уже об Австралии. Могла ли Россия стать исключением из правила? Кто знает, возможно, бог намеренно создал такие условия, чтобы северная часть Евразии стала единым государством, и Русь в силу своего географического положения обречена быть евразийской империей.

Россия продолжала захватывать всё новые территории и во время царствования потомков Петра I. Как ни странно, для государства, претендующего на гегемонию в той или

иной форме, это вполне естественный процесс. Довольно точное определение империи дал американский военный историк Элиот Коэн – его статья была опубликована 18 ноября 2004 года в Global Affairs:

«Империя – это многонациональное или многоэтническое государство, которое распространяет своё влияние путем формального либо неформального контроля над другими государственными образованиями».

Коэн указал на важные особенности существования империи:

«Логика империи сводится к логике расширения, а сложнейшая стратегическая проблема империи – это принятие непомерных обязательств и перенапряжение ресурсов».

Если проанализировать известные всем исторические факты, то рассуждения американского историка можно продолжить: крах империи наступает, когда нарушается основной принцип её существования – установление контроля над новыми территориями. Причина может состоять и в перенапряжении ресурсов, и в соперничестве наследников престола в борьбе за власть. Россия вплоть до начала первой мировой войны счастливо избегала ситуаций, которые могли бы привести к краху. Однако с началом войны почти одновременно сошлись все названные причины – и недостаточно развитая промышленность, и бездарные министры, и царь, который не обладал достаточным интеллектом, чтобы управлять такой большой страной. Государство не готово было к

длительной войне, а внутри страны укрепились силы, целью которых стало свержение самодержавия. Причём в борьбе за власть хотели участвовать и правые партии, представляющие интересы крупных землевладельцев, и эсеры, и социал-демократы, в том числе большевики и меньшевики. Чтобы противостоять им, требовался сильный государь, однако вряд ли к февралю 1917 года в России нашёлся хотя бы один политик, который верил в то, что Николай II сможет удержать империю от краха.

Личность Николая II характеризует запись в монаршем дневнике, где упомянут барон Мейндорф, генерал-адъютант, состоявший при особе императора. Читаем записи за 1895 год:

«4-го января. Среда. Завтракали: Ксения, Сандро, д. Миша и Мейндорф (деж.).

16-го января. Понедельник. Завтракал Мейндорф (деж.).

30-го января. Понедельник. Завтракали Саша Козен и Мейндорф (деж.)».

Как видим, записи потрясают «содержательностью» – ни интересных мыслей, ни описания впечатлений от бесед с придворными или министрами. И всё же хотелось бы понять, что было сделано не так, существовали или нет объективные причины для падения монархии и последовавших затем событий. Этот вопрос волновал и одного из основателей «Союза 17 октября» камергера Дмитрия Николаевича Шипова. Монархист и, как считается, умеренный либерал, он так оце-

нивал ситуацию накануне февральского переворота:

«Что такое знаменитая русская застенчивость? Это и есть отсутствие воли... Государь наш был болен тем же».

Вот и его соратник Михаил Стахович в своих воспоминаниях 1921-1923 годов писал примерно то же о другом царе, предшественнике последнего самодержца на Руси:

«Больше 40 лет я очень близко стоял к русской общественной жизни, следил за ней и участвовал в ней. Теперь стариком и удалившись от деятельности, но обдумывая всё то, что я так близко знал, я прихожу к заключению, что фактическим виновником теперешнего ужаса, исходной его причиной является – честнейший, чистейший и до самозабвения любивший Россию, может быть, самый русский из царей после Петра Великого, – Александр III. Он невольный виновник наших несчастий. Это был добрый и чистый человек (он женился девственником и никогда в жизни не имел любовниц(ы)); правдивый, он никогда не сказал неправды даже в области дипломатии; на службе и в обиходе всегда прямой, он, словом, мог бы громко и всенародно исповедоваться на Красной площади. Но, будучи неограниченным самодержцем, он был очень ограниченный человек, не хотел царствовать и совсем не понимал назначения Верховной власти».

Один не хотел царствовать, другой вроде бы хотел, однако для царствования ему, к несчастью, не хватало воли. Ах, если бы дело было только в этом! Воля нужна для претворе-

ния в жизнь единственно нужного решения. Но если среди государственной элиты нет единства, что может сделать даже наделённый волей царь? Умеренные либералы настаивали на выкупе помещичьих земель и передаче их крестьянам, а консерваторы отчаянно сражались за сохранение помещичьей собственности на землю, за свой типично шкурный интерес. Это противостояние продолжилось и во Временном правительстве. Нужное решение так и не было принято, результатом чего стал Октябрь.

Казалось бы, случись так, что верх взяли сторонники умеренного «либерала» Шипова, тогда события начала прошлого века смогли бы развиваться совсем иным путём. Но вот как представлял себе это развитие Дмитрий Шипов, само собой, надеясь, что у нового монарха найдётся соответствующая воля:

«В сохранении в государственном строе монархического начала <...> я вижу условие, предупреждающее борьбу общественных классов за власть».

Позиция довольно странная. Борьба общественных классов неизбежна, пока есть неравенство в правах и в уровне доходов. Однако за что бороться, если не за власть? Бороться за влияние на монарха? Но узкопартийные интересы противоборствующих элит могут стать препятствием для прогрессивных реформ. И августейшему монарху придётся железной рукой некоего аналога ВЧК приводить мнения оппонентов к приемлемому знаменателю. Именно так поступал и

Сталин.

В тогдашней Госдуме партий числилось более, чем достаточно. А при таком разбросе мнений в обществе, от ультра-монархических взглядов до призывов к экспроприации экспроприаторов, трудно было ожидать от власти осмысленных и решительных действий, которые могли бы исключить октябрьский переворот и наступившую вслед за ним кровавую, братоубийственную смуту.

Одно из положений, на которых базировалось мировоззрение Дмитрия Шипова в последние годы жизни, состояло в том, что значительный прогресс в судьбе человечества немыслим, «пока не произойдёт необходимой перемены в основном строе образа мыслей большинства людей». Более жёстко эту мысль выразил в одном из своих писем Владимир Бурцев, известный своим участием в разоблачении агента царской охранки Азефа:

«Объясните мне, как в России могли быть такими идиотами, чтобы дать возможность Ленину развить его большевизм. Объясните мне, как можно быть такими идиотами, чтобы дать возможность Керенскому быть и президентом-министром и главнокомандующим».

Часть 2. «Мы наш, мы новый мир построим»

Глава 15. Деньги на революцию

Прежде чем что-нибудь строить, надо бы оценить свои возможности. Мотивы организаторов строительства бывают весьма разнообразны – от сугубо личного, корыстного интереса до желания осчастливить какую-либо часть человечества, будь то горожане, желающие получить квартиру в новом доме, или население страны. Однако благие намерения остаются только в мыслях, если нет необходимых средств для реализации поставленной цели. Вот и российские социал-демократы после поражения революции 1905-1907 годов были озабочены поисками ответа на вопрос: где взять денег для подготовки нового восстания? Лидеры меньшевистской фракции РСДРП считали основной задачей партии в этот период ведение агитации среди населения, воспитание партийных кадров, оборудование подпольных типографий для печатания листовок и газет. Большевистские лидеры мыслили гораздо шире – их целью было подчинение партии своему влиянию, после чего можно переходить к ускоренной подготовке вооружённого восстания.

Понятно, что для захвата власти требуются куда более значительные средства, чем для ведения агитации среди населения. Поэтому внутри руководства РСДРП большевики создали некое подобие нелегального ЦК, получившее название «Большевистский центр». Его лидеры – Владимир Ленин (Ульянов), Александр Богданов (Малиновский) и Леонид Красин – сосредоточили в своих руках распоряжение финансовыми средствами, поступавшими из различных источников. При выборе методов пополнения партийной казны большевики не ограничивали себя соображениями морали – цель оправдывала средства.

Одним из спонсоров большевиков накануне первой русской революции был миллионер Савва Тимофеевич Морозов. Всё началось с его знакомства с талантливой актрисой Марией Фёдоровной Андреевой. Богатый фабрикант не устоял перед чарами красивой женщины и не жалел денег, чтобы завоевать её сердце, поэтому и стал одним из учредителей-пайщиков Художественного театра, в труппу которого вошла его любимица. Но этим дело не ограничилось – Андреева, которая к тому времени увлеклась идеями социал-демократов, познакомила Савву Тимофеевича с лидерами большевистской организации Николаем Бауманом и Леонидом Красиным. Опытные агитаторы сумели убедить фабриканта в том, что борьба с самодержавием в его же интересах, поскольку царская бюрократия мешает развитию промышленности России, движению к справедливому обще-

ственному устройству. Морозов стал финансировать большевистские газеты, нелегально провозил на свою фабрику запрещённую литературу и типографские шрифты. Даже после того, как Андреева ушла от него к Максиму Горькому, он продолжал помогать большевикам.

Под влиянием событий 1905 года Морозов попытался провести либеральные реформы на своей фабрике, но встретил сопротивление со стороны матери и в результате утратил возможность участвовать в управлении производством. Сначала разрыв с Андреевой, затем фактическое отстранение от дел – всё это привело к длительной депрессии. По настоянию врачей Савва Тимофеевич выехал для лечения в Берлин, откуда перебрался в Канны, где вскоре был найден в гостиничном номере мёртвым, с простреленной грудью. Сразу после этой трагедии возникло предположение, что Морозову помогли расстаться с жизнью. По словам Максима Горького, фабриканта грозились убить черносотенцы за финансовую поддержку большевиков. Гораздо позже появилась версия, что убил Красин – убил за то, что Морозов отказался продолжать финансировать РСДРП. Однако нет никакого смысла убивать «дойную корову» – можно было попытаться воздействовать на Морозова с помощью Андреевой, которая просто обязана была поступиться личными интересами ради дела партии! Скорее всего, было так: Красин приехал к Морозову просить денег, но убедившись, что тот непреклонен в своём решении свести счёты с жизнью, уговорил несчастно-

го оформить страховой полис на крупную сумму, которую должна была получить Андреева после его смерти. Так оно и случилось – деньги были получены, и большая их часть пошла на нужды большевиков.

Другим источником поступления денег стало наследство Николая Шмидта, причём здесь также не обошлось без участия семьи текстильных фабрикантов. Павел Александрович Шмидт, небогатый мебельщик, значительно поправил свои дела, женившись на дочери Викулы Елисеевича Морозова. К тому времени в семье появился первенец – сын Николай, которому была уготована судьба наследника мебельного предприятия. Но в 1902 году, после кончины отца и отъезда матери за границу для лечения, Николай попал под влияние функционеров социал-демократического движения, которые были заинтересованы в том, чтобы использовать на нужды революции деньги его семьи, включая пай в Товариществе мануфактур «Викула Морозов с сыновьями». По завещанию Павла Шмидта всё его имущество следовало поделить между детьми, но Савва Морозов выделил деньги на выкуп паёв остальных детей, и в 1904 году Николай вступил в права наследства. Не без участия своего благодетеля Николай Шмидт сблизился с революционерами – это были всё те же опытные агитаторы, Николай Бауман и Леонид Красин. Нет ничего удивительно, что Шмидт давал немалые средства на покупку оружия для боевых дружин, а мебельная фабрика стала очагом восстания в 1905 году. Это послужило ос-

нованием для ареста Шмидта после подавления восстания. Через год он скончался в тюрьме, а большая часть его капитала, согласно завещанию, перешла через подставных лиц в руки большевиков.

Трагическая судьба Саввы Морозова и Николая Шмидта не способствовала появлению новых богатых спонсоров в России, поэтому большевики обратили свои взоры на заграничные источники. К этому их подвигли успехи социалистов-революционеров в решении проблемы финансирования.

Ещё в середине XIX века в Москве стараниями Вульфа Высоцкого была создана фирма «Высоцкий В. и К^о», которая занялась поставкой чая в Россию из Китая. К началу прошлого века компания контролировала треть российского рынка чая. Богатый купец за свои заслуги удостоился звания поставщика императорского двора, при этом жертвовал немало средств на нужды еврейской общины в Москве и даже в Палестине. После его смерти дело унаследовал Давид Вульфович Высоцкий, который учредил торговый дом «Высоцкий Д. и Гоц Р.», занимавшийся поставками чая в Европу и за океан – там были созданы филиалы фирмы. Помимо Рафаила Гоца, в состав правления вошли и другие родственники Высоцких – Бер Ошерович (Борис Осипович) Гавронский и Есель Шмеркович Цетлин. Богатые купцы зарабатывали деньги и не вмешивались в политику. Однако их наследники мыслили иначе – они не могли смириться с порядками,

существовавшими в царской России. Тут и ограничения для евреев при поступлении в университет, и презрительное отношение к ним со стороны дворянской знати и части русского купечества. «Семейной традицией» для некоторых из них стало членство в партии эсеров, на нужды которой они пожертвовали часть состояния, нажитого предками. Михаил Цетлин, Абрам и Михаил Гоц, Меер (Дмитрий) и Яков Гавронские были внуками Вульфа Высоцкого, а Илья Фондаминский женился на его внучке. Все они принимали активное участие в деятельности партии эсеров. Но если Фондаминский занимался вопросами пропаганды, то Абрам Гоц принадлежал к непримиримой части эсеров, считавшей террор «высшей формой революционной борьбы». Вполне логично, что их деятельность находила поддержку и за рубежом – тут помогли связи через филиалы фирмы с еврейской диаспорой в Америке. Благодаря этому эсеры смогли развернуть активную борьбу с самодержавием, которая свелась к индивидуальному террору – за 1905-1907 годы были убиты десятки крупных государственных чиновников и генералов, не считая менее значимых защитников самодержавия.

Среди большевиков не было наследников богатых состояний, однако финансовые успехи эсеров побудили к поиску спонсоров за рубежом, в том числе среди евреев. Леонид Красин, финансовый гений «Большевистского центра», предложил организовать поездку Максима Горького в Америку. Летом 1906 года «буревестник революции» отправил-

ся за океан, имея на руках письма к лидерам Нью-Йоркской группы содействия РСДРП, Американской социалистической партии и еврейских рабочих организаций. Конечно, доступа к капиталам зажиточных американцев он не получил, однако поездка была признана успешной.

Ещё одним источником пополнения кассы «Большевистского центра» стали доходы от экспроприаций – этим делом занимались специально созданные «боевые дружины» и другие вооружённые группы, которые своими «эксами» старались приблизить время, когда начнётся новое восстание. Самыми успешными акциями стали ограбление почтового поезда в Уфе и филиала Государственного банка в Тифлисе в 1907 году. Добыча составила около полумиллиона рублей. Впрочем, тифлисский «экс» нельзя признать вполне успешным. Дело в том, что основную часть денег составляли крупные купюры по пятьсот рублей, номера которых были известны царскому правительству. Большевики решили обменять эти деньги за границей, и кое-что им удалось, однако успеху помешал осведомитель царской охраны среди эмигрантов-большевиков. Обстоятельства этой неудачи выяснились позже, но действия охраны привели к тому, что зарубежные банки были готовы к появлению краденых денег. Тогда был найден новый способ – изменение номеров ассигнаций. Работа это тонкая, филигранная, требующая времени и весьма рискованная – у служащих банков был намётан глаз на подобные «подделки». Однако для покупки оборудования

и оплаты услуг эти деньгигодились. Позднее у Леонида Красина возникла идея печатать фальшивые трёхрублёвки – никто не станет интересоваться происхождением мелких купюр. Но эта авантюра сорвалась ещё на начальной стадии.

Всё сказанное о способах добывания большевиками финансовых средств говорит о том, насколько острой была эта проблема. Не имея денег, бессмысленно строить планы вооружённого восстания и захвата власти.

После 1907 года, когда меньшевики добились запрета на экспроприации, доходы «Большевистского центра» значительно уменьшились, и под влиянием внутренних разногласий относительно методов добывания финансовых средств он прекратил своё существование. К тому же возросла активность царской охранки, в результате чего многие видные социал-демократы вынуждены были эмигрировать, а деятельность РСДРП внутри России свелась к распространению листовок и другим методам пропаганды революционных идей.

Новые перспективы появились после начала первой мировой войны. В 1915 году царская армия потерпела ряд чувствительных неудач на фронте, а солдатам стала надоедать бессмысленная бойня, в то время как их семьи голодали без кормильцев. Ленин посчитал необходимым воспользоваться сложившейся ситуацией – вот что он написал летом 1915 года в работе «Социализм и война»:

«Война, несомненно, породила самый резкий кризис и

обострила бедствия масс невероятно. Реакционный характер этой войны, бесстыдная ложь буржуазии всех стран, прикрывающей свои грабительские цели «национальной» идеологией, – всё это на почве объективно-революционной ситуации неминуемо создаёт революционные настроения в массах. Наш долг – помочь осознать эти настроения, углубить и оформить их».

Однако в условиях острого денежного дефицита желаемое «углубление» было невозможно. Поэтому Ленин готов был согласиться на любую финансовую помощь, не забывая себе голову мыслями об источнике происхождения денег. Понятно, что из числа спонсоров следовало исключить людей, связанных с правительствами воюющих держав, но верно и то, что не каждому дарителю заглянешь в душу. Долгие годы тема финансовых поступлений на нужды большевиков была тайной за семью печатями, и только в 1958 году завеса тайны приоткрылась – были опубликованы документы из архива германского министерства иностранных дел ('Germany and the Revolution in Russia 1915-1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry '. Edited by Z. A. V. Zeman. London, Oxford University Press, 1958; перевод приведён в книге Б.И. Николаевского «Тайные страницы истории»). И вот какие сведения стали достоянием общественности.

В январе 1915 года заместитель статс-секретаря (министра) иностранных дел Германии направил своему начальни-

ку, Готлибу фон Ягову, сообщение, в котором привёл текст телеграммы германского посла в Турции:

«Известный русский социалист и публицист д-р Гельфанд, один из лидеров последней русской революции, который эмигрировал из России, <...> в разговоре со мной <...> сказал, что русские демократы могут достичь своих целей только путем полного уничтожения царизма и разделения России на более мелкие государства. С другой стороны, Германия тоже не добьётся полного успеха, если не разжечь в России настоящую революцию. <...> Парвус видит свою задачу в объединении сил и организации широкого революционного подъёма <...> но ему понадобятся немалые деньги».

Поскольку речь опять идёт о деньгах для «организации революционного подъёма» в России, следует подробнее рассказать о личности Гельфанда-Парвуса.

Принято считать, что Александр Львович Гельфанд (Израиль Лазаревич Гельфонд) родился в местечке Березино Минской губернии в семье еврейского ремесленника – отец был то ли плотником, то ли кузнецом. Столь же «достоверными» являются сведения о том, что после пожара семья потеряла почти всё своё имущество и переехала в Одессу, где Лазарь Гельфанд устроился грузчиком в порту, а по другим сведениям стал ломовым извозчиком. Надо заметить, что эта почти пролетарская биография отца как-то не вяжется с тем, что Александр в 1886 году отправился в Швейцарию, где поступил в Базельский университет – для такой поездки и

учёбы за границей требовались деньги. В попытке оправдать это несоответствие некоторые биографы делают вывод, что Александру помогли богатые родственники. Возможно, это предположение недалеко от истины, как и возникающее подозрение, что Гельфанд имел причины, чтобы придумать себе биографию.

Среди служащих государственных учреждений Минской губернии было несколько Гельфандов. Особенно примечательна личность Самуила Моисеевича Гельфанда, накануне первой мировой войны занимавшего ответственный пост в Минском отделении Русско-Азиатского банка. Не исключено, что именно он был тем богатым родственником, который оплатил поездку Александра в Базель. Ещё больший интерес вызывает Ромуальд Владимирович Гельфонд (это лишь один из вариантов написания фамилии Гельфанд), служивший помощником пристава в Минском городском полицейском управлении – родственная связь Александра со служащим полиции могла стать препятствием на его пути в организацию социал-демократов. Такое намерение появилось у Гельфанда после знакомства с Плехановым и Аксельродом. Как бы то ни было, следует признать, что навыки коммерсанта и финансового воротилы, проявившиеся позже, Александр вряд ли мог приобрести, помогая плотничать отцу.

После окончания учёбы в Базеле Гельфанд получил звание доктора философии, затем переехал в Германию, где вступил в немецкую социал-демократическую партию. Тогда

же он взял себе псевдоним Парвус, что в переводе с латыни означает «маленький».

Статус профессионального философа и социал-демократа не помешал другим увлечениям Парвуса – он любил красивую жизнь и поэтому не брезговал любой возможностью пополнения собственного кошелька. Вот что написано в очерке Максима Горького «В.И. Ленин»:

«К немецкой партии у меня было «щекотливое» дело: видный её член, впоследствии весьма известный Парвус, имел <...> доверенность на сбор гонорара с театров за пьесу «На дне». <...> Собранные им деньги распределялись так: 20% со всей суммы получал он, остальное делилось так: четверть – мне, три четверти в кассу с.-д. партии. <...> За четыре года пьеса обошла все театры Германии, в одном только Берлине была поставлена свыше 500 раз, у Парвуса собралось, кажется, 100 тысяч марок. Но вместо денег он прислал <...> письмо, в котором добродушно сообщил, что все эти деньги он потратил на путешествие с одной барышней по Италии».

За эту аферу, случившуюся в 1902 году, ЦК РСДРП всего лишь пожурил Парвуса, отстранив его от редактирования партийной газеты. Денег Парвус так и не вернул.

В 1910 году Парвус отправился в Турцию, где вроде бы стал советником при правительстве, занялся коммерцией и разбогател. Но самый интересный этап его закулисной деятельности начался в 1915 году, когда он обратился с упо-

мянутым выше предложением к германскому послу в Константинополе. Инициатива Парвуса вызвала интерес в МИД Германии, и ему пришлось срочно разработать текст с описанием конкретных действий для подготовки революции в России. Это был своеобразный бизнес-план, который должен побудить немцев начать финансирование грандиозного проекта. Судя по всему, Парвус был слабо знаком с опытом революционной борьбы в России, поэтому наполнил текст словоблудием по поводу ситуации в Сибири и на Кавказе, а при описании деталей плана продемонстрировал полное невежество. Вот характерный отрывок из текста, который в марте 1915 года он представил в МИД Германии:

«11. Технические приготовления к восстанию в России:

а) составление точных карт русских железных дорог с указанием наиболее важных мостов, подлежащих уничтожению в целях нарушения сообщения, с обозначением главных административных зданий, депо и мастерских, которым нужно уделить особое внимание;

б) точные цифры о количестве необходимой взрывчатки. Следует помнить о нехватке материалов и трудных условиях, в которых будут осуществляться эти акции;

в) чёткие и простые инструкции к пользованию взрывчаткой при взрыве мостов, больших зданий и т. п.;

г) простые формулы для изготовления взрывчатки».

Понятно, что Парвус мог не знать, что эсеры и большевики имели большой опыт в изготовлении взрывчатки, а пла-

ны по уничтожению мостов вряд ли уместны в таком серьёзном документе. Тут Парвус явно переборщил, однако чего не сделаешь, когда на кону огромный куш. И в самом деле, вот что сообщил посредник в передаче денег некто Фрелих советнику политического отдела МИД Диего фон Бергену:

«Немецкий банк выслал мне перевод ещё на 500 тыс. марок, который я прилагаю. Мне хотелось бы обратить Ваше внимание на моё письмо от 20 марта, в котором говорится, что д-р Гельфанд требует сумму в один миллион марок. <... > Поэтому я бы попросил Вас произвести необходимое перечисление в Немецкий банк, чтобы я имел возможность выплатить д-ру Гельфанду и эту разницу».

За миллион марок стоит побороться, а ещё лучше, если удастся выбить сумму более солидную. Три месяца размышлений привели к тому, что в июне Парвус-Гельфанд запросил уже гораздо больше, о чём статс-секретарь иностранных дел фон Ягов поспешил сообщить статс-секретарю финансов:

«На революционную пропаганду в России требуется 5 млн. марок. Так как мы не можем покрыть эту сумму из фондов, находящихся в нашем распоряжении, я просил бы Ваше превосходительство предоставить её мне по статье VI раздела II бюджета на непредвиденные расходы».

К этому времени Александр Гельфанд обосновался в Копенгагене, где попытался создать видимость активной деятельности, направленной на подготовку революционной си-

туации в России. Он учредил Институт по изучению причин и последствий мировой войны, для работы в котором удалось привлечь кое-кого из российских социал-демократов, находившихся в эмиграции. Подобные заведения и в наше время обеспечивают безбедное существование большому числу политологов, агитаторов и пропагандистов. Но если кто-то решит, что Гельфанду для роскошной жизни пяти миллионов марок оказалось бы вполне достаточно, то он будет категорически не прав, поскольку к декабрю того же 1915 года потребности международного авантюриста возросли ещё в несколько раз. Эту весьма многообещающую новость граф Брокдорф-Ранцау, посланник Германии в Копенгагене, сообщил рейхканцлеру Теобальду фон Бетман Гольвегу:

«Д-р Гельфанд сказал также, что для полной организации русской революции нужно около 20 миллионов рублей [40 миллионов марок по тогдашнему курсу]. Эта сумма, конечно, не может быть распределена сразу, так как это могло бы привести к обнаружению источника этих денег. <...> Он предложил в министерстве иностранных дел, чтобы сумма в один миллион рублей была немедленно выдана его тайному агенту. Этот тайный агент полностью согласен с ним в том, что революция начнется примерно 9-22 января».

Итак, до «дня X» оставалось всего ничего, поэтому недопустимо в этих условиях проявлять скупость, ставя под удар весь грандиозный план. Так рассуждали чиновники в гер-

манском МИД, опьянённые возможностью скорой победы революции в России и заключения сепаратного мира на выгодных условиях. Однако в правительстве нашлась трезвая голова. Видимо, статс-секретарь финансов Карл Гельферих носом почувствовал, что дело тут нечисто, но не решился возражать политикам, а предложил всего лишь урезать аппетиты Гельфанда. Об этом он сообщил заместителю статс-секретаря иностранных дел:

«По-моему, он слишком нафантазировал в своих планах, особенно в так называемом финансовом плане, в котором мы вряд ли сможем участвовать. С другой стороны, стоит обсудить вопрос о предоставлении в его распоряжение 1 млн. рублей, который он просит для пропаганды».

Гельферих был безусловно прав – как бы ни складывалась ситуация в России, пропаганда революционных идей и распространение пацифистских настроений выгодна Германии. Даже если Николай II останется у власти, российское правительство вынуждено будет прислушаться к мнению сограждан, а у солдат явно не прибавится желания проливать кровь за своего царя.

Однако германским политикам этого было явно недостаточно – нужна была революция, и как можно скорее. Но вот беда – возникли непредвиденные обстоятельства. Об этом германский посланник в Копенгагене сообщил рейхсканцлеру 16 января 1916 года:

«Д-р Гельфанд <...> конфиденциально сообщил мне сле-

дующее: сумма в 1 млн. рублей, предоставленная в его распоряжение, была немедленно выслана, уже доставлена в Петроград и используется по назначению. Гельфанд настаивал приступить к действиям 22 января. Однако его агенты решительно отсоветовали, говоря, что немедленные действия были бы преждевременны. <...> За последние два месяца политическая ситуация изменилась так, что выступать немедленно было бы неразумно».

В качестве оправдания возникшей заминки были приведены пространные соображения, автором которых, несомненно, был Гельфанд. Одно из них заслуживает особого внимания:

«Наибольшим препятствием является позиция правого крыла [правых партий в Государственной Думе], которое хотело бы использовать восстание в своих целях. В революционном лагере опасаются, что если бы восстание произошло в данный момент, реакционеры смешались бы с революционерами, чтобы внести в движение анархию. Революционеры не настолько уверены в своём контроле над массами, чтобы утверждать, что они останутся хозяевами положения, если эти массы выйдут на улицу».

Надо отдать должное Гельфанду – фактически он выступил в качестве провидца, поскольку через год, в феврале 1917 года, в России сложилась именно такая ситуация. Как известно, приход к власти Временного правительства, в состав которого вошли эсеры, не смог остановить войну, а по-

тому ни в коей мере не отвечал интересам кайзеровской Германии.

Итак, Парвус предвидел неудачу своего проекта, но продолжал получать деньги из Берлина. Можно только посочувствовать германским политикам, которые, увы, не удосужились прочесть статью Ленина «У последней черты» в газете «Социал-демократ» (№ 48, 20 ноября 1915 г.), где личность Парвуса предстала во всём своём великолепии:

«Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, опустился теперь в издаваемом им журнальчике Die Glocke ("Колокол") до <...> последней черты. <...> Он лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что "немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России". <...> В шести номерах его журнальчика нет ни единой честной мысли, ни одного серьёзного довода, ни одной искренней статьи».

Эти разоблачения могли поставить крест на деятельности авантюриста «в интересах германского правительства». Действительно, если лидер большевиков не поддерживает Парвуса, тогда вся его затея заранее обречена, и нет никакого смысла тратить дойчмарки. Но то ли авантюрист обладал талантом гипнотизёра, то ли германским политикам не оставалось ничего другого, как выдавать желаемое за действительное. Эта афера могла продолжаться вплоть до февраля 1917 года, если бы не досадная оплошность Парвуса – напрасно Александр Львович пообещал, что революция нач-

нётся на год раньше! Видимо, интуиция на этот раз подвела или жадность одолела.

Имя Парвуса некоторые историки пытались связать с обстоятельствами возвращения российских социал-демократов из Швейцарии в Россию через территорию Германии – будто бы Ленин согласился работать на Германию, поэтому его и переправили в Россию. Эту мысль внушали своим читателям ярые антикоммунисты Сергей Мельгунов и Эдуард Бернштейн.

Основанием для таких обвинений послужил документ из архива МИД Германии. И вот какой перевод предлагали сторонники версии о германо-большевистском заговоре (здесь полный текст документа):

«21 апреля 1917. В Министерство иностранных дел.

Штаб Главнокомандования передает следующее сообщение из отдела политики генерального штаба Берлина: "Штайнвахс телеграфирует из Стокгольма 17 апреля 1917: Въезд Ленина в Россию удался. Он работает полностью по нашему желанию"».

Ключевая фраза в оригинале: «Lenin Eintritt in Russland geglückt. Er arbeitet völlig nach Wunsch». Поскольку автор в немецком языке не силён, пришлось обратиться за консультацией к американцам. «Google-переводчик» предложил следующие варианты: «он работает полностью по своему усмотрению» или «он работает полностью по своему желанию». Пожалуй, с заокеанскими экспертами нет смысла

спорить.

Мельгунов и Бернштейн настаивали на том, что идею проезда Ленина через территорию Германии подсказал Парвус – понятно, что больше некому, поскольку сотрудники германского МИД не отличались сообразительностью. Однако большевики ссылались на соглашение с МИД, которое 22 марта 1917 года подписал швейцарский социалист Фридрих Платтен:

«1. Я, Фриц Платтен, сопровождаю за полной своей ответственностью и на свой риск вагон с политическими эмигрантами и беженцами, возвращающимися через Германию в Россию.

2. Сношения с германскими властями и чиновниками ведутся исключительно и только Платтеном. Без его разрешения никто не вправе входить в вагон.

3. За вагоном признается право экстерриториальности. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из неё никакого контроля паспортов или пассажиров не должно производиться.

4. Пассажиры будут приняты в вагон независимо от их взглядов и отношений к вопросу о войне или мире».

Всего в этом документе девять пунктов. Впрочем, Платтен – это лицо заинтересованное, поэтому веры ему нет. В конце концов, большевики могли сострять текст соглашения, чтобы оправдаться. Точно также можно усомниться и в достоверности телеграммы, которую Ленин 1 апреля 1917

года направил Якову Ганецкому, большевику, который по заданию партии занялся коммерцией в Стокгольме (В.И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 49):

«Выделите две тысячи, лучше три тысячи, крон для нашей поездки. Намереваемся выехать в среду минимум 10 человек. Телеграфируйте».

Однако, если текст телеграммы подлинный, то возникает вопрос: почему германское правительство выделило Парвусу один миллион марок на пропаганду, а на поездку Ленина в Россию отказалось дать три тысячи?

Допустим, Платтен, Ганецкий и Ленин договорились между собой, чтобы ввести в заблуждение общественность. Но вот кого никто и никогда не осмелился обвинить в сговоре с германским правительством – это лидеры меньшевиков Лев Мартов (Юлий Цедербаум) и Павел Аксельрод. Их объяснения причин возвращения в Россию через территорию Германии приведены в телеграмме, отправленной из Копенгагена в «Рабочую газету» (4 мая 1917 г., № 47):

<...> Все надежды на проезд через Англию – бессмысленны, потому что это невозможно для массы эмигрантов, а мы отклоняем привилегии для нескольких, не говоря о том, что до сих пор вы не были в состоянии гарантировать нас против произвола Англии. <...> Наша же обязанность при таких обстоятельствах – попробовать через посредство социалистов нейтральной Швейцарии получить разрешение проезда через Германию. Все здешние политические партии русских

интернационалистов разделяют наши взгляды. Соображения дипломатического характера, опасения ложного истолкования отступают для нас на задний план перед могучим долгом участвовать в великой революции. Ваша политическая обязанность защищать это решение, вынужденное положением, не позволяя смущать себя заинтересованной демагогией шовинистов».

На этом тема проезда социал-демократов через Германию в 1917 году закрыта. Однако сторонники версии о сговоре Ленина с германским МИД или даже с самим рейхсканцлером имеют в своём репертуаре ещё несколько «убойных» эпизодов.

5 июля 1917 года газета «Живое слово» опубликовала заметку под звучным названием «Ленин, Ганецкий и К^о – шпионы!». В ней приводились данные, которые произвели эффект разорвавшейся бомбы, внеся смятение в ряды большевиков, особенно представителей провинциальных организаций:

«При письме от 16 мая 1917 года за № 3719 начальник штаба Верховного Главнокомандующего препроводил Военному Министру протокол допроса от 28 апреля сего года прапорщика 16 Сибирского стр. полка Ермоленко. Из показаний, данных им <...> устанавливается следующее. Он переброшен 25 апреля сего года к нам в тыл на фронт 6 армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Поручение это Ермоленко принял по

настоящему товарищей. Офицеры Германского Генерального штаба Шидицкий и Люберс ему сообщили, что такого же рода агитацию ведут в России агент Германского Генерального штаба и председатель Украинской секции "Союза освобождения Украины" А. Скоропись-Иолтуховский и Ленин. <...> Деньги и инструкции пересылаются через доверенных лиц. Согласно только что поступившим сведениям, такими доверенными лицами являются в Стокгольме: большевик Яков Фюрстенберг, известный более под фамилией Ганецкий, и Парвус (доктор Гельфант). В Петрограде: большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский, родственница Ганецкого – Суменсон, занимающаяся совместно с Ганецким спекуляциями, и другие. Козловский является главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через "Дисконто-Гезельшафт" на Стокгольм "Ниа-Банк", а оттуда на Сибирский банк в Петрограде».

Понятно, что эта публикация связана с событиями 3-5 июля, которые Временное правительство квалифицировало как попытку захвата власти большевиками. Показания прапорщика Ермоленко могли стать основанием для обвинений против их лидеров. Одним из авторов заметки был Григорий Алексинский, который какое-то время примыкал к большевикам, а затем занял непримиримую позицию по отношению к соратникам Ульянова-Ленина.

После этой публикации были арестованы Лев Троцкий, Лев Каменев, Семен Рошаль и Федор Раскольников, а Ленин

и Григорий Зиновьев скрылись от полиции. Возникшая проблема обсуждалась 27 июля (9 августа) на VI съезде РСДРП (б), проходившем в условиях строжайшей конспирации. Вот отрывок из выступления Николая Бухарина:

«Основной документ – показания Ермоленко. А Ермоленко – шпион немецкого штаба. Затем Алексинский, который как охранник присутствует на допросе товарищей и которого не допускают в совет, называя его грязным. На этом суде будет ряд документов, устанавливающих связь с Ганецким, а Ганецкого с Парвусом, а Парвус писал о Ленине. Докажите, что Парвус – не шпион! Чтобы распутать всё, нужны совершенно иные условия, а их в ближайшем будущем мы не будем иметь».

Николай Иванович ошибался. Доказать, что в основе обвинения фальшивка, совсем не сложно – стоило внимательно прочесть заметку в «Живом слове», как всё становится предельно ясно. Надо было лишь задать себе вопрос: зачем германским властям понадобилось сообщать какому-то Ермоленко информацию о Ленине, ставя его при этом под удар? Это же против всякой логики! Это не в правилах спецслужб – сообщать недавно завербованному, ещё не проверенному в деле агенту секретную информацию без особой на то необходимости. А между тем, германская разведка доказала высокий профессионализм своих сотрудников, успешно действуя в Петрограде накануне первой мировой войны. И вдруг такой ужасный ляп! Можно, подумать, что Шидиц-

кий и Люберс перепились на радостях по случаю удачной вербовки Ермоленко и выложили ему все секреты германского генштаба. Но нет – секреты касались только Ленина и большевиков. Бухарину простительна такая неосведомлённость в особенностях работы спецслужб, но как же его товарищи, опытные конспираторы, не догадались?

Итак, эту фальшивку, судя по всему, состряпали либо в Петрограде, либо в Париже или Лондоне. С другой стороны, непонятно, откуда Временному правительству стали известны каналы передачи денег. Но тут наверняка сработала зарубежная агентура стран Антанты, правительства которых были кровно заинтересовано в том, чтобы Россия продолжила войну, а пацифисты вроде Ленина оказались за решёткой. Судя по всему, сотрудники разведки не хотели выдавать реальный источник информации, и пришлось использовать вариант с Ермоленко. Однако доказательств преступных связей Ленина с германским правительством у разведки не было, поэтому соорудили наспех нечто похожее на правду.

Впрочем, в словах Бухарина, сказанных на съезде, есть некая странность – зачем доказывать, что «Парвус – не шпион»? Если он напрямую не был связан с партией, так пусть сам с этими обвинениями и разбирается. Здесь следует иметь в виду, что возвратившись в 1917 году в Россию, Бухарин редактировал печатное издание «Известия Московского военно-революционного комитета». Логично предположить, что деньги на издание поступали от Парвуса, поэто-

му Бухарин и озаботился его реабилитацией. Однако Николай Иванович не знал, что Парвус получал деньги от германского правительства, иначе бы помалкивал.

Остаётся непонятно, что означают слова Бухарина – «Парвус писал о Ленине»? Вот и Ленин писал о Парвусе, притом весьма нелицеприятно. Видимо, в стенограмме допущена неточность – должно быть «Парвус писал Ленину». Это действительно так, поскольку известно, что Парвус добивался встречи с Лениным в 1915 году.

К настоящему времени «показания прапорщика Ермоленко», обнародованные в июле 1917 года, и «документы Сиссона», опубликованные осенью 1918 года в американской прессе с целью компрометации большевиков, уже никем из историков не принимаются всерьёз. Но есть ещё два документа – сообщения заграничной агентуры Департамента полиции о слежке за Лениным в конце декабря 1916 года. Как написал Юрий Фельштинский в своей работе «Ещё раз о немецких деньгах», рукописная копия этих документов хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета, в коллекции Григория Алексинского. Вот выдержки из копии донесения, написанной рукой Алексинского:

«Я установил наблюдение за домом 27 на Spiegelgasse [адрес Ленина в Цюрихе] с 25 декабря 1916 г. И взял на себя руководство наблюдением 28-го утром. Ульянов с небольшим саквояжем вышел из дому и поехал <...> в Берн. <...> Прибыв в Берн в 10 часов, он направился прямо в Hotel de France

<...> вышел из отеля через полчаса, <...> поехал на другой конец города. <...> Потом <...> вошел в германское посольство. <...> Наблюдение было возобновлено 29-го утром у посольства, и только в 4 часа дня после полудня Ульянов вышел оттуда и поспешно направился в Hotel de France. <...> Затем он сел в поезд, с которым мы и вернулись в Цюрих».

Как выяснили историки, слежку за российскими социал-демократами в Швейцарии осуществляло «Бюро Бинта и Самбена». К счастью, в Государственном архиве Российской Федерации есть личный фонд Генриха Бинта, а в нём, опять же на наше счастье, нашёлся напечатанный на пишущей машинке документ, почти слово в слово повторяющий содержание «копии Алексинского». Но вот беда – между рукописной копией и машинописным текстом, хранящимся в ГАРФ, есть существенное отличие – в последнем документе заключительная фраза гласит:

«Представленные мною сведения доказывают, что Ульянов, он же Ленин, так же как и Бронштейн, он же Троцкий, являются агентами: первый – Германии, а второй – Австрии».

Здесь авторы этого якобы подлинного донесения явно перестарались, поскольку в обязанности филёра не входил анализ добытых им материалов. Конечно, сотрудники службы наружного наблюдения могут высказывать свои предположения, однако сделав на основе косвенных доказательств категоричные выводы, они рискуют остаться без работы.

В качестве доказательств сговора большевиков с правительством Германии пытались использовать и копии телеграмм, которые Ленин отправил Ганецкому в Стокгольм – они были предоставлены французской миссией в России. Вот самые примечательные отрывки из телеграмм, датированных 12 и 21 апреля 1917 года:

«До сих пор ничего, ровно ничего: ни писем, ни пакетов, ни денег от вас не получили».

«Деньги (2 тыс.) от Козловского получены. Пакеты до сих пор не получены».

Следует обратить внимание на то, что деньги (причём довольно скромная сумма) предназначались для отправки в Швейцарию, а вовсе не в Россию. Причина в том, что большевики, находившиеся в эмиграции, отчаянно нуждались в финансовой помощи Ганецкого, который занимался коммерцией. Единственное, что может вызвать подозрение, это загадочные пакеты. Однако нужно иметь очень богатое воображение, чтобы предположить, будто таким образом пересылались крупные суммы денежных средств или в этом тексте зашифровано какое-то секретное послание.

В итоге следственная комиссия Временного правительства так и не нашла доказательств, подтверждающих выдвинутое прокурором обвинение. Есть версия, что эсеры поспешили закрыть это дело, поскольку и у них рыльце было в пушку – якобы они получали деньги от правительств стран Антанты. Но вот какая незадача – в составе Временного пра-

вительства было всего трое членов партии социал-революционеров. Неужто кадеты и меньшевики тоже состояли на содержании у зарубежных доброхотов?

На самом деле намерение финансировать большевиков появилось у германского правительства только после октября 1917 года. Берлинские дипломаты были заинтересовано в том, чтобы в России у власти как можно дольше оставались люди, которые не хотят продолжения войны. Это подтверждается содержанием телеграммы, которую заместитель статс-секретаря иностранных дел 28 ноября 1917 года направил германскому посланнику в Швейцарии:

«По полученным здесь сведениям, правительство в Петрограде терпит огромные финансовые затруднения. Поэтому чрезвычайно желательно, чтобы им выслали деньги».

Здесь не совсем понятно, почему запрос направлен в Швейцарию. Видимо, деньги собирались переводить через тамошние банки. Этой же теме посвящена телеграмма статс-секретаря иностранных дел Кюльмана представителю МИД при Ставке главнокомандующего, отправленная 3 декабря того же года:

«Только когда мы по разным каналам и под разными предложениями обеспечили большевикам постоянный приток фондов, они сумели проводить энергичную пропаганду в своём главном органе "Правде" и значительно расширить прежде весьма слабый базис своей партии. <...> Как только бывшие союзники бросят её, Россия будет вынуждена искать нашей

поддержки. Мы сможем оказать России помощь разными путями: во-первых, восстановив железные дороги <...> затем – выдав ей значительную ссуду, необходимую для сохранения своего государственного механизма. Это может иметь форму аванса под обеспечение зерном, сырьем и т.д. и т.п., которые Россия будет поставлять нам».

Эта телеграмма интересна подтверждением того факта, что германское правительство финансировало пропагандистскую кампанию в Россию – речь может идти только о воздействии на общественное мнение с целью создания условий для прекращения войны с Германией. Ещё интереснее признание Кюльмана в том, что напрямую российские революционеры не получали финансовую помощь. Для этого использовались западные социал-демократы – Александр Гельфанд (Парвус), Карл Моор (Байер), Христиан Раковский, эсеры Цивин (Вайс) и Николай Рубакин, а возможно и другие. Их сотрудничество с правительством Германии до поры до времени оставалось тайной для большевиков – когда же возникли подозрения, Ленин отказался от помощи зарубежных благодетелей. Не исключено, что немцы через Парвуса способствовали процветанию коммерческого предприятия Ганецкого, доходы которого шли на поддержку большевистских эмигрантов и партийной печати. Что же касается намерения выделять советскому правительству деньги в обмен на поставки сырья, то эта идея также вполне укладывалась в русло тогдашней политики Германии.

Однако необходимым условием финансовой помощи со стороны Германии стало заключение сепаратного мира. После вступления США в войну германским войскам становилось всё труднее противостоять противнику на двух фронтах – на востоке и на западе, – поэтому немцы, не рассчитывая более на кажущийся пацифизм большевиков, предъявили советскому правительству ультиматум, угрожая наступлением на Петроград. Только после того, как 3 марта 1918 года был подписан Брестский мир, появилась возможность для выделения денег. Этой теме посвящена телеграмма статсекретаря Кюльмана германскому послу в Москве Вильгельму фон Мирбаху, отправленная 18 мая:

«Используйте, пожалуйста, крупные суммы, так как мы заинтересованы в том, чтобы большевики выжили. . . Не в наших интересах поддерживать монархическую идею, которая воссоединит Россию. Наоборот, мы должны, насколько возможно, помешать консолидации России, и с этой целью надо поддерживать крайне левые партии».

Как видим, здесь речь идёт не только о поддержке большевиков – возможно, немцы делали попытки субсидировать партии меньшевиков, трудовиков и эсеров-максималистов, не говоря уже о националистах, которые выступали за отделение целых регионов от России. В то же время страны Антанты пытались аналогичными методами поддержать правых эсеров, которые настаивали на продолжении войны – об этом Мирбах 3 июня сообщает в МИД Германии:

«В связи с сильной конкуренцией со стороны Антанты необходимо 3 млн. марок в месяц. В случае необходимости перемены нашей политической линии может возникнуть нужда в более крупной сумме».

Действительно, многое в политике решают деньги – вопрос лишь в том, кто больше даст. Видимо, правительства Антанты оказались щедрее – 6 июля в Москве левые эсеры Блюмкин и Андреев убили посла Мирбаха. Расчёт был на то, что Германия нарушит мирное соглашение, и Россия вынуждена будет возобновить участие в войне. Но политики просчитались – для Германии затишье на Восточном фронте было важнее смерти важного чиновника.

Итак, ещё в июне 1918 года германское правительство готово было предоставить большевикам финансовую помощь, хотя до сих нет достоверных сведений о реально перечисленных средствах. Но вот наступает август, и на благих намерениях и щедрых обещаниях поставлен жирный крест: 27 августа Германия вынуждает Россию подписать дополнительное соглашение к мирному договору. Согласно этому документу, в обмен на продление перемирия Россия должна была выплатить Германии огромную контрибуцию – более 245 тонн золота.

На первый взгляд, это не поддаётся объяснению. Противники большевиков лезли вон из кожи, чтобы доказать, что германское правительство давало деньги на революцию и поддерживало советское правительство, а на поверку всё на-

оборот – Россия финансирует Германию, причём никто не ставит под сомнение этот факт. Как же так, господа хорошие?

Причина кардинального изменения отношения германского правительства к России состояла в том, что, несмотря на переброску войск с востока, ситуация на Западном фронте не изменилась к лучшему. Командование, не желая признать своей вины, обвинило в неудачах политиков из МИД – по мнению главнокомандующего Людендорфа, ставка на мирные переговоры себя не оправдала, и 9 июля статс-секретарь Кюльман был отправлен в отставку. Однако вскоре войска Антанты перешли в наступление, и к середине августа стало ясно, что поражение Германии неизбежно. В этой ситуации пора было уже подумать о себе, а не поддерживать Россию – впереди замаячила перспектива выплаты контрибуций державам-победительницам. Судя по всему, германское правительство решило расплатиться с Великобританией и Францией русским золотом – поэтому и был предъявлен ультиматум правительству большевиков. Дальнейшие события известны – свыше 90 тонн золота всё-таки успели переправить в Германию до того, как Вильгельм II отрёкся от престола, а в ноябре было подписано Компьенское соглашение о перемирии, по условиям которого золото оказалось в руках представителей Антанты. О подготовке этого соглашения британский премьер-министр Ллойд-Джордж рассказал в книге «Военные мемуары» (том 6):

«На заседании 8 октября мы уже имели сообщение маршала Фоша [командующий войсками Антанты] о тех условиях, которые он считает необходимым обеспечить при заключении перемирия с Германией. <...>

3. Обеспечение репараций, которые должны быть взысканы в возмещение за разрушения, произведенные неприятелем в союзных странах. Счет на эти репарации будет предъявлен в ходе переговоров о заключении мирного договора».

Итак, версию о германо-большевистском заговоре можно списать в утиль, однако придётся решить ещё одну загадку – верно ли, что решающую роль в подготовке революции в России сыграл еврейский капитал?

Глава 16. Джейкоб Шифф и права человека

24 марта 1917 года газета New York Times опубликовала заметку о торжествах в Карнеги Холл по случаю революции в России. Помимо откликов на это событие, в тексте был приведён следующий рассказ:

«Эксперт в российских делах, Джордж Кеннан, сообщил о том, как общество "Друзья русской свободы", финансируемое Джейкобом Шиффом, распространяло идеи русской революции среди пятидесяти тысяч пленных офицеров и солдат, содержащихся в японских лагерях. "Мы знаем, – сказал Кеннан, – как армия помогла Думе совершить бескровную революцию, в результате которой на прошлой неделе возникла новая Россия". Кеннан рассказал, что во время японо-русской войны он был в Токио, и ему было разрешено встречаться с пленными россиянами в конце первого года войны. Они просили дать им что-то читать [видимо, речь идёт о свежих газетах], и он задумал организовать революционную пропаганду в русской армии. Японские власти поддержали эту идею. Позже он отправил письмо в Америку с просьбой прислать любую русскую революционную литературу, которую можно достать. <...> "Эта работа финансировалось нью-йоркским банкиром, которого вы все знаете и любите, – сказал он, имея в виду мистера Шиффа, – и в

скором времени мы получили полторы тонны русской революционной пропаганды [так в оригинале]. В конце войны пятьдесят тысяч российских солдат и офицеров вернулись на родину пламенными революционерами. "Друзьями русской свободы" было посеяно пятьдесят тысяч семян свободы в сотне русских полков"».

Конечно, нелепость этого утверждения потрясает. Странно, что Кеннана не покалечили, когда он предлагал русским офицерам агитационные материалы социал-демократов и социалистов-революционеров. Многие из офицеров были возмущены бездарностью генералов, но, чтобы заставить дворян поднять руку на священные устои, требовалось нечто большее, чем пропагандистские статьи. Ну а малограмотные солдаты и вовсе не были готовы к тому, чтобы воспринимать революционные идеи. Тут нужны были опытные агитаторы, которые простыми словами могли бы всё разъяснить, ответить на недоумённые вопросы. Так что Кеннан явно преувеличил влияние «полутонн пропаганды» на судьбу России.

Однако чего не сделаешь, чтобы угодить банкиру, который, оплатив все расходы Кеннана в 1905 году, пожелал через двенадцать лет предстать перед публикой в качестве спасителя России. Сам Шифф не смог явиться на торжество, но прислал приветственную телеграмму:

«Не могли бы вы от моего имени сказать присутствующим на сегодняшнем заседании, насколько глубоко я сожа-

лею о своей неспособности отпраздновать с "Друзьями русской свободы" победу [в оригинале – reward, что переводится как "награда"), то есть вознаграждение за труды)], на которую мы надеялись и за которую боролись все эти долгие годы».

Впрочем, своё отношение к революции Шифф выразил ещё 17 марта в телеграмме, направленной в New York Times:

«Могу ли я через вашу газету выразить свою радость по поводу того, что русская нация, великий и добрый русский народ наконец-то освободился от векового гнёта и путём почти бескровной революции вступил в свои права? Хвала Богу на небесах!»

Участие Джейкоба Шиффа в судьбе России не ограничилось финансовой поддержкой общества «Друзья русской свободы». Американский писатель Джим Маррс в книге 'The Terror Conspiracy Revisited: What Really Happened on 9/11 and Why We're Still Paying the Price' (2011 г.) сообщил то, о чём умалчивает англоязычная Wikipedia:

«Джейкоб Шифф, который был главой нью-йоркской инвестиционной фирмы Kuhn, Loeb & Co., преумножил свой капитал благодаря крупным военным займам Японии [его доля участия составляла примерно 50%]. Эта финансовая помощь позволила японцам подготовить ошеломляющую атаку против русских в Порт-Артуре и на следующий год привести к краху русский флот. В 1905 году Микадо [титул для обозначения императора Японии] наградил Шиффа Ор-

деном Священного Сокровища второй степени в знак признания его важной роли в этой кампании».

Разгром русского флота непосредственно связан с историей, которая случилась в апреле 1903 года. Тогда российский министр иностранных дел граф Ламздорф направил в морское ведомство копию донесения посольства в Риме о намерении итальянской судостроительной фирмы «Ансальдо» продать четыре броненосца, предназначенных для Чили, причём оплату необходимо было произвести через банк Ротшильда в Париже. Однако адмирал Абаза, направленный для переговоров, не сумел договориться с банком, и сделка сорвалась. Если учесть, что Джейкоб Шифф был тесно связан с Ротшильдами, то этому не стоит удивляться. В итоге крейсера, которые не удалось купить России, пополнили японский флот.

Но вот что странно – одной рукой Шифф финансирует японцев, а другой помогает солдатам разбитой русской армии. Впрочем, помощь эта весьма своеобразна, поскольку пленным присылали не продовольствие, а пропагандистские материалы. Причина такого вопиющего несоответствия в том, что Шифф, выходец из еврейской семьи, испытывал лютую ненависть к властям императорской России, которые поставили многих евреев в положение изгоев. После того, как в России начались еврейские погромы, Джейкоб Шифф совместно с адвокатом Луисом Маршаллом, членом правления общества «Друзья русской свободы», выступил инициа-

тором создания Американского еврейского комитета (АЕК), который и появился на свет в 1906 году. Отношение этой организации к проблеме защиты российских евреев предельно откровенно выразил её президент Луис Маршалл. Вот отрывок из его интервью газете New York Times, опубликованного 19 марта 1917 года:

«Русский еврей интеллектуально стоит так же высоко, если не выше, чем еврей любой другой страны. Он мыслитель с ранней юности, он обладает пламенной любовью к обучению. Он способен адаптироваться к новым условиям и понимает истинную ценность свободы лучше, чем любой другой человек, потому что он знает, что значит жить без неё. Евреи были среди лидеров русской революции 1905 года в значительной степени из-за того, что реакционеры жестоко их преследовали. Одна из причин заключалась в том, что "Чёрная сотня" была сформирована под руководством царя, который стал главой этой печально известной организации. Невыразимое преследование Бейлиса было также обусловлено враждебностью партии власти против евреев из-за их стремления к свободе и из-за их сотрудничества с теми, кто стремился к либерализации России».

Против этих слов невозможно возразить – евреи действительно считались гражданами «второго сорта». Однако из каждого правила найдётся немало исключений – некоторые евреи достигли очень высокого положения в России, словно бы поставив себе цель опровергнуть утверждение заоке-

анского защитника их прав. В качестве примера можно сослаться на банкира Лазаря Соломоновича Полякова, брата железнодорожного магната Самуила и финансиста Якова Поляковых. Вполне приличное существование обеспечили своей многочисленной родне чайный король Вульф Высоцкий, банкир Борис Каменка, купцы первой гильдии Самуил и Исаак Малкиель. При желании этот список можно было бы продолжить.

Словно бы в обоснование успехов упомянутых персон Маршалл счёл необходимым ещё раз указать в этом интервью на интеллектуальные способности евреев:

«Существует относительно мало неграмотных среди мужчин-евреев в России, в то время как средний русский крестьянин неграмотен. <...> Может ли быть какой-либо вопрос относительно способности к самоуправлению людей, чьи предки были учеными в самые тёмные дни Средневековья и которые старательно впитывали знания даже в часы глубочайших невзгод?»

Непонятно, почему Маршалл сравнивает уровень грамотности евреев и крестьян, игнорируя другие слои населения, тем самым слегка преувеличивая уровень образования евреев. Скорее всего, это издержки той эйфории, которая охватила жителей нью-йоркского Ист-Сайда и функционеров АЕК после падения царского режима. Неудивительно, что на первых порах АЕК находила возможность финансировать своих российских коллег. 3 апреля 1917 года газета New York

Times опубликовала текст телеграммы, которую барон Александр Гинзбург направил из Петрограда Луису Маршаллу:

«Новое правительство приняло на себя обязательства отменить весь класс конфессиональных и национальных ограничений. Указ об отмене всех законов и параграфов, негативно влияющих на положение евреев, вскоре будет опубликован. Очевидно, что большие суммы понадобятся для урегулирования всех проблем. Мы телеграфировали вашему комитету подробную информацию о наших нуждах, но пока получили только \$ 100,000. <...> Еврейство России, освободившееся от ига, с благодарной признательностью протягивает руки к свободнорождённым американским братьям».

Но вот восторженные возгласы и приветствия затихли, и наступила проза жизни. В конце апреля 1917 года российские евреи образовали комитет с целью оказания поддержки Временному правительству, которое для пополнения казны выпустило «заём свободы». Эти средства были необходимы и для продолжения войны на стороне Антанты. Комитет обратился к своим американским коллегам из АЕК, рассчитывая на их участие в распространении займа на территории США. Однако российским евреям отказали, в вежливой форме объяснив, что американское правительство выпустило собственный военный заём, на обеспечение которого брошены все силы. Среди подписавших это сообщение были Джейкоб Шифф и Луис Маршалл.

Итак, российские евреи до поры до времени получали по-

мощь от АЕК, одним из руководителей и спонсоров которого был банкир Джейкоб Шифф. Но пока остаётся без ответа вопрос, в какой мере российские революционеры еврейского происхождения могли рассчитывать на финансовую поддержку этой влиятельной организации. В связи с этим стоит обратить внимание на одного из лидеров большевиков, Льва Давидовича Троцкого (Бронштейна). В феврале-марте 1917 года после высылки из Испании он нашёл убежище в Нью-Йорке.

Американский исследователь Ричард Спенс опубликовал результаты исследования [Richard B Spence, 'Hidden Agendas: Spies, Lies and Intrigue Surrounding Trotsky's American Visit, January-April 1917', *Revolutionary Russia*, Volume 21, Issue 1 June 2008, 33 – 55], указывающие на связь со спецслужбами некоторых людей, с которыми Троцкий встречался в США, или их ближайших родственников. В этой статье всё смешалось в кучу – нью-йоркская газета «Наше слово», Александр Парвус, Абрам и Йозеф Животовские, британская Intelligence Service, Сидней Рейли, глава британской военной разведки Уильям Вайсман, Александр Вайнштейн, который был агентом Йозефа Животовского, и даже Бенджамен, брат Якова Свердлова, не говоря уже о множестве других малоизвестных широкой публике людей. Читателю предлагается поверить в связь между британским супер-шпионом Рейли, Животовским, Вайнштейном и банкиром Улофом Ашбергом, главой стокгольмского Nya Banken,

который обеспечивал доставку финансовых средств большевикам. И всё это замысловатое сооружение возникло только для того, чтобы сделать более правдоподобной версию, согласно которой Троцкий был на содержании британской разведки или хотя бы воспользовался её помощью для возвращения в Россию. Столь оригинальным способом автор исследования попытался объяснить происхождение десяти тысяч долларов, которые канадские власти обнаружили у Троцкого при задержании в порту Галифакса. Да и само задержание, как можно предположить, было произведено с целью воздействия на Троцкого, дабы побудить его к сотрудничеству.

Напротив, Энтони Саттон в своей книге «Уолл-стрит и большевистская революция» [Antony Sutton, 'Wall Street and Bolshevik Revolution', 1999 г.] настаивает на том, что Троцкого спонсировало не британское, а германское правительство. Единственный аргумент в пользу этой версии сводится к показаниям атташе чешской дипломатической миссии в Вашингтоне, которые он дал комитету Овермана в 1919 году (об этом комитете речь пойдёт чуть позже):

«Полковник Хербан: Троцкий, вероятно, взял деньги у Германии, но он будет отрицать это. Ленин бы не отрицал. Милюков доказал, что Троцкий получил 10000 долларов от каких-то немцев, когда был в Америке. У Милюкова было доказательство, но тот отрицал это. Троцкий отрицал, хотя у Милюкова было доказательство».

Какое доказательство было у Милюкова, и почему Ленин, в отличие от Троцкого, не стал бы отрицать сотрудничество с иностранными властями – это так и осталось тайной для Саттона и для членов комитета Овермана.

На самом деле, германские и британские спецслужбы тут совершенно ни при чём – с их стороны было бы наивно и даже безответственно рассчитывать на услуги человека, целью которого является установление коммунистического рая на земле. Нет сомнений, что деньги Троцкому выделил Американский еврейский комитет – святой обязанностью его членов была помощь российским евреям в возвращении на родину. АЕК уделял этой теме большое внимание, о чём свидетельствует отрывок из интервью Луиса Маршалла газете New York Times 19 марта 1917 года:

«Я слышал, что сотни русских евреев говорят о том, что они вернутся в Россию, если там будет установлена свобода».

Еврей во главе огромного государства – об этом можно было лишь мечтать! Не смущали даже его «большевистские заскоки». И надо признать, что Лев Давидович вполне оправдал ожидания членов АЕК. В 20-е годы положение евреев в России значительно улучшилось – многие из них были назначены на руководящие должности в государственных учреждениях, а поступающие в высшие учебные заведения получили преимущества перед русскими. В одном из своих интервью кинорежиссёр Алексей Герман-старший рассказал о том, как его мать, Татьяна Риттенберг, пыталась получить

высшее образование после возвращения из эмиграции в начале 20-х годов:

«После этого, чтобы устроиться в медицинском институте, мама бешено стала устраиваться еврейкой – евреев тогда брали, а русских нет. Доказать было трудно, и помогла взятка».

Итак, можно подвести промежуточный итог. Участие Джейкоба Шиффа в финансировании японской армии и революционной пропаганды среди российских военнопленных в 1905 году, а также в помощи российским евреям не вызывает никаких сомнений. Пришла пора разобраться, не было ли в действиях этого банкира каких-либо иных мотивов, кроме желания ускорить проведение либеральных преобразований в России.

В феврале 1919 года Сенат США учредил специальный подкомитет при комитете Сената США о судеустройстве – главой его стал Ли Слэйтер Оверман, сенатор-демократ от штата Северная Каролина. Задачей комитета Овермана стало расследование германской, большевистской и другой деятельности, которая представляла угрозу для США. Надо отметить, что среди свидетельств, представленных вниманию членов комитета, было множество ничем не подтверждённых измышлений. К примеру, вот о чём рассказал пастор методистской церкви Джордж Симмонс, находившийся в России с 1907 по 1918 год (цитирую по книге Энтони Саттона): «Одна из старейших учителей Смольного Института при-

шла по необходимости в здание, где большевики теперь держат своё оружие и откуда ведут деятельность по агитации пролетариата. <...> Она пришла ко мне и сказала: "У меня была возможность <...> посетить некоторые комнаты в здании, занятом сейчас так называемым большевистским правительством. <...> Я слышала, как разговаривали на немецком <...>". Может быть она слышала идиш и приняла его за немецкий. <...> На меня произвело впечатление <...>, что вскоре после великой революции зимы 1917 года появились десятки евреев, стоящих на скамейках, ящиках и всём, что попадётся, и говорящих пока рот не пересохнет».

Наряду с подобными откровениями, на слушаниях было озвучено немало информации, которая могла бы стать основой для тщательного разбирательства. Особый интерес членов комиссии вызвали финансовые операции некоторых немецких и американских банков во время первой мировой войны. Вот отрывок из свидетельских показаний офицера разведки США Беккера, посвящённых деятельности банка Kuhn, Loeb & Co. (далее представлены выполненные автором переводы из подлинных протоколов подкомитета 'U.S. Senat, Brewing and Liquor Interests and German and Bolshevik Propaganda. Hearings bevor the Subcommittee on the Judiciary, 65th Cong.', 1919, 2:2154-74):

«Партнёры в фирме "Кюн, Лёб и К°" – Пауль М. Варбург, Феликс Варбург, Отто Кан, Мортимер Л. Шифф <...> и Джейкоб Шифф, глава фирмы. <...> Феликс Варбург и

Пауль Варбург были членами фирмы "М.М. Варбург и Ко" в Гамбурге. Это данные 1914 года, до начала войны. <...> Иначе говоря, в то время существовали партнёрские отношения между двумя этими фирмами. Как следует из документов, было намерение финансировать германскую пропаганду через фирму "Кюн, Лёб и К°"».

К этому следует добавить, что Джейкоб (Якоб) Шифф родился во Франкфурте в 1847 году, в семье биржевого брокера, который обслуживал семейство Ротшильдов. Шифф работал в различных финансовых организациях Европы, а в 1875 году по приглашению Абрахама Кюна переехал в США, где женился на Терезе Лёб, дочери Соломона Лёба, и стал одним из совладельцев фирмы Kuhn, Loeb & Co, которая представляла интересы европейских Ротшильдов в США. Пауль Варбург, правнук одного из основателей гамбургского банка M. M. Warburg & Co., родившийся в 1868 году, женился на другой дочери Лёба, Нине. В 1902 году Пауль эмигрировал в США, где стал работать в фирме тестя. Чуть раньше за океан перебрался его брат Феликс, который после женитьбы на дочери Джейкоба Шиффа стал партнёром в фирме Kuhn, Loeb & Co., а в 1906 году участвовал в создании АЕК. Макс Варбург, брат Пауля и Феликса, с 1910 года был директором банка в Гамбурге. К этому семейству принадлежал и Фриц Варбург, служивший во время первой мировой войны коммерческим атташе в германском посольстве в Стокгольме. Таким образом, семейства Варбурга и Шиффа связывали не

только деловые интересы, но и теснейшие родственные узы, что, несомненно, помогало в проведении финансовых операций и реализации политических проектов.

В своих показаниях Беккер сообщает о сомнительных финансовых операций некоторых американских фирм, которые можно расценивать как действия в интересах германского правительства. Но после того как он упомянул имя Джейкоба Шиффа в связи с покупкой облигаций англо-французского займа, последовало возражение:

«Сенатор Кинг [демократ от штата Юта]: <...> Я не считаю нужным в рамках этого расследования вносить в протокол имя мистера Шиффа или других банкиров, раскрывая их частный бизнес. <...>

Сенатор Оверман. <...> Я думаю, мы должны знать всё о германских транзакциях здесь, и о тех, кто способствовал ведению германской пропаганды и обслуживанию этих денег. Здесь было показано, что они выделили 50 млн долларов на германскую пропаганду. <...>

Беккер [отвечая на обвинения в предвзятости]: Я не имею намерения атаковать их [фирму "Кюн, Лёб и Ко"], но я могу привести факты, которые вовсе не свидетельствуют о том, что фирма была полностью прогерманская, но показывают, что она занимала болезненно нейтральную позицию [painfully neutral]... Отто Кан пытался дружить с обеими сторонами. <...>

Сенатор Кинг. Это было до вступления нашего правитель-

ства в войну!»

Желание некоторых членов комитета вывести из-под удара влиятельных американских банкиров вполне понятно — нельзя допустить появления даже тени подозрения в их причастности к незаконным сделкам, поскольку это нанесёт удар по американской финансовой системе.

Далее Беккер зачитал письмо Гуго Шмидта, представителя «Дойче Банка», отправленное 5 октября 1915 года в Берлин:

«Когда я встречался с мистером Каном в его кабинете, Джейкоб Шифф также говорил со мной и спросил, верю ли я в возможность покупки бумаг Рейхсбанка».

Вот как Беккер поясняет смысл этой фразы:

«Беккер: В своей миссии Гуго Шмидт широко использовал помощь некоторых американских банковских учреждений. Это было, когда мы были нейтральными, но их действия наносили ущерб британским интересам. <...>

Сенатор Кинг: Была ли это обычная банковская сделка?

Беккер: Это как посмотреть. Она имеет отношение к маскировке валюты, чтобы она казалась нейтральной валютой, когда в действительности это была немецкая валюта в Лондоне. В результате этих операций, в которых "Гаранти Траст" [американский банк, находившийся под контролем семейства Морганов] участвовала главным образом между 1 августа 1914 года и моментом вступления Америки в войну, "Дойче Банк" сумел в своих отделениях в Южной Америке

получить от Лондона 4.670.000 фунтов стерлингов».

Даже для человека несведущего в банковских делах ясно, что и Кан, и Шмидт, и Шифф при совершении некоторых финансовых операций действовали в интересах правительства Германии. Осталось прояснить роль в этих сделках ещё одного влиятельного финансиста, Макса Варбурга.

Энтони Саттон цитирует в своей книге зашифрованную телеграмму из сборника германских документов, составленного А. Шерером и Ж. Грюневальдом [L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la Premiere guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires etrangeres. Publics par A. Scherer et J. Grunewald. Paris. 1962]. Эта телеграмма была отправлена 30 июня 1915 года заместителем статс-секретаря Циммерманом германскому посланнику в Стокгольме:

«Банкир Макс Варбург из Гамбурга в ближайшие дни прибывает к вам с особо секретным заданием, которое он изложит Вашему Высокоблагородию лично. Для видимости он будет выступать в роли специального уполномоченного немецкого правительства по валюте и вопросам, связанным с разрешениями на экспорт в нейтральные страны, и будет вести переговоры в связи с неурегулированными авансами и франкированием задержанных товаров. Прошу сообщить всему персоналу посольства, включая генерального консула Хауга, только эту цель поездки и оказать господину Варбургу необходимую поддержку во всех переговорах, или просить

об этом господина Хауга. Но до его прибытия об этом деле вообще не нужно упоминать».

Следует обратить внимание, что этот таинственный визит пришёлся как раз на то время, когда германское правительство начало выделять деньги Александру Парвусу-Гельфанду на помощь российским социал-демократам для ведения революционной, прежде всего антивоенной пропаганды. Можно предположить, что германский подданный Макс Варбург прибыл для переговоров с владельцем стокгольмского Nya Banken, через который предполагалось перевести эти деньги. Конечным элементом сложной цепочки была фирма Якова Ганецкого (Фюрстенберга), который и становился распорядителем этих вроде бы легально заработанных средств – на современном жаргоне такая операция называется «отмыванием денег». Таким образом, Ленин и другие социал-демократы оставались в неведении относительно источника их происхождения. Во всяком случае, нет никаких доказательств, чтобы утверждать обратное.

А вот что было сказано об американском гражданине Поле (Пауле) Варбурге на слушаниях в комитете Овермана:

«Сенатор Нельсон: Один из Варбургов был назначен в правление Федерального Резерва [Federal Reserve Board, Paul M. Warburg]. <...>

Сенатор Рид: Он был связан с фирмой "Кюн, Лёб и К°" вплоть до этого назначения. <...> Мы должны расследовать всё это в нашем комитете. <...>

Сенатор Кинг: Не было человека более лояльного и преданного нашей стране во время войны, чем Поль Варбург. И нет другого человека, который бы способствовал успеху закона о Федеральном резерве, чем мистер Варбург. И я думаю, что его отставка с этого поста нанесёт ущерб нашей стране.

Сенатор Оверман: Мы все согласны с этим, и я думаю, что сделанное здесь заявление показывает, что он оказывал поддержку фирме "Кюн, Лёб и К°". Они не финансировали немцев.

Беккер: Нет сомнений, что связь между фирмами "М.М. Варбург К°" и "Кюн, Лёб и К°" должна была стать основой для финансирования здесь, но у них ничего не получилось [was going to be all powerful to produce financing here, and they were grievously disappointed in that]».

Ещё раз убеждаемся, что как только речь заходит о сомнительных сделках с участием представителей финансовой элиты, так сразу же находятся защитники. Не удивительно, что расследование финансовых операций Джейкоба Шиффа и Поля Варбурга во время первой мировой войны не имело продолжения.

На этом история об источниках финансовых средств, которые были использованы для подготовки революции в России, закончена. Германия через своих агентов выделяла деньги на антивоенную пропаганду, но не более того. Джейкоб Шифф финансировал распространение революционной

литературы среди пленных российских солдат в 1905 году и через Американский еврейский комитет помогал российским евреям бороться за свои права после февральской революции. Так что строить «новый мир» правительству большевиков пришлось на собственные средства. Куда более важно найти ответ на вопрос: что именно собирались строить?

В августе 1915 года в газете «Социал-демократ» была опубликована статья Ленина «О лозунге Соединённые Штаты Европы», где он сообщил следующее:

«В манифесте Центрального Комитета этот лозунг прямо формулирован как политический ("ближайшим политическим лозунгом..." – говорится там), причём не только выдвинуты республиканские Соединённые Штаты Европы, но и подчеркнуто специально, что "без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской" этот лозунг бессмыслен и лжив».

Конференция заграничных секций РСДРП постановила отложить вопрос о лозунге «Соединённые Штаты Европы» до обсуждения в печати «экономической стороны дела». Однако цели, которые ставили перед собой большевики, были куда более грандиозными – своё влияние они намеревались распространить на весь мир:

«Соединённые Штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связываем с социализмом, – пока полная победа

коммунизма не приведёт к окончательному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства. Как самостоятельный лозунг, лозунг Соединённые Штаты мира был бы, однако, едва ли правилен, во-первых, потому, что он сливается с социализмом; во-вторых, потому, что он мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране и об отношении такой страны к остальным».

Понятно, что в ситуации, когда не хватает средств даже на еду, большевикам, застрявшим в эмиграции, оставалось лишь мечтать и рассуждать о грядущем процветании. К сожалению, уверенность в том, что они смогут осчастливить всё человечество, не имела под собой ни малейших оснований. Успехи США в развитии материальной базы своего общества уже тогда были вполне реальны, а большевики могли противопоставить этому только призывы, лозунги и обещания. В конечном счёте, они так и не смогли доказать преимуществ социализма, однако причина их неудач отнюдь не в ошибочной тактике. Увы, природа человека такова, что личное материальное благополучие рано или поздно становится жизненным приоритетом, и тогда благие намерения рассеиваются как утренний туман.

В первые годы после прихода к власти большевиков была предпринята попытка «разжечь огонь мировой революции». Однако неудачи в Германии и Венгрии, слабость советской экономики заставили Сталина отказаться от этой идеи, хо-

тя Лев Троцкий продолжал мечтать о единой социалистической Европе. В октябре 1929 года один из основателей советского государства, уже находясь в вынужденной эмиграции, написал статью, которая была опубликована в парижском издании «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)». Троцкий не был бы убеждённым большевиком, если бы не рассматривал проект объединения Европы всего лишь как «политическую форму революционной диктатуры европейского пролетариата»:

«Мы объединим Европу. Мы её объединим против враждебного нам капиталистического мира. Мы сделаем её могущественным плацдармом воинствующего социализма. Мы сделаем её краеугольным камнем мировой социалистической федерации».

Символом воинствующего социализма стал красный флаг. Считается, что он использовался в качестве эмблемы восстания с давних пор, ещё до Великой французской революции. Позднее под этим флагом шли в наступление солдаты Красной армии. Но вот какое совпадение: в IX веке на нашу землю пришли руги и захватили власть. Родом они были из юго-западной части Скандинавии, а прозвище «рос», превратившееся в «русь», получили от греков, которые прозвали так пришельцев по внешнему виду – лица их были непривычно красные или розовые, в отличие от смуглых южан (см. главу 11). Почти двенадцать веков минуло с тех пор, и ситуация повторилась. Из Скандинавии, ранее проделав путь че-

рез Германию, на территорию России опять явились «красные», чтобы захватить власть в государстве, а если удастся, то покорить весь мир. К этому следует добавить, что бабушка Ленина по материнской линии оказалась немкой с примесью шведской крови. Можно было бы напомнить и о еврейских корнях Ильича, и о том, что среди тех, кто пришёл к власти, было множество евреев. Однако дело тут не в национальности – не было бы этих, наверняка нашлись бы какие-то другие. Поэтому и первые киевские князья, и Иван Грозный, и Ленин с Троцким кажутся пешками в чьей-то зловещей игре. Что уж тогда говорить о русских людях, которые так и не стали хозяевами на своей земле.

Нам остаётся лишь констатировать, что смена режимов власти в России следует некой закономерности, которую ещё предстоит понять и объяснить.

Глава 17. Иллюзии и неизбежность

Нет сомнения, что на первых порах у большевиков хватало воли для созидания, и даже творческих сил было в избытке, судя по тому, как рьяно они взялись за реформы. Проблема в том, что прежде чем начинать воплощение грандиозных замыслов следовало оценить возможность их осуществления. Согласны ли были жители страны кардинально поменять стиль жизни, предать забвению прежних кумиров и присягнуть на верность новой власти? Увы, об этом их никто не спрашивал.

Надо учесть, что за время после октября 1917 года до окончания гражданской войны более миллиона человек покинуло Россию – это дворянская знать, крупные землевладельцы, фабриканты, состоятельные чиновники, коммерсанты и военные. Но чиновники средней руки, учёные, преподаватели и врачи, лавочники и зажиточные крестьяне не имели возможности уехать из страны, хотя новая власть лишила их надежд на продолжение более или менее обеспеченного существования. Остались в России и родственники тех, кто погиб сражаясь в рядах Белой армии. Можно ли было рассчитывать, что все эти люди с пониманием отнесутся к переменам и поддержат власть большевиков?

Было бы странно, если бы среди тех, кто отказался от эмиграции, не было убеждённых противников новой власти, го-

товых с оружием в руках бороться за возврат к монархии или за установление военной диктатуры. Для борьбы с активными врагами революции большевики создали ВЧК. Но что делать с миллионами людей, которым не нужен был ни социализм, ни коммунизм, которые затаили в себе ненависть к большевикам и не испытывали энтузиазма по поводу грядущего процветания социалистической России?

Чтобы переубедить сомневающихся, приходится тратить много сил и времени, причём без особой надежды на успех. Гораздо проще вместо убеждения использовать пропаганду, вдалбливая в головы примитивные истины и лозунги. Если даже это не срабатывает, то есть проверенное средство – для перевоспитания отправлять в трудовые лагеря, решая попутно задачу восстановления экономики. Именно по этому пути и пошла новая власть.

Но тут новая беда – среди тех, кто примкнул к большевикам после победы революции, оказались люди, для которых участие в строительстве новой жизни было только средством достижения личного благополучия, удовлетворения собственных потребностей, нередко вопреки требованиям морали. Типичный пример «революционного карьериста» – это Михаил Тухачевский.

Всего через несколько месяцев после начала первой мировой войны подпоручик царской армии попадает в плен, затем после нескольких неудачных попыток побега ему всё же повезло, и в октябре 1917 года он возвращается в Россию.

История эта загадочная, и не исключено, что в ней приняли участие представители германского генштаба (см. книгу «Дом Маргариты»). Если рассказ о переправке в Россию Ленина и других социал-демократов в plombированном вагоне выглядит как анекдот, то обстоятельства бегства Тухачевского из строго охраняемой крепости Ингольштадт заставляют предположить, что он был завербован германской разведкой.

Действительно, во время первой мировой войны германские власти вели активную работу среди русских военнопленных, пытаясь использовать их после возвращения в Россию. Об этом свидетельствует письмо германского посланника в Берне рейхсканцлеру 24 августа 1916 года, где речь идёт об участии эсера Цивина в вербовке военнопленных:

«Цивин произвел очень положительное впечатление в компетентных военных ведомствах, которые заявили о своей готовности предоставить в его распоряжение крупные денежные средства. В то время Цивин посетил несколько лагерей военнопленных. При этом у него была возможность отобрать несколько подходящих людей, которых можно было бы послать из Швейцарии в Россию. Цивин на протяжении некоторого времени снабжал русских военнопленных в Австрии соответствующей литературой. <...> Затем он послал в Россию несколько человек, которые там работали для его партии».

Этим каналом мог воспользоваться и Тухачевский, дав

притворное согласие работать на Германию.

После возвращения на родину всего несколько месяцев понадобилось Тухачевскому для того, чтобы вступить в ряды Красной армии и в партию большевиков. Уже в июне того же года он был назначен командующим 1-й армией Восточного фронта, затем командовал армиями на других фронтах, участвовал в разгроме войск генерала Деникина. По отзывам современников, в этих сражениях Тухачевский проявил себя как талантливый военачальник.

Однако самым примечательным для Тухачевского стал 1921 год. За несколько месяцев он успел подавить мятеж в Кронштадте и восстание на Тамбовщине, а между ратными делами сменил несколько жён и любовниц, не забывая писать научные труды, в которых анализировал опыт подавления контрреволюционных выступлений, в том числе с использованием ядовитых газов. Трудно поверить, что всё это совершил внук генерала, сын потомственного дворянина.

В 1922 году, оценивая причины Тамбовского восстания, Тухачевский писал в статье «Искоренение бандитизма», опубликованной в сборнике «Революция и война» (№ 2, 1922 г.): «Всё население, до последнего человека, надо просмотреть и протереть с песком». Такой метод установления порядка должна была использовать царская охранка, чтобы не допустить революции в 1917 году. Нет сомнения, что белогвардейская контрразведка взяла бы его на вооружение в случае победы Белой армии в гражданской войне. А в сере-

дине 30-х годов прошлого века задача установления тотальной слежки и устранения неблагонадёжных стала актуальной и для ОГПУ-НКВД.

За двадцать лет многие противники советской власти смирились с новыми реалиями, не помышляя более о заговорах или вооружённых выступлениях. Однако в условиях, когда нацистская Германия и Япония готовились к войне, наличие внутренней оппозиции, готовой поддержать любыми средствами внешнюю агрессию, могло стать фатальным для СССР. Особую опасность представляли такие люди в армии.

Вот отрывок из речи Сталина в Кремлёвском дворце на выпуске слушателей военной академии Красной армии в мае 1935 года:

«Необходимо <...>.. вооружиться крепкими нервами, большевистской выдержкой и упорным терпением, чтобы преодолеть первые неудачи и неуклонно идти вперёд к великой цели, не допуская колебаний и неуверенности в своих рядах».

Первая масштабная попытка очищения рядов была предпринята в 1930 году в рамках операции «Весна». Тогда пострадали многие военспецы, имевшие высокие чины в царской армии. Но вскоре стало понятно, что, если так пойдёт, военные училища и академия РККА останутся без квалифицированных педагогов, поэтому операцию свернули.

Что же, помимо опасений за «стройность рядов», подтолкнуло власть к организации массовых репрессий? Проще

всего свести всё дело к маниакальной подозрительности Сталина. Возможно, первые подозрения появились после того, как в 1936 году он получил от Канариса через чехословацкого президента Бенеша документы, указывающие на участие Тухачевского в подготовке заговора. Однако эта версия противоречит логике, поскольку за несколько лет до начала войны ещё сохранялась возможность подготовить новые кадры военачальников вместо героев гражданской войны и заслуженных кавалеристов, что и было сделано. Совсем иной эффект мог быть, если бы дезинформацию о существовании заговора направили Сталину в 1939 году.

Есть мнение, будто всему виной некий документ, свидетельствующий о сотрудничестве Сталина с охранкой. Документ попал в руки Якира, позже Тухачевского, а Сталин, узнав об этом, решил расправиться со всеми, кто знал или мог знать о позорной странице его прошлого. Но тут вот какая «закавыка» – количество арестов и побегов Сталина никак не укладывается в обычную схему взаимодействия охранки со своим агентом. Какой толк от «засланного казачка», если он то и дело сидит в тюрьме, в ссылке или находится в бегах? Нет, охранка тщательно заботилась о том, чтобы агент постоянно находился в гуще политических событий, общался с действующими революционерами, а не с соседями по камере.

Бессмысленна и версия, будто причиной репрессий в отношении Тухачевского было то, что он мешал сближению

Гитлера и Сталина. Достаточно Тухачевского «задвинуть в тень», лишив возможности влиять на внешнюю политику, что и было сделано. Столь же нелепо и предположение, будто Тухачевский был оклеветан в результате борьбы за власть в высшем руководстве армии. Рубить под корень весь командный состав ради устранения конкурента – такое может прийти в голову разве что с большого перепоя. Нарком обороны Ворошилов был не настолько кровожаден и глуп, к тому же всё решал не он, а Сталин.

Нет сомнения, что массовый характер репрессий был вызван желанием некоторых работников НКВД сделать карьеру на разоблачении грандиозных заговоров. Однако решающим аргументом для принятия решения об арестах стали доносы, поступавшие в НКВД. На первых этапах люди доносили добровольно, следуя желанию занять более высокую должность после ареста своего начальника, а заодно получить квартиру, которую он прежде занимал. По мере раскручивания маховика репрессий, арестованные стали клеветать по принуждению, под угрозой пыток. И всё же хотелось бы понять, с чего всё началось, кто сумел так «напугать» Сталина, что после долгих месяцев сомнений он всё же приказал начать аресты среди высшего командного состава Красной армии.

Если верить авторам Справки комиссии по делу Тухачевского, составленной в 60-х годах, и материалам из архивов ОГПУ, «злым гением» массовых репрессий против военспецов в 30-х годах была Ольга Андреевна Зайончковская. Дочь

бывшего царского генерала, профессора Военной академии РККА воспитывалась в аристократической семье – судя по некоторым сведениям, её мать была из влиятельного графского рода. Андрей Медардович Зайончковский родился в семье неизвестного начальника телеграфной станции в городе Орле, однако удачная женитьба помогла ему сделать карьеру в царской армии. Каково же было разочарование членов генеральской семьи, когда трудами праведными достигнутое благоденствие разрушила презренная «чернь» в 1917 году! Бежать за границу, не имея сундука, набитого фамильными драгоценностями, и вкладов в иностранных банках – такое решение было бы наивным и бессмысленным. Именно поэтому Андрей Зайончковский поступил на службу в Красную армию уже в 1918 году. И вот какая сложилась ситуация – муж занимал важные должности в РККА, а жена люто ненавидела советскую власть и, по воспоминаниям соседки, даже на улицу не выходила, видимо, не желая видеть торжества дорвавшейся до власти «черни». Что уж тут говорить, если внучке графини было запрещено учиться в школе, и в итоге она получила домашнее образование.

Стоит ли удивляться, что в возрасте 33-х лет Ольга Зайончковская становится осведомителем ОГПУ? Беспринципность и лицемерие, культивируемые в семье, вполне соответствовали древнейшей из профессий. К этому нужно добавить желание отомстить бывшим офицерам царской армии, предложившим свои услуги новой власти. Если нельзя ото-

мстить отцу за то, что не был в Добровольческой армии, за то, что вовремя не эмигрировал в Европу, то можно отыгаться на других. Надо заметить, что возможностей для подслушивания разговоров и сбора слухов у дочери авторитетного военспеца было вполне достаточно. В круг особо приближённых к верхам РККА её ввёл двоюродный брат, бывший полковник царской армии Николай Какурин, занимавший высокий пост в Красной армии. Кажется, и его она «сдала». После ареста Какурин дал показания против Михаила Тухачевского:

«В Москве временами собирались у Тухачевского, временами у Гая [Гай Бжишкянц, начальник кафедры в Военно-воздушной академии им. Н.Е.Жуковского]. <...> В Ленинграде собирались у Тухачевского. Лидером всех этих собраний являлся Тухачевский, участники: я, Колесинский, Эстрейхер... Егоров, Гай, Никонов, Чусов, Ветлин, Кауфельдт. В момент и после XVI съезда было уточнено решение сидеть и выжидать, организуясь в кадрах в течение времени наи-высшего напряжения борьбы между правыми и ЦК».

Не исключено, что правы те, кто считал осведомителем и главу семейства Зайончковских. Связь Андрея Медардовича с ОГПУ не вызывала никаких сомнений после того, как стала известна его роль в МОЦР – фиктивной организации, созданной ОГПУ для контроля за антисоветской деятельностью белой эмиграции. Тогда, в результате проведения опе-

рации «Трест» был арестован известный английский разведчик Сидней Рейли.

Ольга Зайончковская внесла значительный вклад в операцию «Весна» в начале 30-х годов, когда по её доносам было арестовано немало военспецов, бывших офицеров царской армии. Ценные сведения о настроениях в армейской среде она добывала и позже:

«С 1932 г. со времени моей поездки с Гаем [Марк Гай (Штоклянд), начальник Особого отдела ОГПУ] в Ленинград я по ленинградским материалам обращала внимание Гая на Корка, Путну, Криворучко и др. менее видных военных. <...>.. В 1933 году меня посылал Сосновский [заместитель начальника Особого отдела ОГПУ] в Ленинград под именем "Веры Павловны Николаевой" для того, чтобы я выяснила настроения среди командного состава РККА, а также и среди бывших офицеров царской армии».

Жажда мести придавала Зайончковской новые силы. В 1936 году много донесений поступало от неё с информацией о разговорах в ближайшем окружении Тухачевского. Участники этих бесед высказывали сомнения в способности руководителей страны проводить эффективную политику – особенно доставалось министру обороны Ворошилову. И вот, когда объём компромата превысил некую критическую массу, делу был дан официальный ход.

Сталин всецело доверял Тухачевскому, даже сделал его маршалом, и вдруг выясняется, что жестоко ошибался, что

за его спиной Тухачевский высказывал сомнения в правильности того, что вождь делает в своей стране. Особая опасность таилась в том, что инакомыслие высшего командного состава могло получить распространение и среди других командиров, а в таком случае армию уже нельзя было бы считать опорой действующей власти. Было принято решение очистить руководство вооружённых сил от враждебных элементов, а заодно и от тех, кто мог быть подвержен их влиянию. Именно поэтому репрессии приняла невиданный размах. Страшно было утонуть в крови, но ещё страшнее убедиться в том, что ростки инакомыслия всё ещё остались в армии. Недаром Сталин, делая сообщение о масштабном заговоре на заседании Военного совета при наркомате обороны, был непривычно взволнован, говорил сбивчиво, запинаясь на полуслове.

Но был ли заговор, в организации которого обвинили Тухачевского и его соратников? Косвенным подтверждением такой возможности служат два обстоятельства. Годом ранее случился военный мятеж в Испании, который мог стать примером для противников Сталина в РККА. С другой стороны именно мятеж в Испании мог подтолкнуть Сталина к тому, чтобы осуществить предупредительные действия для сохранения своей власти. В 1930 году, во время операции «Весна» он придержал особо ретивых исполнителей, а вот теперь под влиянием обстоятельств принял страшное, весьма рискованное решение, лишив армию значительного количества вы-

сокопрофессиональных кадров. Реальные опасения заговора косвенно подтверждаются и приказом о повышении влияния комиссаров в армии, который был подписан в начале мая 1937 года, ещё до ареста Тухачевского.

Опыт смещения Лаврентия Берии, «клики» Булганина и Маленкова, даже Никиты Хрущёва наглядно показал, как надо было действовать – заговорщикам следовало привлечь на свою сторону большую часть членов Политбюро. Однако заговор заранее был обречён на неудачу – слишком велик был авторитет вождя среди населения страны, слишком много было в его окружении людей послушных ему и боязливых.

В своей книге «Сталин» Лев Троцкий так объяснил события 1937 года:

«Среди тех, которые каялись и обещали верную службу, было немало бескорыстных и искренних людей. Они, конечно, не могли заставить себя верить, что Сталин – отец народов и пр. Но они видели, что в его руках власть. <...> Они обещали ему свою верность без всякой задней мысли. <...> Тем не менее, они не спаслись. Сталин не верил им».

Тут следует уточнить: Сталин не верил, если на то были основания. Всё дело в том, что вождь не допускал инакомыслия ни в какой форме. Есть линия партия и больше ничего! Клятвы верности его ни в чём не убеждали. Если он узнавал, что за его спиной кто-то вёл вредные разговоры, выражал сомнение в правильности господствующей идеологии, он мог поставить на этом человеке крест. Но мог и обождать, наде-

сь, что человек всё же переменится. Однако после того как ему донесли о заговоре командармов чаша терпения иссякла. На карту была поставлена и его власть, и социализм в его специфическом, советском понимании. А потому наказание следовало даже за ненароком высказанные слова, если они противоречили партийным установкам.

Репрессии в отношении нелояльных командиров РККА стали прелюдией к чистке среди интеллигенции. Михаил Кольцов, Борис Пильняк, Исаак Бабель – это наиболее известные жертвы сталинских репрессий. Казалось бы, странно – Булгаков, Платонов и Пастернак не клялись в преданности великому вождю, даже не скрывали некоторой своей оппозиционности режиму, но в годы «великой чистки» их не тронули. Опасности не представляли аполитичные Зощенко и Олеша. Шолохов лишь запил горькую, так и не решившись на самоубийственные откровения. По-видимому, вождь верил, что ещё можно наставить этих писателей на путь истинный. Даже пометки Сталина на полях рукописи Платонова – дурак, балаганщик, болван, пошляк, балбес – это свидетельство лёгкого раздражения, а не гнева. Не прощал Сталин лишь предательства и лицемерия, когда и в письмах, и в публичных выступлениях заявляют о преданности вождю, а за его спиной либо плетут интриги, либо высказываются нелицеприятно. Похоже, со временем вождь окончательно убедился, что Бабель, Мейерхольд, Пильняк и даже «сталинист» Кольцов так и не стали убеждёнными сторонниками

советской власти. Все они только использовали эту власть для достижения собственного благополучия, а власть в свою очередь пыталась использовать их самих.

Вот финальный отрывок из письма Бориса Пильняка – оно было написано в тот период, когда писатель подвергался ожесточённой критике за публикацию за границей повести «Красное дерево» и в результате лишился возможности ездить в зарубежные командировки:

«Иосиф Виссарионович, даю Вам честное слово всей моей писательской судьбы, что, если Вы мне поможете выехать за границу и работать, я сторицей отработаю Ваше доверие. Я могу поехать за границу только лишь революционным писателем. Я напишу нужную вещь».

Здесь в каждой строке чувствуется желание любой ценой вернуть утраченные привилегии, и в 1931 году это удалось. Пильняк продолжил свою опасную игру – декларируя лояльность большевистской революции и признавая «крупнейшие ошибки», писал совсем не то, что требовала власть. Но в 1937 году всё закончилось.

Несмотря на то, что Сталин пользовался варварскими методами подавления инакомыслия, надо отдать ему должное – он разбирался в людях. Иначе не сумел бы сохранять власть в своих руках в течение без малого тридцати лет. Однако людей, несогласных с его мнением, Сталин не считал нужным переубеждать, да и способностей для этого у вождя явно не хватало. В отличие от него, Ленин в дискуссиях неред-

ко одерживал верх над оппонентами, но даже он не в состоянии был обратить в свою веру всех и вся. Сталин подчинял себе людей не логикой и аргументами, а с помощью кнута и пряника. Если же это не помогало, он неизменно следовал правилу: от неисправимых надо избавляться. На первых порах Сталин брал пример со своего предшественника, снарядившего «философский» пароход. Даже Замятину позволил эмигрировать. Однако затем избрал более «надёжный» метод – оправлял на Колыму или же в мир иной. А массовые зачистки среди окружения своих врагов оправдывались поговоркой: «лес рубят – щепки летят». Да и подручные вроде Ежова вряд ли утруждали Сталина подробностями массовых репрессий.

Судя по всему, Сталин не отличался творческой фантазией – он лишь использовал идеи других людей, в частности, своих соратников, старых большевиков, до тех пор, пока они его устраивали. Начав массовые репрессии, он воспользовался опытом Ивана Грозного. Трудно сравнивать масштабы сталинских репрессий и опричнины 1565-1567 годов, однако в них много общего – и Грозный, и Сталин нуждались в надёжной опоре своей власти, а в достижении этой цели не считались ни с какими нравственными ограничениями и не утруждали себя подсчётом числа жертв.

Однако началось всё не с создания ВЧК и не с «красного террора», который последовал за убийством Урицкого и покушением на Ленина. Первопричина трагических собы-

тий заключалась в том, что большевики, следуя заветам коммунистов-утопистов, пытались построить сказочный дом на песке. Если февральскую революцию народ воспринял как избавление от прогнившей монархии, то октябрьский переворот многим образованным людям был непонятен. Зачем менять власть, если Временное правительство ещё не успело выполнить всего того, что обещало? Если бы не декреты большевиков о мире и о земле, с ними покончили бы через неделю. Можно сказать, что крестьяне и солдаты поверили в обман, но куда более важно, что сами большевики находились в плену иллюзий. Им казалось, что всё будет точно так же, как в феврале. Рабочие и солдаты их поддержат, а остальные смирятся и не станут выступать против новой власти. Что уж тут говорить, если большевики даже не подвергли репрессиям членов низложенного Временного правительства – хотя бы за действия против своих лидеров после июльских событий 1917 года.

Но вскоре всё стало валиться из рук. Чиновники саботировали новую власть, бывшие офицеры готовили вооружённые выступления, солдаты снова оказались в окопах, потому что началась гражданская война, а безлошадные крестьяне не имели возможностей для того, чтобы с толком распорядиться полученной землёй. Это были только первые последствия октябрьского переворота. Иллюзорное ощущение полной власти над страной и над людьми постепенно трансформировалась в понимание того, что для создания некоего по-

добыя социализма неизбежно использование жёстких методов не только против явных врагов, но и против тех, кто по каким-то причинам попал под подозрение.

Декларированная большевиками «диктатура пролетариата» также оказалась фикцией. Пролетариат никак не мог соответствовать той роли, которую приписывали ему отцы-основатели Страны Советов и ВКП(б) – классовая сознательность не заменит воспитания, а требуемые для управления государством знания невозможно получить за один семестр. Движущей силой в строительстве нового мира стали люди, обозлённые на свою судьбу, истомившиеся в ожидании возможности сделать успешную карьеру, лишённые тех прав, которыми обладала привилегированная часть населения России. Униженные и оскорблённые, достаточно умные, более или менее образованные, они стали могильщиками прежней государственной элиты – потомственной аристократии, интеллигенции, высшего чиновничества. Получив возможность отомстить, обиженные не ограничивали себя никакими нравственными принципами, преследуя цель наказания бывших притеснителей, а затем, расталкивая локтями конкурентов, рвались наверх, увлекая за собой близких по духу и происхождению людей. Похоже, со временем Сталин стал побаиваться их. Поэтому «чистки» конца 30-х годов в значительной степени затронули именно эту часть советских «аппаратчиков», и прежде всего, НКВД и армию.

Глава 18. Напрасные хлопоты

Хрущёвская оттепель, начавшаяся в середине 50-х годов, дала людям надежду на то, что с репрессиями покончено и теперь всё будет по-другому. Из лагерей и ссылки вернулись осуждённые по 58-й статье. Писатели, художники и кинорежиссёры получили возможность творить без опаски оказаться под судом по обвинению в контрреволюционной пропаганде. А после доклада Хрущёва на XX съезде КПСС в феврале 1956 года возникло ощущение, что теперь вполне допустимо критиковать власть и открыто выражать собственное мнение. Даже ввод советских войск в Венгрию для подавления восстания осенью того же года не поколебал уверенности в том, что грядут большие перемены.

В 1960 году на «Маяке», у памятника Владимиру Маяковскому на одноимённой площади в Москве, по вечерам стали собираться любители поэзии. Любой желающий мог здесь прочитать стихи, которые не всегда соответствовали требованиям политической цензуры. Такие никем не санкционированные «митинги» стали зародышем нелегальной оппозиции режиму. У диссидентов, как их позже называли, появилась уверенность, что их наверняка поддержат – надо только разъяснить согражданам сущность казарменного социализма, который обрекает их на бедность и несправедливость.

Действительно, в Советском Союзе было немало людей,

прежде всего, представителей творческих профессий, которые хотели большей свободы. Их не устраивали те уступки, которая предложила власть. Они могли доступными им средствами поддержать либеральные преобразования, но только немногие готовы были публично выдвигать политические требования, рискуя своим положением в обществе, а возможно, и здоровьем.

Поводом (или причиной) для публичных выступлений стал суд над писателями Даниэлем и Синявским в 1966 году, а через два года на Красную площадь вышли восемь человек, протестуя против ввода советских войск в Чехословакию. Причём одна из трёх женщин, участвовавших в этой акции, пришла с трёхмесячным ребёнком.

Эта ситуация чем-то напомнила историю Евгении Ратнер-Элькинд, члена партии эсеров и активной участницы восстания 1905 года на Пресне. В декабре 1917 года Ратнер стала членом ЦК партии эсеров, затем работала в подполье, возглавляя московское бюро ЦК. При этом она продолжала воспитывать трёх малых детей, что может вызвать лишь недоумение – самоотверженная борьба Елены Моисевны против ненавистной власти достойна уважения, но стоило бы подумать и о своей семье. В последующие годы Ратнер не раз подвергалась арестам, несколько лет находилась в ссылке и скончалась в тюрьме.

Той женщиной, которая вышла на Красную площадь с ребёнком, была Наталья Горбаневская, с 1968 года основатель

и редактор самиздатовского бюллетеня «Хроника текущих событий». А вот и причина, по которой всё это случилось:

«Цель <...> была – отмежеваться от "всенародного одобрения", или <...> "очистить совесть". Мы этой цели достигли и потому были такими радостными в участке, куда нас свезли с площади».

Так писала Горбаневская в аннотации к своей книге «Полдень», посвящённой событиям августа 1968 года. Книга была написана в 1969 году, через год опубликована мюнхенским издательством «Посев» и только в 2007 году появилась на полках московских книжных магазинов. Но трудно поверить, что и акция на Красной площади, и написанная позже книга были предназначены только для того, чтобы очистить свою совесть. Всё-таки была надежда на то, что их протест поддержат – увы, так и не сбылось. К счастью, судьба Горбаневской сложилась не столь трагично, как у Ратнер, однако ей не удалось избежать принудительного лечения в психиатрической лечебнице.

Но что же заставило этих людей пойти на конфронтацию с властями? Обострённое чувство справедливости? Уверенность в том, что эта власть значительно слабее, в сравнении со сталинским режимом, поэтому стоит на неё только надавить и она вынуждена будет подчиниться? Откуда у диссидентов появилось желание пожертвовать собой ради туманных перспектив переустройства общества?

Не так давно нас уверяли, что рядовой роты штрафников

Александр Матросов закрыл амбразуру дота по приказу, так может быть и диссидентам кто-то приказал? Нельзя же допустить, что все они были немного не в себе – в том состоянии, когда инстинкт самосохранения просто не работает.

Если речь идёт о последователях Абрама Гоца и Евгении Ратнер – они в составе партии эсеров боролись с царским самодержавием, – здесь побудительные причины достаточно понятны. И Горбаневскую, и Бабицкого, и Гинзбурга, и Богораз побудило выступить против власти желание обрести свободу для полной реализации своих способностей вопреки распространённому в обществе антисемитизму. Но каковы причины, которые заставили Андрея Сахарова и Юрия Орлова пожертвовать своей карьерой, а Солженицына написать «Архипелаг ГУЛАГ»?

Сахаров родился в семье учителя физики, поэтому выбор профессии учёного вполне логичен. Но вот на что следует обратить внимание – его дед был успешным адвокатом. Так что не только увлечение физикой перешло к Андрею Дмитриевичу по наследству, но и потребность добиваться справедливости и защищать права людей. Талантливый учёный, он уже в 1953 году был избран академиком, минуя звание членкора. Затем последовали многочисленные награды, после чего возникло ощущение безнаказанности – Героя Социалистического труда и лауреата Ленинской премии никто не сможет заставить замолчать. В противостоянии Сахарова с властями было нечто общее с поступком Натальи Горба-

невской, которая вышла на площадь, уверенная в том, что мать с грудным ребёнком ни при каких условиях не должны арестовать.

Можно предположить, что в своём «бодании» с правительством и Политбюро, начавшемся в середине 50-х годов, Сахаров рассчитывал на то, что его научный авторитет заставит власти внимательно отнестись к его рекомендациям по переустройству общества. Однако побудительным мотивом было то самое желание очистить совесть, о котором писала Наталья Горбаневская, – сначала участие в разработке термоядерного оружия, а затем внезапное прозрение и желание как-то искупить содеянное. Именно поэтому Сахаров выступил с инициативой заключения договора о запрещении ядерных испытаний. Вместе с тем, интеллектуалу его уровня трудно было смириться с тем, что многое в нашей стране делалось вопреки логике и здравому смыслу.

Увы, Андрей Дмитриевич представлял себе процесс принятия решений по реформированию государственного устройства примерно так же, как обсуждение какой-либо проблемы на семинаре по теоретической физике. Достаточно привести убедительные аргументы в пользу своей точки зрения, и все признают его правоту – останется только засучить рукава и воплотить в жизнь сформулированные им идеи. Но всё оказалось совсем не так, поскольку люди, облечённые властью, оперировали иными категориями. Многие из них понимали, что нужно что-то делать, однако в бреж-

невском Политбюро мало кто сознавал необходимость экономических реформ, а остальные держались за свои кресла и боялись лишиться привилегий.

Подвижничество Сахарова не имело желанного успеха – его оценили лишь на Западе, присудив Нобелевскую премию мира в 1975 году. После этого «секретный» физик стал известен и российским обывателям, но большинство восприняло его действия как наивную попытку «плетью обух перешибить». Куда полезнее для судеб России стало участие Сахарова в Межрегиональной депутатской группе в 1989 году. Вот как Гавриил Попов оценил его роль в достижении консенсуса между сторонниками политических преобразований (из книги Джесси Рассела «Межрегиональная депутатская группа»):

«Когда обнаружилось, что общих идей и программ у членов оппозиции нет, он предложил самую плодотворную идею. Не искать то, что нас позитивно объединяет. На это годы уходят. <...> Выделить только то, что нас объединяет в отрицании. <...> Нет – шестой статье Конституции. На этой базе объединили всех – монархистов, анархистов, левых коммунистов, социал-демократов».

Юрий Орлов тоже учился в МГУ на физика, но лет на десять позже Сахарова. Мысль о том, марксизм-ленинизм «это не то, что я хочу», вроде бы появилась у него во время службы в воинской части на Кавказе, в 1946 году. Через десять лет на партийном собрании, посвящённом обсужде-

нию доклада Хрущёва на XX съезде КПСС, он подверг весьма нелюбимой критике Сталина и Берию, потребовав проведения демократических реформ в КПСС. За это Орлов был исключён из партии и уволен из института, где работал. Но только в начале 70-х годов он стал активно участвовать в диссидентском движении, основав «Московскую Хельсинкскую группу». В ту пору Орлов выступал в поддержку Андрея Сахарова и Владимира Буковского. По совокупности «заслуг» он получил в 1977 году семь лет лагерей, а после окончания трёхлетней ссылки был выдворен из СССР. Странная, непонятная судьба, где одно с другим вроде бы никак не вяжется.

Причину столь радикального политического «разворота» бывшего фронтовика и члена партии следует искать в его биографии. Как пишет Орлов в книге «Опасные мысли», он вырос в деревне недалеко от Москвы. Кто были его родители – бедняки или зажиточные крестьяне – читатель так и не узнает. Однако автор книги признаётся, что на него тяжёлое впечатление произвело раскулачивание крестьян в его деревне. В 1929 году Орлову было всего лишь пять лет, так что он не мог самостоятельно разобраться в ситуации – видимо, на него повлияла реакция на эти события кого-то из родных. Напрашивается вывод, что семья была из твёрдых середняков. Будь юный Юра из бедных крестьян, он должен был бы радоваться, что имущество у «миродов» отобрали для всеобщей пользы. А вот как описаны эти события в его

книге:

«Идея колхоза почти всем у нас была противна; приписаться к колхозу, значило расстаться со своей свободой. Кто поумнее, тот предвидел побольше, бросал всё и уезжал. Так что, когда пришла разнарядка на общее число арестов «кулаков и подкулачников», в деревне остались одни бабы, и то не все».

Если бы автор написал «расстаться с нажитым имуществом», это было бы и понятнее, и честнее. Судя по всему, ни Юрий Фёдорович, ни его родня так и не простили советскую власть. Пришло время, когда ненависть прорвалась через маску покорности, и покатилося – просто потому что уже не было сил сдерживать свои эмоции. Но было ли что-то кроме этого?

Вот что Юрий Орлов написал в предисловии к русскому изданию своей книги в 2008 году:

«В социалистической идее по существу предположено, хотя ясно не говорится, что природные ресурсы и возможности интеллекта ограничены. В таком случае на первый план выступает задача оптимального потребления и распределения ресурсов. <...> В капиталистической идее заложена (тоже в скрытом виде) прямо противоположная гипотеза, что возможности природы и интеллекта неограниченны. Поэтому улучшение жизни одних не обязательно означает её ухудшение у других: может произойти просто открытие новых ресурсов и тогда выигрывают все».

Мягко говоря, довольно странные мысли, хотя и с претензией на оригинальность. Автор пишет, что «может произойти открытие новых ресурсов». А что делать, если этого не произойдёт? Тогда вся эта «концепция» выеденного яйца не стоит.

На самом деле в капиталистической системе сделана ставка на инстинкты, а производным от инстинкта продолжения рода является не что иное, как элементарная алчность. С учётом отсутствия нравственных ограничений в бизнесе, желание обеспечить безбедное существование себе и своим потомкам стало движущей силой экономического развития многих государств. Но вот беда, безудержное обогащение не гарантирует повышение уровня нравственности в странах с либеральной экономикой. Впрочем, Орлова это несколько не волнует.

В 1976 году, после нескольких лет пребывания в лагерях, во Владимирской тюрьме и принудительного лечения в психбольнице, из СССР был выслан известный к тому времени правозащитник Владимир Буковский. Его «прозрение» началось ещё в довольно юном возрасте – вот что он сообщил в интервью интернет-порталу «Сноб» 9 сентября 2012 года:

«Я, например, к четырнадцати годам [Буковский родился в 1942 году] чётко понял, что жить с этой системой не могу. Эта система хочет сделать из тебя нечеловека. В этом её задача. <...> Это Венгрия. Это доклад Хрущева о Сталине,

когда мы вдруг выяснили, что наш всеобщий папа массовым убийцей был. <...> Единственное желание не быть таким же. Никогда не участвовать в этой системе».

Трудно поверить, что осуждение культа личности Сталина и репрессий 30-х годов оказало столь сильное воздействие на сознание подростка, что он вдруг возненавидел всё советское. Либо он был восторженным поклонником вождя и потому разочарование в кумире привело к таким неожиданным последствиям, либо причина его ненависти совсем в другом.

Возможно, биография сможет дать ответ, однако вот беда – о родственниках Буковского известно очень мало. Отец – писатель и журналист. Мать работала в Доме звукозаписи. Но это нам ни о чём не говорит – куда интереснее покопаться в той части его родословной, которая относится к дореволюционным временам.

К счастью, в одном из интервью Буковский позволил себе пооткровенничать (эфир «Эха Москвы» 8 июня 2008 года):

«У меня дед был такой разбогатевший ремесленник. Он был мелкий предприниматель: у него был небольшой бизнес. Но вообще он ремесленник. Он хорошо руками работал: он делал золотые обрезы на книжках, потом стал делать золотые тиснения. Он был из немцев-колонистов во многих поколениях, екатерининский немец. И во многих поколениях они не смешивались: были немцами. Он был первый, кто женился на русской и переселился в Москву. Вот он открыл свой бизнес и преуспел неожиданно. Он купил

этот домик двухэтажный в переулках за Пушкинской площадью. Он назывался Южинский».

Примем эту довольно сумбурно изложенную информацию за основу и попытаемся найти в старых выпусках суворинского справочника «Вся Москва» какого-либо немца, владевшего домом в Большом Палашёвском переулке (с 1929 по 1994 год он назывался Южинским). Немца обнаружить не удалось, но зато выяснилось, что с конца XIX века до 1916 года дом № 4 принадлежал Терезе Гольденштейн, вдове купца.

В списках московских купцов с 1873 по 1884 год значился Николай Гольденштейн, купец 2-й гильдии. Свой бизнес он начал с изготовления мебели, но в 1881 году бросил это занятие и занялся литографией, став соучредителем фирмы «Иванов и Гольденштейн», которая обосновалась в доме барона Корфа на Тверской. Впрочем, вскоре Гольденштейн по болезни отошёл от дел, а в 1885 году его не стало.

Изготовление золотых обрешоток и тиснения входит в перечень производственных процессов литографии, поэтому нет сомнений, что Николай Гольденштейн была прадедом Владимира Буковского. Видимо, один из сыновей Гольденштейна, Сергей или Николай, пошёл по стопам отца и тоже стал мастером по золотому тиснению. В своём интервью Буковский рассказывает и о его жене:

«Бабушка была замечательный человек. Она кончила пансион благородных девиц. Она говорила свободно по-фран-

цузски. Она меня учила французскому. Я говорил с ней где-то лет в пять на детском французском, который забыл напрочь».

Вряд ли бабушка училась в институте благородных девиц, куда принимали исключительно дворян. Скорее всего, она закончила училище для девушек недворянского происхождения. Однако для нашего исследования куда важнее то, что случилось с дедом Владимиром Буковским после октябрьского переворота:

«Произошла революция. Дело его отобрали. Дом уплотнили. Он несколько раз сидел на Лубянке, совершенно непонятно за что. Однажды, как она [бабушка] рассказывала, просто за то, что с них требовали золото. Собрали всех местных бизнесменов в Москве, заперли их в камеру, не давали спать, свет горел, сесть было нельзя. Требовали только одно: отдайте золото. А у него не было золота, он не был так богат. Он был вполне себе средний бизнесмен. И вот каким-то чудом они его выцарапали оттуда. Ещё раз его арестовывали, лишали прав».

Теперь всё становится предельно ясно – ссылка на доклад Хрущёва была всего лишь невнятным оправданием, а ненависть к советской власти возникла у Буковского с тех пор, когда он понял, кто лишил его семью прежнего достатка и заставил переселиться из собственного дома в коммуналку.

В 60-е годы соседом Буковского по Южинскому переулку был Юрий Мамлеев. В его квартире располагался «эзотери-

ческий салон». Вот как описывал его в своих воспоминаниях эссеист Илья Бокштейн, в 1972 году покинувший СССР и обосновавшийся в Израиле:

«Коммунальная квартира, на двери шкура, то ли медвежья, то ли собачья. Холодная, неотапливаемая комната. Какой-то колченогий стол. Шпротики. Огрызки огурчиков. Больше ничего – даже хлеба. (Хозяин пил зверски.). Закуской к водке служило обсуждение проблем бытия человеческого. <...> Большинство посетителей и сам Мамлеев увлекались в первую очередь эзотерическими проблемами. Их называли "замоскворецкими Сократами". Собиралось много всякого народа, но постояльцами были только Сократы. Остальные приходили и уходили, как-то исчезали, приходили другие. <...> Нельзя сказать, что Мамлеев был уж вовсе индифферентен к тому, что тогда творилось в России, большевиком он ненавидел люто. Как-то в минуту откровения сказал мне: "Сорок лет страной правит скотская банда. Перебила всех, кого только могла перебить. Бог сошёл с ума"».

Чтобы так «люто ненавидеть», надо иметь серьёзные причины. Кое-что сам Мамлеев объяснил в одном из интервью:

«У меня сохранилась фотография – моя мама и её сестра ещё до революции в Париже. В политике они никогда не участвовали, скорее политика иногда интересовалась ими, в частности, моим отцом, его судили по 58-й статье, а за что, он и сам не знал. Такая типичная московская интеллигентная семья. <...> Уже после войны я окончил 122 школу в

центре Москвы, жил с матерью в Южинском переулке».

Мамлеева можно понять. Променять вполне обеспеченную жизнь (по слухам, Мамлеев был из княжеского рода) на комнату в коммуналке и огрызки огурцов – это кого угодно доведёт до эзотеризма, а то и до специализированной психлечебницы. По счастью, вплоть до своего отъезда из СССР Мамлеев не жаловал политику – похоже, права сограждан его ничуть не волновали. Попытки выразить себя в литературе со временем привели к «метафизическому реализму» – здесь он нашёл идеальный способ самовыражения, – а после возвращения в Россию увлёкся философией.

Совсем иные проблемы волновали в те годы Владимира Буковского. Лучшие годы своей жизни он посвятил борьбе с режимом, и вот хотелось бы понять – стоила ли эта овчинка выделки? Понятно, что диссиденты сделали всё, что смогли, но как оценить их вклад в ликвидацию советской власти?

В книге «Московский процесс» Буковский попытался подвести итоги:

«Нас оказалось гораздо больше, чем мы могли мечтать, а наше влияние на режим – более значительным, чем мы сами подозревали. Достаточно было самого поверхностного ознакомления с документами ЦК, чтобы в этом убедиться. Прежде всего, поражало их количество: КГБ докладывал ЦК буквально всё, каждую мелочь о нашем движении, и по каждой мелочи ЦК, а то и Политбюро должны были принимать решение».

Ссылки на ЦК и КГБ – это слабый аргумент. Упомянутые в документах профилактические беседы с одной-двумя тысячами человек в течение одного года тем более не убеждают. Куда интереснее мнение Лидии Алексеевой, одного из основателей Московской Хельсинской группы. Вот что в 2014 году она сообщила в интервью на сайте «Радио Свобода» о ситуации в диссидентском движении середины 70-х годов: «Мы были очень маленькое и очень обозримое общество».

Попытка Буковского выдать желаемое за действительное вполне логична, поскольку неудачнику трудно найти в себе силы признаться в том, что всё было впустую. На самом деле, в России преобразования происходят только сверху – в результате дворцовых переворотов, в результате заговора людей из ближайшего окружения царя, генсека или президента. Диссидентам повезло благодаря двум обстоятельствам: США инициировали резкое падение цены на нефть, что поставило экономику СССР на грань коллапса, а в Политбюро появился Александр Яковлев, «тайный диссидент» (см. следующую главу), стараниями которого возник политический кризис, завершившийся ликвидацией КПСС. Однако вот что странно – вместо того, чтобы поблагодарить, Буковский упрекает нежданного соратника в плагиате:

«Режим дряхлел, режим дышал на ладан, и надо было как-то спастись "партийной элите". Тогда-то и появился "либерал" Яковлев, главный прораб перестройки. Вдруг за-

пестрели газеты нашими лозунгами двадцатилетней давности: "правовое государство", "период застоя" и, конечно, гласность. Целые куски из наших самиздатских работ стали вдруг появляться в официальной печати, а то и в партийных решениях, разумеется, без кавычек».

Что уж тут говорить, до слёз обидно! «Прораб» был обласкан новой властью, ну а всё, что остаётся Буковскому, это пытаться доказать, что принесённые жертвы хотя бы чего-то стоили. Пожалуй, самый убедительный аргумент он привёл в интервью газете «Русская Германия» 27 мая 2008 года:

«Мне говорили Рейган и Тэтчер, что на них правозащитное движение в России оказало огромное воздействие».

Александр Солженицын не был активным участником диссидентского движения, однако благодаря его стараниям число противников действующей власти увеличилось. Это было уже на закате брежневской «эпохи застоя», когда по рукам ходили нелегально изготовленные копии его произведений. Можно понять желание бывшего зэка рассказать правду об ужасах ГУЛАГа, но только ли это заставило его посвятить оставшуюся жизнь критике большевизма и советского режима?

На страницах книги «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицын раскрыл страшную тайну: в лагере он вынужден был согласиться доносить на своих товарищей. Впрочем, по его словам, никаких доносов не было, однако не все склонны были доверять его словам. Вот что написал в книге «Портрет

на фоне мира» Владимир Войнович, также пострадавший от советского режима:

«Меня не столько то смутило, что он под псевдонимом Ветров подписал в лагере обязательство сотрудничать с "органами", сколько возникшее при чтении этого эпизода в "Архипелаге" чувство, что признание выдается за чистосердечное, но сделано как хитроумный опережающий шаг. Воспоминатель поспешил обнародовать этот случай, не дожидаясь, пока за него это сделают его гэбэшные оппоненты».

Против Солженицына выступил и его давний друг Лев Копелев. В «Открытом письме Солженицыну», написанном в 1985 году, есть такие слова:

«Особую, личную боль причинило мне признание о "Ветрове". В лагерях и на шарашке я привык, что друзья, которых вербовал кум [сотрудник оперативной части], немедленно рассказывали мне об этом. <...> А ты скрывал от Мити и от меня, скрывал ещё годы спустя. Разумеется, я возражал тем, кто вслед за Якубовичем утверждал, что, значит, ты и впрямь выполнял "ветровские" функции, иначе не попал бы из лагеря на шарашку. Но я с болью осознал, что наша дружба всегда была односторонней, что ты вообще никому не был другом, ни Мите, ни мне. <...> И во все последующие годы в Москве, каждый раз, когда я замечал, что ты хитришь, что говоришь неправду, что лицемеришь или, напротив, хамишь, я не мог порвать с тобой и потому что слишком прочно укоренены были во мне давние дружеские связи, но

прежде всего потому, что ты всегда был под угрозой».

Обвинения против Солженицына возникли после обнаружения фотокопии доноса, который Ветров написал в Экибастузском лагере. Есть мнение, что компромат был сфабрикован в КГБ для того, чтобы дискредитировать Солженицына в глазах противников советской власти и зарубежной общественности после его высылки в Европу. Однако недруги писателя убеждены в том, что Солженицын был доносчиком. Многие могла разъяснить экспертиза того самого доноса. Впервые её выполнил немецкий криминолог Франц Арнау, в 1978 году установивший по результатам анализа этого документа идентичность Ветрова и Солженицына – такое утверждение содержится в статье из немецкого журнала *Neue Politik*, № 2 за 1978 год («Военно-исторический журнал», № 12, 1990 г.). Согласно другой версии, от почерковедческой экспертизы, предложенной Солженицыным, Арнау отказался. Как бы то ни было, сторонники Солженицына пришли к выводу, что Арнау действовал по заданию «Штази» и КГБ. Однако оппоненты продолжали поиск доказательств.

В одной из своих книг Владимир Бушин намекнул на то, что фотокопию «экибастузского доноса» Арнау получил во время своего визита в Москву, и не от кого-нибудь, а от самого Льва Копелева – в книге он зашифрован литерой «К», но всё сходится именно на Копелеве:

«Этот человек и рассказал о подлинном характере инте-

ресующих нас лагерных событий 22 января 1952 года, поскольку был их очевидцем, он-то и презентовал Арнау донос Ветрова. При этом сообщил, что в своё время сей документ был предъявлен в ходе одного из процессов по реабилитации некоего третьего лица и, к счастью, сохранился у адвоката. Он получил документ от адвоката, которого удалось убедить в том, что документ может быть полезен "К" для его собственной реабилитации».

По мнению Бушина, передача фотокопии произошла в 1974 году, то есть когда Копелев всеми силами поддерживал гонимого властями Солженицына, и было это задолго до того, как они рассорились. Вот так попытка доказать факт одного доноса приводит к появлению другого обвинения, причём против человека, который уже не может постоять за самого себя.

Так был ли Солженицын стукачом? В некоторых случаях, когда есть не вполне убедительные факты, на помощь может прийти только логика. Способен ли зэк отказаться от обязательства сотрудничать? В лагере он в полной зависимости от своего начальника, так что попытка обмануть его, отлынивая от «работы», чревата самым огорчительным итогом.

Есть некое сходство двух путей, которыми ныне признанные авторитеты, Сахаров и Солженицын, пришли к необходимости жёсткой критики советской власти. Сахаров чувствовал свою вину в том, что принял участие в создании оружия массового поражения, а Солженицын понимал, что был

не прав, согласившись на сотрудничество с лагерной администрацией. Открыто никто не говорил, что виноват, однако их самоотверженность, их подвижничество можно объяснить попыткой искупить вину.

Часть 3. Всё только начинается

Глава 19. Колумбийский след перестройки

До сих пор отношение к событиям в СССР 1985-1991 годов двойственное, причём не только в России, но и за рубежом. Многие люди рады тому, что произошло. Другие видят в этих событиях злонамеренную акцию по развалу великой державы и более того – уверены в том, что всё было сделано по указке Запада, а основными исполнителями стали генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачёв и главный идеолог партии Александр Яковлев. Если против бывшего генсека не выдвигают явных обвинений в сговоре с американскими спецслужбами, то Яковлеву доставалось по первое число.

Вполне естественно, что источниками сведений о Яковлеве являлись бывшие сотрудники КГБ или партийные работники. В январе 1992 года обвиняемый по делу ГКЧП Владимир Крючков, бывший глава КГБ, на допросе сообщил (газета «Известия», 8 июля 1993 г.):

«По Яковлеву в КГБ поступала оперативная информация о его недопустимых, с точки зрения безопасности го-

сударства, контактах с представителями одной из западных стран».

Позже бывший генерал КГБ Евгений Питовранов утверждал, что подозрения в сотрудничестве Яковлева с иностранными спецслужбами возникли в 70-е годы, после того, как у него стали появляться дорогие вещи, а денежные траты значительно превысили зарплату советского посла – в то время Яковлев руководил посольством СССР в Канаде.

В октябре 2005 года в газете «Коммерсант» был приведён отрывок из рассказа бывшего главы КГБ Виктора Чебрикова:

«Я помню такой случай. Юрий Владимирович Андропов показал мне записку, с которой он был на докладе у Брежнева. О том, что Яковлев по всем признакам является агентом американской разведки. Леонид Ильич прочел и сказал: "Член ЦРК [Центральной ревизионной комиссии КПСС] предателем быть не может". Андропов при мне порвал эту записку».

В 2011 году Валентин Фалин, бывший секретарь ЦК КПСС, в одном из интервью сообщил следующее:

«Вскоре после командирования Яковлева в Канаду Центр получил данные о том, что он – "в кармане у американцев"».

В 2015 году бывший полковник КГБ Владимир Меднис передал на «Радио Свобода» свои воспоминания, где говорилось о том, что ещё в 1972 году он, резидент советской разведки в Монреале, получил сведения о связях высокопо-

ставленного советского работника с разведкой одной из западных стран и доложил об этом своему прямому начальнику Олегу Калугину. К удивлению Медниса, реакции не последовало. Меднису якобы удалось довести эту информацию до председателя КГБ Юрия Андропова, но и тогда реакции не было, более того – Медниса отстранили от оперативной работы. Этот загадочный пассаж из книги Медниса разъяснил в интервью «Радио Свобода» бывший генерал КГБ Олег Калугин: «Это Александра Яковлева он имел в виду, члена Политбюро». Сам же Калугин, в 1995 году сбежавший в США, до сих пор утверждает, что Яковлев не сотрудничал ни с ЦРУ, ни с другими зарубежными спецслужбами.

Действительно, ни «шпионом», ни агентом влияния Яковлев не был. Для воздействия на идейных коммунистов, претендующих на звание интеллектуала, в арсенале ЦРУ есть иные средства. Идеологической обработкой это трудно назвать, однако вовремя и как бы исподволь предоставленная информация о том, что в СССР тщательно скрывалось, способна оказать сильнейшее воздействие на впечатлительного человека. Не секрет, что гораздо позже, в 70-е годы, многие люди из числа интеллигенции становились диссидентами, наслушавшись «Радио Свобода» или прочитав «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. Увы, сокрытие правды чревато для власти весьма неприятными последствиями.

Александр Яковлев был одним из четырёх стажёров, прибывших в 1958 году из Москвы в Колумбийский универси-

тет по программе студенческого обмена, причём он имел отношение к ЦК, а не к КГБ или ГРУ, как остальные. Так уж случилось, что как раз ко времени его приезда в США на прилавках магазинов Лондона, Нью-Йорка и Торонто появилась книга Збинека Земана «Германия и революция в России», в которой были приведены копии документов из архива германского МИД периода первой мировой войны (см. главу 9). Следует иметь в виду, что Яковлев неплохо владел английским языком и даже прочитал роман Пастернака «Доктор Живаго», который тогда только-только появился в продаже – об этом он написал в своей книге воспоминаний «Омут памяти».

Не важно, каким образом книга Земана попала к нему на глаза, но нет никаких сомнений, что Яковлев был потрясён, ознакомившись с текстами телеграмм сотрудников германского МИД. Каково было человеку, свято верившему в идеалы коммунизма, избравшему карьеру сотрудника аппарата ЦК КПСС, узнать, что германское правительство через своих агентов финансировало большевиков! После этого не стоит удивляться красноречивому признанию, сделанному Яковлевым в книге «Омут памяти»:

«Я пришел к глубокому убеждению, что октябрьский переворот является контрреволюцией, положившей начало созданию уголовно-террористического государства фашистского типа».

Весьма и весьма резкое высказывание! Но этого Яковлеву

показалось мало:

«Большевизм лицемерен, двуличен и лжив, он безмерно угрюм и упорен, а потому исторически туп. <...> Советская власть была тотально коррумпирована с самого начала своего возникновения – коррумпирована политически, коррумпирована идеологически, коррумпирована экономически».

Подтверждением тому, что перелом в сознании Яковлева произошёл во время учёбы в Колумбийском университете, служат его собственные слова из предисловия к российскому изданию «Чёрной книги коммунизма», появившемуся на прилавках книжных магазинов Москвы в 1999 году:

«Давным-давно, более 40 лет назад, я понял, что марксизм-ленинизм – это не наука, а публицистика – людоедская и самоедская».

Итак, в «лживости большевизма» Яковлев убедился в 1958 году, хотя сомнения появились ещё раньше, сразу после доклада Хрущёва на XX съезде КПСС:

«Все последующие месяцы пытался разобраться в самом себе, в своих метаниях. Прежде всего, хотел понять, почему слова Хрущёва произвели на меня столь тяжкое впечатление?»

Однако назвать октябрьский переворот контрреволюцией, а большевизм лицемерным и тупым – это совсем не то, что разочароваться в Сталине. Ну а обвинение в коррумпированности «с самого начала» однозначно связано с немецкими деньгами, с «германо-большевистским заговором»!

После ознакомления с книгой Земана у Яковлева появилось вполне логичное желание более детально разобраться в том, что произошло накануне октября 1917 года. Именно этим объясняется его контакт с неким представителем западных спецслужб, который мог обеспечить ему доступ в «закрытую библиотеку», о чём в своей книге сообщил Владимир Крючков. Валерий Болдин, бывший помощник Горбачёва, в своих воспоминаниях («Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачёва») подтверждает, что Яковлев работал в библиотеках:

«Яковлев, вернувшись в Москву из Канады, рассказывал, что во время учебы в Колумбийском университете, роаясь в библиотеках, встречаясь с американскими учеными, добывал такую информацию и отыскивал такие её источники, за которыми наша агентура охотилась не один год».

КГБ и ГРУ Минобороны отдыхают! Однако чего не скажешь, чтобы оправдать собственную любознательность и замаскировать истинную цель поисков: докопаться до правды об октябрьском перевороте и о связях большевиков с иностранными державами. Но вот что важно: обвиняя большевизм в «изначальной» коррумпированности, Яковлев не приводит в своей книге никаких доказательств, словно бы пытаясь скрыть свои изыскания 1958 года и нелегальные контакты, о которых хотелось бы забыть. По существу, весь его антибольшевистский запал сводится к обвинениям в терроре:

«5 сентября 1918 года правительство легализовало террор, издав знаменитый декрет "О красном терроре". В нём говорилось о жизненной необходимости террора в условиях пролетарской диктатуры».

На самом деле, в постановлении от 5 сентября речь идёт совсем о другом – о необходимости применения крайних мер по отношению к активным врагам в сложившейся ситуации, когда революция в опасности, а вовсе не в условиях пролетарской диктатуры:

«Совет Народных комиссаров <...> находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путём террора является прямой необходимостью <...>, что необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путём изолирования их в концентрационных лагерях. Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам».

Характерно, что Яковлев «забыл» упомянуть о том, что это постановление появилось на свет через несколько дней после убийства главы Петроградской ЧК Урицкого и покушения на Ленина.

Столь же «забывчив» Яковлев и при анализе одной из статей Ленина:

«Уже в январе 1918 года, всего через два месяца после контрреволюционного переворота, в статье "Как организовать соревнование?" Ульянов-Ленин с удовлетворением отмечает наличие "тысячи форм и способов" внедрения "запо-

веди социализма"».

Далее в книге приводится цитата из статьи, в которой Ленин пишет о том, что «в одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы», что «в четвертом – расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом – придумают комбинации разных средств». Меры действительно жестокие, однако надо понимать, что в январе 1918 года городское население было на грани голода, но при этом находились люди, которые хотели усугубить эту ситуацию – против них и предлагалось направить карательные меры. Существенно, что в статье речь идёт не об «удовлетворении», но о тех рекомендациях, которые, по мнению Ленина, позволяют выйти из тяжелейшего положения:

«Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунарами, мелкими ячейками в деревне и в городе».

Совсем непросто обосновать свои политические взгляды, особенно если их нет – есть только сиюминутные, конъюнктурные соображения. Поэтому пришлось Яковлеву и в своей книге, и в интервью не раз прибегнуть к подтасовкам, излагая факты.

Вскоре после распада СССР и ликвидации КПСС Яковлева обвинили в том, что в 1966 году он собственноручно разработал сценарий суда над писателями Даниэлем и Синяв-

ским. Вот что написано об этом в книге «Омут памяти»:

«В сентябре 1965 года по записке КГБ подверглись аресту писатели Синявский и Даниэль, "вина" которых заключалась в том, что они, подобно Пастернаку, опубликовали свои произведения на Западе. <...> Вместе с отделом культуры я подписал рутинную в подобных случаях сопроводительную записку к записке КГБ. В ней предлагался порядок освещения процесса в печати».

Действительно, «порядок освещения» – это вовсе не указания ЦК, какие обвинения следует предъявить, как их обосновать, как формулировать. Однако надо понимать, что публикация за рубежом «клеветнических», «антисоветских» произведений – это сильнейший удар по идеологии. Поэтому вполне логично, что дело взял под свой контроль идеологический отдел ЦК КПСС – предлагался вот такой «порядок» (из книги Владимира Буковского «Московский процесс», часть I, 1996 г.):

«В целях разъяснения существа судебного процесса над Синявским и Даниэлем, а также разоблачения клеветнических измышлений буржуазной прессы <...> считали бы целесообразным осуществить следующие мероприятия: в творческих организациях <...> провести информации и разъяснительные беседы <...>; <...> редакциям газет "Известия", "Комсомольская правда", "Литературная газета", "Советская культура" опубликовать отклики читателей, а также видных представителей литературы, искусства и на-

уки, одобряющие приговор суда и осуждающие антисоветскую деятельность Синявского и Даниэля. <...> Комитету по радиовещанию и телевидению при СМ СССР подготовить и передать на зарубежные страны: выступления представитель советской общественности в поддержку приговора суда по делу Синявского и Даниэля; <...> материалы, разоблачающие клеветнический характер писаний Синявского и Даниэля, их призывы к террору, злостные антисемитские высказывания, широкое использование их произведений в целях холодной войны».

Как видим, идеологический отдел ЦК выступил в лучших традициях одурачивания населения. В своей книге Яковлев такие действия называл «контрреволюционными», когда ругал большевиков. Однако одно дело, когда навешиваешь ярлыки на других, и совсем другое, когда приходится самому оправдываться. В 1992 году Яковлев заявляет, что вся эта писанина – пустяки, на которые никто не обращал внимания (журнал «Столица», № 26):

«В ЦК партии огромная, если не большая часть работы шла вхолостую. Сплошная имитация деятельности: писали какие-то записки, составляли планы».

Уж если согрешил, признайся – может быть, тогда простят. Но нет, вместо обоснования или оправдания своих поступков – явная беспомощность. Проблемы возникали во всех случаях, когда надо было развеять подозрения на свой счёт – как правило, оправдывался он весьма невнятно, ес-

ли судить по воспоминаниям современников. Вот отрывок из интервью Владимира Буковского, посвящённого памяти Александра Яковлева:

«На поприще коммунистическом, конечно, сделал много такого, о чем, я думаю, потом жалел. Будучи заведующим агитпропом в брежневские времена, он, кстати, создавал агитационное обеспечение нашим процессам, в частности, процессу Синявского и Даниэля. Я как-то его спросил, он покачал головой грустно: "Да, – говорит, – было и такое"».

Впрочем, при жизни «прораба перестройки» Буковский высказывался о нём куда более откровенно («Московский процесс», 1996 г.):

«Яковлев теперь в отставке, политикой не занимается. Он теперь заведует Комиссией при президенте России по реабилитации репрессированных. Как если бы в 1945 году реабилитацией жертв Освенцима заведовал Геббельс».

Оппоненты Яковлева из числа бывших сотрудников КГБ, обвиняя Яковлева в сотрудничестве с ЦРУ, указывали на то, что во время работы в Канаде он получал дорогие подарки и тратил слишком много денег на покупку вещей, что невозможно было при его зарплате. Однако зачем ЦРУ финансировать Яковлева? Толку от него было мало, поскольку посол в Канаде не имел доступа к кремлёвским секретам и не курировал работу агентуры – для этого в штате посольства имелся кадровый сотрудник КГБ. Впрочем, был один сомнительный эпизод в работе Яковлева, когда за деятельность,

несовместимую со статусом дипломата, из Канады были высланы несколько сотрудников посольства. Такая акция могла привести к отзыву посла и предоставлению ему работы в Москве, где он мог быть куда полезнее для ЦРУ. Но всё это из области предположений.

Однако российские противники «перестройки» по-прежнему настаивают на связях Яковлева с ЦРУ. Видимо, не могут поверить, что сотрудник аппарата ЦК КПСС мог самостоятельно прийти к столь радикальной переоценке ценностей, забыв заветы Ильича и разочаровавшись в партийных установках, которые разрабатывались, как ни странно, при его участии.

Иначе объяснял «прозрение» Яковлева бывший заместитель госсекретаря США Ричард Армитедж. В ходе слушаний в палате представителей по надзору и правительственной реформе Конгресса США в ноябре 2007 года он утверждал, что именно американцы наставили идеолога «перестройки» на путь истинный:

«Одним из советников Горбачева был парень по фамилии Яковлев – тот самый, который придумал термин «перестройка». Он ещё во время холодной войны... учился в Колумбии [в Колумбийском университете]. И он учился у профессора, который рассказал ему о плюрализме. И Яковлев вернулся в тогдашний Советский Союз с идеей, что плюрализм может работать. И спустя 20 лет он стал советником. Таким образом, потребовалось некоторое время, чтобы реализовать эти

инвестиции, но мы это сделали».

Если бы американцы только научили Яковлева плюрализму, вряд ли бы он так люто возненавидел большевизм. Тут требовалось кое-что куда более основательное – разочарование в кумирах, которое наступило после ознакомления с книгой Земана и другой информацией, полученной Яковлевым во время пребывания в США.

Но как же ярый антикоммунист, если судить по его книге, мог совмещать свои взгляды с работой в идеологическом отделе ЦК КПСС, где занимал ответственные посты с 1965 по 1973 год и позже, с середины 80-х годов до распада Советского Союза? Для этого требовалось не только умение приспосабливаться к любым обстоятельствам, но также изрядная доля лицемерия. Впрочем, для партийных чиновников с середины 70-х годов это стало нормой – никто уже не верил в возможность построения «развитого социализма», все только зарабатывали деньги.

И всё же хотелось бы понять, почему после наступившего прозрения Яковлев остался работать в аппарате ЦК КПСС и почему именно он стал идеологом горбачёвской «перестройки». Казалось бы, одно связано с другим, но трудно поверить, что Яковлев тридцать лет готовился к тому, чтобы разрушить «большевистскую империю». Он настаивает, что всё было именно так – вот ещё один отрывок из предисловия к российскому изданию «Чёрной книги коммунизма»:

«Советский тоталитарный режим можно было разрушить

только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма. <...> Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика – механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма – сработала».

Однако если внимательно прочитать воспоминания Яковлева, становится ясно, что побудительным мотивом для «разрушения режима» стали для него жгучие обиды на руководство страны, которое при распределении наград и высших постов так и не сумело оценить его способности и усердие, не захотело предложить достойное место в партийно-государственной номенклатуре.

Впервые его обидели, когда не позволили стать полноценным главой отдела агитации и пропаганды – несколько лет он был заместителем заведующего, потом всего лишь исполняющим обязанности, что явно указывало на недолговечность такого состояния. А в том, что случилось в 1972 году, он вроде бы сам был виноват – написал статью для «Литературной газеты», выдержанную в лучших традициях Агитпропа (так называли отдел агитации и пропаганды ЦК). Ну кто сумеет опровергнуть такое утверждение:

«Рабочий класс растёт, развивается, повышает свою культуру, овладевает всё новыми знаниями, новыми методами труда, естественно, не уменьшает, а, напротив, усиливает его ведущую роль в коммунистическом строительстве.»

Всё бы ничего, даже несмотря на корявый стиль. Но дело в том, что, славя пролетариат, автор счёл возможным предупредить общество о нарастающей опасности мелкобуржуазного национализма и антисемитизма. В ЦК оценили реальность такой угрозы и отправили Яковлева на десять лет послом в Канаду, где с национализмом и антисемитизмом не было проблем. Впрочем, командировка Яковлева в Канаду могла иметь более серьёзные основания, о чём будет рассказано в следующей главе.

На новой должности тоже не обошлось без унижений. После вторжения советских войск в Афганистан западные страны отказались поставлять в СССР зерно. Проблему удалось решить благодаря дружеским отношениям канадского премьер-министра и советского посла. И вот за спасение страны от голода руководителей Внешторга наградили орденами, а Яковлеву не досталось ничего. Ну разве не обидно?

Однако с началом «горбачёвской перестройки» награды, звания и должности посыпались на Яковлева, как из рога изобилия. Давняя мечта сбылась – Яковлев занял место своего прежнего благодетеля, Михаила Суслова, и теперь, как главный идеолог партии, именно он определял направление развития страны, подсказывая Горбачёву, какие действия необходимо предпринять, чтобы реформировать КПСС и вывести СССР из политического кризиса. Как всем известно, старания «перестройщиков» привели к тому, что прежде могучая держава начала разваливаться.

Вклад Александра Яковлева в этот процесс в полной мере оценил американский политолог Ричард Пайпс, написав книгу «Александр Яковлев. Человек, чьи идеи спасли Россию от коммунизма» (Alexander Yakovlev. The Man Whose Ideas Delivered Russia from Communism). Надо заметить, что Пайпс по своим взглядам и происхождению близок к Джейкобу Шиффу – один перебрался в США из Польши, а другой приехал из Германии. Пайпс ненавидел коммунистов, а Шифф – царских сатрапов, и оба ненавидели антисемитов, а потому внесли посильный вклад в разрушение империи – российской, а потом советской. Пожалуй, Пайпс в этом деле преуспел гораздо больше – именно он, будучи советником президента Рейгана, предложил воздействовать на экономику СССР, инициировав обвал цен на нефть, главный источник наполнения союзного бюджета. Вот небольшой отрывок из книги Егора Гайдара «Гибель империи», опубликованной в 2006 году:

«Р. Пайпс был автором направленной американским властям в начале 1980-х годов записки, суть которой – рекомендации использовать зависимость советской экономики от конъюнктуры нефтяных цен для дестабилизации коммунистического режима. <...> Уже 26 марта 1981 г. в частном дневнике Р. Рейгана появляется запись по поводу брифинга о состоянии советской экономики, её проблемах, связанных с зависимостью от западных кредитов. В ноябре 1982 г. президент Р. Рейган подписал директиву о национальной без-

опасности (NSDT-66), в которой была поставлена задача нанести ущерб советской экономике».

А в 2014 году, после присоединения Крыма к России, престарелый политолог пошёл гораздо дальше, выразив неудовлетворение санкциями США и Европы против России:

«Они очень слабые, это санкции против отдельных людей. На месте президента Обамы я бы угрожал прекращением покупки российской нефти и газа со стороны Европы. США, Скандинавия могли бы поставлять Европе энергоносители, континент не полностью зависит от российских поставок».

Итак, США приложили руку к распаду Советского Союза, но если бы не Яковлев, вряд ли бы что-то получилось. Поэтому прав Ричард Пайпс, отдавая дань Александру Николаевичу – он даже в названии книги постарался привлечь внимание к его идеям.

Какие же идеи Яковлев положил в основание знаменитой «перестройки»?

«Перед тем, как продолжить свой рассказ о Перестройке, хотел бы ответить и тем критикам Реформации, которые назойливо утверждают, что преобразования в 1985 году начались без всякого плана и даже без идей. <...> На мой взгляд, все эти требования предварительного "плана" порождены привычной традицией советского мышления. Как это можно заранее спланировать жизнь миллионов людей? <...> Что касается идей, то их было в достатке. И не только у людей, которые осознанно сделали свой выбор, встали на путь ре-

форм. Эти идеи – идеи обновления – буквально витали в воздухе».

Итак, никакого плана не было, а идеи вроде бы витали в воздухе. Создаётся впечатление, что задача «перестройщиков» состояла не в том, чтобы реформировать страну, а в том, чтобы развалить её на части. При отсутствии понимания того, что и в какой последовательности нужно делать, иного результата трудно было ожидать. К тому времени в арсенале Яковлева были только гласность, позаимствованная у диссидентов, и тот самый плюрализм, которому его научил профессор в Колумбийском университете. Хотелось поскорее начать, а дальше – как получится. Увы, для исполнения роли российского Дэн Сяопина ни он, ни Горбачёв явно не годились.

Понятно, что когда нет собственных идей, приходится использовать интеллект советников, а иногда даже незваных доброхотов. Но чем объяснить тот факт, что Яковлев поддержал инициативу финансового спекулянта? Вот ещё один отрывок из книги «Омут памяти»:

«Однажды ко мне пришел известный финансист Джордж Сорос. Он дал мне подготовленную Фондом Сороса разработку о перспективах экономического развития СССР. Я прочитал её. Она производила сильное впечатление. Мне запомнилось, что в ней была изложена концепция эволюционного перехода страны к рыночной экономике, причём с серьёзными элементами социальной защиты. Эту записку я

немедленно направил Горбачеву. Он сказал, что прочитал её. Реакция наших экономических ведомств, в том числе и правительства, была глухой, равнодушной».

Джордж Сорос (Дьердь Шварц) родился в 1930 году в Будапеште. Несмотря на своё еврейское происхождение, он благополучно пережил времена Третьего рейха, а после окончания войны отправился в Англию, где учился в Лондонской школе экономики. В 1956 году Сорос перебрался в США, где в полной мере проявил свои способности финансового спекулянта. Для обеспечения операций с ценными бумагами он основал в оффшорных зонах специальные фонды (Quantum Funds), которые к тому же позволяли ему скрывать свои доходы от налогового ведомства США. Когда Джордж Сорос обратился к Яковлеву, его финансовые успехи были ещё впереди – только в 1992 году Сорос сумел заработать свой первый миллиард долларов на падении курса английского фунта стерлингов относительно немецкой марки. Тем не менее, уже в конце 80-х годов ни для кого не было секретом, что основной целью для него является получение прибыли любой ценой.

Вот такого человека Яковлев рекомендовал на роль спасителя России. К счастью, эта затея не нашла поддержки ни у Горбачёва, ни в правительстве СССР. Только при Ельцине люди Сороса получили возможность влиять на экономическую политику России. Но почему Сорос обратился к Яковлеву, а не к кому-то другому, например, к председателю

правительства?

Для того, чтобы понять причину, необходимо учесть, что имя Сороса связывают с международной еврейской организацией Бнай Брит (B'nai B'rith international) – вполне вероятно, что он является одним из её спонсоров (см. следующую главу). В то же время Колумбийский университет, где стажировался Яковлев, накрепко связан с именем Джейкоба Шиффа. Один из основателей Американского еврейского комитета и общества «Друзья русской свободы» был главным спонсором и этого университета, и Бнай Брит. До сих пор его имя находится в списке особо почитаемых персон в Колумбийском университете, что подтверждается существованием специального фонда, созданного на деньги Шиффа. Даже в научных публикациях нередко можно встретить упоминания о нём, когда приводятся сведения об авторе статьи: Jacob H. Schiff Foundation Professor of Psychology and Education или Jacob H. Schiff Foundation Professor of Social Economy. Впрочем, чаще используется краткое наименование – просто Schiffprofessor. Особый интерес представляет кафедра социальной экономики, созданная по инициативе Шиффа. Основная задача студентов этой кафедры – овладение методами воздействия на людей с целью развития их личности и, в конечном итоге, обеспечение прогресса человечества. Можно только догадываться, насколько хорошо Яковлев сумел овладеть упомянутыми методами и какое содержание вкладывали в понятие «прогресс» профессора Ко-

лумбийского университета.

Глава 20. Многоходовка Юрия Андропова

Решающий этап горбачёвской перестройки начался в мае 1988 года, когда Верховный Совет «на основе развития ленинских идей» принял закон «О кооперации в СССР», заявленной целью которого было «ускорение социально-экономического развития страны». Согласно этому закону, разрешалось создавать кооперативы с правом использования централизованных государственных ресурсов и самостоятельного проведения экспортно-импортных операций. Объединения кооперативов получили возможность открывать собственные коммерческие банки.

Бывает так, что благими намерениями оказывается вымощена дорога в ад. Примерно то же случилось и в СССР – производственные кооперативы, созданные при государственных предприятиях, ограничились своей деятельностью торгово-посредническими операциями, а фирмы, учреждённые по инициативе крупных госчиновников, занялись вывозом сырьевых материалов за границу. Помимо переправки за рубеж нефтепродуктов и леса, особую популярность приобрёл экспорт цветных металлов – для этого чиновники Минцветмета учредили специальную фирму, которая специализировалась на экспорте готовых изделий и промышленных заготовок под видом металлолома.

В 2010 году Михаил Полторанин, соратник Бориса Ельцина в начале 90-х годов, написал книгу «Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса», где изложил свою точку зрения на истинные цели этой перестройки:

«Там, за рубежом, чиновники стали складывать капиталы в кубышки, а вскоре инициировали разрушительную реформу банковской системы СССР. Чтобы в час «X» легально, через свои банки, ввезти эти деньги, или, как называют экономисты, переходную ренту в страну для скупки обескровленных предприятий. Они уже тогда, задолго до 92-го года, готовились к приватизации. И, полагаю, уже тогда запланировали выпускать чеки-ваучеры не персональные, а обезличенные. Так проще было стать хозяевами новой жизни».

Против такого заявления трудно возразить, поскольку события с конца 80-х до середины 90-х годов не имеют иного объяснения. Но из какого застойного болота выросла эта невиданная алчность, желание разбогатеть любой ценой? Откуда появилась эта армия мошенников, попиравшая и закон, и нравственные принципы?

Полторанин предложил своё объяснение:

«Человека в рамках приличия держат вера или страх. Первого у них не было, а от второго они освобождались».

Попробуем разобраться в этом утверждении. Как известно, все мы существуем благодаря инстинктам, поэтому страх наказания это всего лишь проявление инстинкта самосохранения. Здесь многое зависит от власти – если власть слаба,

то у людей может возникнуть ощущение вседозволенности. Эта вседозволенность в 90-х годах привела к тому, что очень точно называли беспределом. Что же касается веры, это и вообще нечто эфемерное – сегодня она есть, а завтра может наступить разочарование в прежних идеалах. Наглядный пример – Александр Яковлев, который сначала верой и правдой служил советской власти, а позже стал её заклятым врагом. Так что не прав Полторанин – вера и страх здесь совершенно ни при чём.

На самом деле, мошенничество и воровство – это одно из проявлений инстинкта продолжения рода, который выражается, в частности, в стремлении обеспечить материальный достаток себе и своим потомкам. Но что может удержать человека от дурных поступков, если закон не совершенен, а его служители не могут или не хотят выполнять свои обязанности?

В этом случае особое значение имеют нравственные принципы, заложенные в наше сознание в процессе воспитания. Если воспитание основано на обмане, на примитивной пропаганде, то рано или поздно наступает неизбежная реакция – лицемерие становится нормой поведения, а вслед за этим на первый план выходит алчность, желание обеспечить своё благополучие любым путём, даже за счёт обнищания других людей.

Может показаться, что всё не так уж плохо, поскольку существует неоспоримый факт – освобождённая от груза нрав-

ственных ограничений частная инициатива способна сотворить чудеса, что все мы видим на примере США. Однако забвение нравственных принципов в экономике чревато распространением этой заразы и на другие сферы, такие как массовая культура, отношения между людьми и даже внешняя политика. Следствием этого становится торжество принципа: цель оправдывает средства.

С конца 80-х годов либеральные политики и журналисты твердили нам, что скоро у всех советских граждан появятся равные возможности, чтобы начать свой бизнес и разбогатеть – надо только дождаться, когда руководство страны проявит политическую волю и осуществит либеральные реформы в экономике. Но вот прошло несколько лет, и оказалось, что разбогатеть смогли, в основном, лишь те граждане, возможности которых были значительно выше среднего значения по стране. Здесь важно было иметь не только финансовые накопления, но и полезные связи среди людей, наделённых властью.

О некоторых из этих людей пишет Полторанин:

«Ярче всех заблистала звезда Михаила Фрадкова – в 88-м первого зама начальника главного управления координации и регулирования внешнеэкономических операций МВЭС СССР. В 92-м он стал замом у министра МВЭС РФ Петра Авена, затем сам перешел в министры, а при Путине поднялся до поста председателя правительства России. Сегодня возглавляет службу внешней разведки».

Действительно, Михаил Фрадков сделал блестящую административную карьеру, однако его успехи, как ни странно, повлияли и на бизнес Михаила Фридмана. Фирма Фридмана в то время процветала, регулярно получая заказы на поставку продовольствия в обмен на нефть. Когда же «родной человек» вошёл в состав правительства, для Фридмана и вообще наступили золотые дни. Не без труда и не без некоторых потерь нравственного свойства ему удалось то, о чём многие мечиают – наложить лапу на лакомый кусок нефтяного «пирога»! Впрочем, фридманам и потаниным посвящена следующая глава, а здесь вернёмся к экономическим реформам конца 80-х годов, о которых со знанием дела поведал в своей книге Полторанин.

В начале 1985 года на бывшей сталинской даче в Волынском собралась группа экспертов для разработки концепции перестройки:

«Мы говорили в Волынском, что перестройку начинать надо не с разговоров о глобальных проблемах, а с такого, вроде бы неприметного шага – дать людям право открывать частное дело (не так, конечно, как маханула власть в 88-м с кооперативами при предприятиях). Для начала – в сфере обслуживания, в производстве еды и всего того, на чём мы спим и сидим и что на себя надеваем».

Такие рекомендации можно только поддержать. Однако для того, чтобы реализовать благие пожелания, необходимо было сначала разработать массу законов и подзаконных

актов, регулирующих деятельность частных предприятий, иначе неизбежны злоупотребления. Так оно и получилось – частники поначалу получили почти неограниченную свободу, о чём бизнесмены в любой другой стране могли только мечтать. В те годы достаточно было лишь вовремя отстёгивать «нужным людям» часть своих доходов, чтобы те не обращали внимания на нарушение законов. Ну а прикормленное депутатское лобби старалось выхолостить содержание этих законов, чтобы не огорчить своих работодателей. Да что об этом говорить, если многие жители России до сих не могут оправиться от потрясений тех лет – миллионы людей лишились накоплений, потеряли работу или, основав свой бизнес, разорились, потому что не выдержали «честной конкуренции» и многочисленных поборов, от криминальной крыши до прожорливых налоговиков.

Но чем знаменательны последние годы существования СССР, кроме провозглашения гласности и поощрения частной инициативы в экономике? Одно из самых важных событий случилось в гуманитарной сфере – об этом пишет Полторанин:

«В декабре 88-го в Москве состоялось официальное открытие ложи Всемирного Ордена Бнай Брит. На церемонии присутствовали чиновники из ЦК, Совмина и КГБ СССР. Прибыл из США руководитель этого ордена. Он с удовлетворением сообщил, что кремлёвская власть дала разрешение членам его организации из других стран беспрепятственно

посещать Советский Союз. И даже поделился некоторыми планами: для 150 перспективных членов Бнай Брита в Ленинграде начинают давать уроки каратэ. <...> Это иудейский международный финансовый интернационал, это ядро и мозг мирового масонства. <...> Бнай Брит давно занимается подбором и обучением нужных людей – создал целую сеть центров по подготовке своих кадров. Эти кадры экономистов эксперты <...> внедряют в правительства богатых природными ресурсами стран с вполне определёнными задачами».

Коль скоро речь зашла о задачах Бнай Брит, имеет смысл сначала обратиться к её истории. B'nai B'rith International была образована в 1843 году. Название этой организации переводится как «Дети Завета», хотя иногда встречается и другое толкование – «Сыновья Завета». В уставе Бнай Брит записано, что целью её деятельности является обеспечение безопасности и целостности еврейского народа и государства Израиль, борьба с антисемитизмом и фанатизмом. Эта цель достигается путём укрепления еврейской семейной жизни, предоставления услуг на широкой основе в интересах пожилых людей, а также содействием пропагандистской деятельности по всему миру в интересах еврейского народа. Для достижения поставленных целей необходимы квалифицированные кадры, так что сотрудничество с учебными заведениями – это приоритетная задача для Бнай Брит.

Успешная деятельность столь серьёзной организации

невозможна без поддержки сотрудников спецслужб. Конечно, такое взаимодействие незаконно и не подлежит разглашению, но вот в апреле 2016 года Бнай Брит на своём сайте «проговорились», выразив благодарность за тесное взаимодействие бывшему высокопоставленному офицеру Центрального разведывательного управления США, незадолго до этого ушедшему в отставку. Когда-то Дэвид Роземан считался главным «переговорщиком» в ЦРУ, его даже называли «секретным оружием», которое было предназначено для использования в особо сложных ситуациях, если другие средства были бесполезны. Теперь, после отставки, Роземан может вполне легально поработать на Брай Брит – его умение воздействовать на сознание людей наверняка востребовано.

Ещё в октябре 1913 года орден Бнай Брит учредил Антидиффамационную лигу (ADL), призванную остановить диффамацию еврейского народа, то есть распространение позорящих его сведений. Впрочем, заявленная цель далеко не всегда согласуется с реальными делами. Так, Абрахам Фоксман, национальный директор ADL, упрекая Россию в том, что она «разыгрывает карту антисемитизма на Украине», заявил (The Huffington Post, 14 марта 2014 года):

«Гораздо больше антисемитизма проявляется во всемирном движении Occupy Wall Street, чем мы видели до сих пор в революции на Украине».

Тем самым Фоксман косвенно признал, что истинная цель организации состоит в защите интересов крупных финансо-

вых воротил, на средства которых она и существует.

А вот мнение бывшего сотрудника госдепартамента США доктора Альфреда Лилиентала (журнал The Washington Report on Middle East Affairs, июнь 1993 года):

«ADL стала самой мощной еврейской организацией в США, затмив даже породившую её Бнай Брит, не говоря уже об аристократическом Американском еврейском комитете. <...> Можно без преувеличения сказать, что ADL является наиболее влиятельной организацией в Соединённых Штатах. Она работает в тесном сотрудничестве с израильской разведкой Моссад, а иногда и с ФБР или ЦРУ. Она имеет несколько тысяч секретных досье на частных лиц в США и Канаде».

Действительно, в апреле 1993 года полиция Сан-Франциско обнаружила в офисах ADL файлы на американцев арабского происхождения, на членов Greenpeace и других учреждений, групп и отдельных граждан. Информацию ADL незаконно получала от своего агента в полиции Сан-Франциско.

Бнай Брит пошла гораздо дальше могущественной ADL, распространив своё влияние на страны Восточной Европы. В 1989 году Брай Брит стала первой международной еврейской организацией, получившей право работать в СССР. По мнению Полторанина, основная цель Бнай Брит состоит в подготовке кадров, которые обеспечат решение стратегических задач, сформулированных финансовыми спонсорами этого

ордена:

«Бнай Брит давно занимается подбором и обучением нужных людей – создал целую сеть центров по подготовке своих кадров. Эти кадры экономистов эксперты Глобосистемы внедряют в правительства богатых природными ресурсами стран с вполне определёнными задачами. <...> Кураторами кадровых центров называют бывшего госсекретаря США Генри Киссинджера, миллиардеров Джоржа Шварца (он же Сорос) и Шауля Айзенберга (после его ухода – Дэвида Рубена). <...> Среди таких центров наиболее известен в России Международный институт прикладного системного анализа (ИИАСА), разместившийся в Лаксенбургском замке под Веной».

Увы, версия о связях Бнай Брит с IIASA (International Institute for Applied Systems Analysis) не находит подтверждения. На самом деле, для подготовки кадров использовались крупнейшие американские университеты – Колумбийский, Гарвардский, Корнелльский, – а также частный женский гуманитарный Барнард-колледж на Манхэттене. Все эти учебные заведения в начале прошлого века получали значительную финансовую помощь от банкира Джейкоба Шиффа, а после его смерти функция покровителей перешла к Бнай Брит, с которой Шифф был тесно связан.

Что же касается IIASA, то нет сомнений, что со дня основания его деятельность находилась под контролем ЦРУ. Впрочем, КГБ тоже уделял немалое внимание этому между-

народному проекту. В декабре 1982 года американский журнал Parade опубликовал статью, где со ссылкой на ЦРУ сообщалось о несанкционированном доступе в компьютер Cray 1А британского научно-исследовательского центра ядерного оружия в Олдермастоне. Якобы, эта шпионская акция была осуществлена через сеть ПАСА с центром в австрийском Лаксенбурге. Однако министерство обороны Великобритании поспешило заявить, что считает эту историю выдумкой, так как Cray 1А не имеет внешних компьютерных связей. И всё же не бывает дыма без огня – за полтора года до этого несостоявшегося скандала один из секретарей ПАСА, представлявший в нём интересы СССР, подал в отставку после того, как был обвинен в управлении шпионской сетью в Норвегии, которая собирала секретную информацию о добыче нефти в этой стране.

ПАСА был создан в октябре 1972 года по инициативе Ричарда Никсона и Леонида Брежнева на волне наступившей разрядки в отношениях между СССР и США. В то время начался интенсивный обмен научной информацией между учёными двух стран, в частности, по программе «Союз-Аполлон». Но вот прошло несколько лет, и вдруг американцы обнаружили, что их технологическое преимущество над СССР тает на глазах. Американский биолог Рейчел Вердон в одной из своих книг обвинила в случившемся учёных США (Rachel Verdon, 'Murder by Madness 9/11: The Government & the Goon Squad', 2012):

«Эти люди не были ни официально избранными должностными лицами, ни даже кабинетными назначенцами, но они определяли нашу внешнюю политику. Кто же высиживал яйца этой безрассудной кукушки? А также кто были эти вагнеровские валькирии в гнезде ПАСА? Филипп Хэндлер, президент Американской Национальной академии наук был ответственен за возникновение этой сплочённой стаи. ПАСА – это был возродившийся Кельштайнхаус Гитлера».

Кельштайнхаус – это «Орлиное гнездо», резиденция Адольфа Гитлера в Берхтесгадене. Такому сравнению не стоит удивляться, поскольку Рейчел Вердон и прежде обвиняла СССР во всех смертных грехах, вплоть до сотрудничества с нацистами в создании биологического оружия перед второй мировой войной.

Простим американской леди эти завихрения ума, но вот что хотелось бы понять. Зачем Полторанин твердит нам об «иудейском международном финансовом интернационале»? Что изменится, если мы поверим, что все наши беды от американских и европейских банкиров еврейского происхождения? Конечно, Ротшильды, Шиффы, Варбурги и их последователи изрядно потрудились для того, чтобы создать в России комфортную среду для соплеменников. Но это их святое право, так что российским евреям просто повезло – никто ведь не откажется, если ему помогут в освоении современных технологий, а то и протолкнут на важный пост в правительстве.

На первый взгляд, с ПАСА всё предельно ясно – СССР и США пытались использовать этот международный институт в собственных целях, причём цели у них были разные. СССР получил доступ к западным технологиям, а США надеялись приобрести в лице выпускников ПАСА сторонников западного образа жизни и апологетов американской демократии.

Но есть более замысловатая версия создания ПАСА, основанная якобы на анализе секретных документов из архива КПСС. Вот что Михаил Полторанин, в 1992 году возглавлявший межведомственную комиссию по рассекречиванию документов КПСС, заявил в одном из интервью (12 июня 2016 года):

«Знаменитая "косыгинская реформа", которую председатель Совмина запустил в 1965 году, по большому счёту ничего не дала. <...> В итоге собрались два человека [глава КГБ Юрий Андропов и председатель Совета министров Алексей Косыгин] и приняли решение, что нужно что-то менять. <...> Они хотели оставить демократический социализм, но при этом разрешить частную собственность. А на Западе покупать высокие технологии».

Как известно, реформы, начатые по инициативе Косыгина в 1966 году, были свёрнуты уже через пять лет. На это повлияли события в Чехословакии, где логичным продолжением экономических реформ стала попытка провозгласить «социализм с человеческим лицом», что никак не соответствовало планам руководителей КПСС. Поэтому Андропову

пришлось искать обходные пути. Джермена Гвишиани, зятя Косыгина, отправили в главный мозговой центр Запада, в Римский клуб, чтобы заручиться поддержкой в реализации плана, разработанного Андроповым и Косыгиным. В результате этого и возник Международный институт прикладного системного анализа (ИАСА) – Полторанин так определяет цель его создания:

«Институт был нужен для того, чтобы послать туда на обучение молодых "архаровцев", которым впоследствии надлежало прибрать страну к своим рукам... Кто же составил штат института или хотя бы проходил там стажировку? Гавриил Попов, Егор Гайдар, Андрей Нечаев (будущий "ельцинский" министр экономики), Александр Жуков (из Госдумы), Пётр Авен, Евгений Ясин, Александр Шохин, Михаил Зурабов, Анатолий Чубайс, Сергей Глазьев и многие другие, которые сейчас крутятся во власти».

Пока что всё вроде бы вполне логично. Начать решили с подготовки специалистов по рыночной экономике с тем, что бы затем поручить им управление экономикой страны. Правда, не понятно, каким образом Андропов и Косыгин рассчитывали добиться от Политбюро решения, которое бы легализовало частную собственность на средства производства. Вряд ли они надеялись протолкнуть выпускников ИАСА хотя бы на должности секретарей ЦК.

В те годы сложилась довольно странная ситуация – США всеми силами старались развалить СССР (тут и падение цен

на нефть, и развязанная ими гонка вооружений), а наши «яйцеголовые» ездили на Запад набираться опыта. Чему их там смогли научить? Возможно, успешная карьера Александра Яковлева после стажировки в Колумбийском университете не давала кое-кому из них покоя.

А дальше совсем уж непонятно: по мнению Полторанина, вместо того, чтобы «прибирать страну к рукам», выпускники ПАСА стали делать нечто совершенно непотребное:

«Начали с разрушения нашей высокотехнологичной экономики. Знаете ли вы, что к 1972 году по производству микроэлектроники мы выходили почти на первое место. <...> И вдруг с 1974 года резко сократили финансирование, предназначенное для развития высоких технологий, в то время как американцы, наоборот, бросили в эту отрасль большие деньги. А мы <...> начали осваивать нефтяные и газовые месторождения, прокладывая трубы за рубеж, чтобы продавать нефть. То есть заложили основы нынешней сырьевой экономики».

На самом деле всё не так. В микроэлектронике мы и в 70-е годы сильно отставали, поскольку копировали западные образцы, в то время как зарубежные производители уже успевали создать что-то более совершенное. Именно благодаря ПАСА нам удалось получить доступ к современным технологиям – сначала знакомились с западными разработками, а потом воспроизводили их на советских предприятиях.

Приходится признать, что на страницах книги Михаила

Полторанина нередко одно с другим не сходится. Но вот с чем можно отчасти согласиться, так это с мнением о личности Андропова:

«Андропов – вообще мужик очень странный, биография у него тёмная. Известно, что он сын Евгении Флекенштейн, происходившей из семьи владельцев дореволюционной сети ювелирных магазинов в Москве. Возможно, поэтому Андропов всю жизнь крутился, изворачивался».

Действительно, биография всесильного шефа КГБ до сих пор покрыта мраком. Такую таинственность можно понять, если бы речь шла о строго засекреченном советском разведчике, работавшем в британской МИ-6 или в ЦРУ. Однако зачем скрывать подробности биографии человека, умершего тридцать лет назад, тем самым давая повод для появления самых невероятных слухов? Ведь даже родословную Ульянова-Ленина рассматривали в 30-е годы под микроскопом чуть ли не до пятого колена.

Как сказано в официальной справке Политбюро КПСС, Юрий Владимирович Андропов родился 2 (15) июня 1914 года на станции Нагутская Ставропольского края. Его мать, Евгения Карловна Флекенштейн, была дочерью торговца ювелирными изделиями. Магазин Карла Францевича Флекенштейна размещался в доме № 26 на Большой Лубянке, а семья арендовала квартиру в том же доме. Со слов Юрия Владимировича известно, что его отец работал телеграфистом на железнодорожной станции близ Моздока – Влади-

мир Константинович Андропов вроде бы учился в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта и умер в 1919 году от тифа. В справочниках «Вся Москва» нет сведений об иногородних студентах, однако если женитьба состоялась хотя бы за год до рождения ребёнка, то должны быть сведения о совместном проживании супругов в 1913 году. Поскольку упоминаний об этом нет, можно предположить, что в том же году Владимир Константинович получил назначение, и жена отправилась вместе с ним на Северный Кавказ. Смущает то, что Евгения Карловна, если верить справочникам «Вся Москва», жила в Москве, по крайней мере, до начала 1916 года. И уж совсем непонятно, как студент-железнодорожник смог очаровать дочь состоятельного торговца – весьма сомнительно, что её увлекла перспектива обосноваться в провинциальной глуши, на богом забытом железнодорожном полустанке.

Есть и другой вариант, основанный на содержании всё того же справочника. В Москве с 1907 года почти до самой революции проживал дворянин Владимир Александрович Андропов, помощник присяжного поверенного. Ну чем не претендент на роль отца? Впрочем, есть аргументы и против этой версии. Евгения Карловна и Владимир Александрович до 1916 года жили по разным адресам – она на Большой Лубрянке, а он в последние годы облюбовал для проживания Малую Ордынку.

Чтобы разобраться в этой ситуации, пришлось на основе

доступных сведений составить, хотя бы в общих чертах, родословную этого рода, и вот что удалось выяснить. Андроповы – казачий род, многие его представители выбрали военную карьеру. В начале XIX века на Дону жили братья Пётр, Николай и Александр Андроповы. Василий, сын Петра, родился в 1828 году, закончил в Петербурге училище гвардейских прапорщиков, был участником Севастопольской компании, а после женитьбы на Софье Карловне Эшлиман, дочери известного архитектора, вышел в отставку. Один из его сыновей стал врачом, а другой увлёкся революционными идеями и примкнул к большевикам.

Пётр, сын Николая, с 1863 по 1873 год служил офицером лейб-гвардии Казачьего полка и в 1880 году имел чин штаб-ротмистра Войска Донского. Его младший брат Константин служил в том же полку в чине корнета, уволен со службы в 1874 году в чине штаб-ротмистра, был трижды награждён орденами за воинскую доблесть, а к 1897 году имел уже чин войскового старшины (майора) Войска Донского. Валериан, сын Александра, в 1897 году также служил в Войске Донском, но в чине есаула.

Логично предположить, что Владимир Константинович, по примеру отца, выбрал военную карьеру. Не суть важно, как он оказался в Москве и познакомился с Евгенией Флекенштейн. Здесь следует обратить внимание на то, что уже не в первый раз представитель рода Андроповых выбирает себе невесту из среды состоятельных немцев – трудно объ-

яснимое влечение! Разве что Евгения Карловна была очень хороша собой.

Теперь нетрудно объяснить отъезд Владимира Константиновича с женой и сыном в 1918 году на юг. С началом первой мировой войны он отправляется на фронт, а после октябрьского переворота и развала армии возвращается в Москву с тем, чтобы принять участие в борьбе против большевиков. В то время многие бывшие офицеры вместе с семьями пробирались на Дон, «к Каледину» – аналогичный случай описан в романе Алексея Толстого «Хождение по мукам» на примере капитана царской армии Вадима Рощина. Скорее всего, отец будущего главы КГБ погиб, сражаясь в Добровольческой армии Деникина, поэтому Юрий Владимирович и придумал незамысловатую историю об отце-железнодорожнике, умершем от тифа.

Если связать в единую цепь Джейкоба Шиффа, масонский орден Бнай Брит, Парвуса-Гельфанда, Колумбийский университет, куда Александра Яковлева направили то ли с согласия, то ли по настоянию Андропова, а также некоторые особенности биографии Юрия Владимировича, то может получиться весьма занятная история.

Тут самое время обратиться к книге «Омут памяти» Александра Яковлева:

«Не могу сказать, что я оказался отверженным человеком и в высшем эшелоне власти. Кроме Громыко, который принимал меня охотно, бывал у Андропова, когда надо было со-

гласовывать кадры разведки».

Что это за «кадры разведки», Яковлев не пояснил. Обычно резидентуру курировал один из секретарей посольства, который взаимодействовал с начальством в КГБ напрямую, не информируя посла. А назначал секретаря посольства глава МИД по представлению всё того же КГБ. Так что мнение посла в таких делах никого не интересовало. Его привлекали к делу, если только возникала критическая ситуация, чреватая международным скандалом. Исключения возможны, но только в том случае, если сам посол был кадровым сотрудником спецслужб.

Судя по всему, Яковлев решил как-то оправдать встречи с главой КГБ, и в своей книге нечаянно «проговорился». Отсюда следует, что была очень важная тема для его бесед с Андроповым, причём эта тема была настолько засекречена, что даже нельзя было использовать спецсвязь. Ради этих встреч Яковлев и прилетал Москву. Но если заново проанализировать события, предшествовавшие назначению Яковлева послом в Канаду, то возникают кое-какие подозрения.

В 1972 году создаётся IIASA, своеобразная площадка, которая позволила свободно общаться российским и западным учёным, естественно под присмотром спецслужб. Понятно, что не Брежневу пришла в голову столь богатая идея – такие проекты заранее прорабатываются в КГБ. В том же году «Литературная газета» публикует статью Яковлева, которая вызывает неудовольствие в Политбюро, и в результате ответ-

ственный работник ЦК попадает в опалу. Как правило, в подобных случаях проштрафившегося чиновника направляют послом в Монголию или на Кубу, но с Яковлевым всё не так – он получает назначение в Канаду. Такое решение наверняка было принято по рекомендации руководства КГБ. И между прочим, от Оттавы совсем недалеко до Вашингтона.

А что если провокационная по содержанию статья Александра Яковлева была написана только для того, чтобы «сослать» его в Канаду, а заодно навесить ярлык отверженного и тем самым вызвать сочувствие, а затем и доверие Пьера Трюдо, тогдашнего главы правительства Канады? В своей книге Яковлев признаёт, что между ними установились весьма тёплые, дружеские отношения. Таким вот необычным образом началось наведение мостов между Андроповым и представителями Запада. Но какова была конечная цель этого мероприятия?

Судя по всему, Андропов, став в 1967 году главой КГБ и получив огромную власть, решил сыграть в свою игру – постепенно модернизировать политический режим и осуществить либерализацию экономики. По мнению Полторанина, Андропов и Косыгин «хотели оставить демократический социализм, но при этом разрешить частную собственность». Вполне логично, что «заговорщики» решили заручиться поддержкой ведущих западных стран, и прежде всего США, поскольку Советский Союз не имел достаточных средств для реформирования экономики и не мог рассчиты-

вать на приобретение современных технологий.

Впрочем, кое-какие финансовые резервы были, но предназначены они были для использования в критической ситуации, если бы возникла угроза существованию советской власти. По словам Виктора Геращенко, бывшего председателя Госбанка, перед развалом Советского Союза в Госбанке СССР существовали «три кассы, набитые деньгами» – касса ЦК КПСС, касса КГБ и касса Госбанка. Только в ведении КГБ было 25 миллионов долларов. Однако все эти деньги бесследно исчезли к концу 1991 года.

Один из «младореформаторов», Андрей Нечаев, ссылаясь на письмо председателя Госбанка президенту СССР, утверждал, что золотовалютный резерв составлял 240 тонн, в то время как мировые рынки всегда оценивали его в 1300 тонн. Однако за последние два года перестройки запасы золота значительно уменьшились – от них осталась едва ли пятая часть. Куда же всё это подевалось?

Полторанин, ознакомившись с секретными документами КПСС, написал в своей книге, что курьеры КГБ вывозили золото за рубеж, где оно переводилось в валюту, а вырученные средства предназначались для поддержки коммунистических режимов, однако часть этих средств оседала на секретных счетах КГБ. Логично предположить, что эти деньги использовались и для финансирования агентуры КГБ. Впрочем, объёмы вывозимого золота были таковы, что следует сделать вывод – замышлялось нечто грандиозное. Вот мне-

ние Михаила Полторанина:

«По отработанной схеме сливал за рубеж богатство страны и Совмин. Вот он распорядился выдать Госбанку СССР 50 тонн чистого золота. Гохран передал это золото Госбанку. <...> Госбанк передал это золото во Внешэкономбанк СССР... Курьеры с мандатами КГБ вывезли золото за рубеж и положили в хранилища совзагранбанков-филиалов Внешэкономбанка – в Лондоне, Париже, Женеве и Сингапуре. Официальная «крыша» операции – закупка продуктов питания для тех же шахтеров. <...> Оно уже продано ювелирным фирмам, а деньги положены на анонимные счета определенных людей».

О том же написал и Владимир Буковский в книге «Московский процесс» (часть 2):

«К осени уже полная паника: принимаются срочные меры к "приобретению за границей недвижимости и созданию совместных предприятий". Или вдруг такая запись: "Леопольд Ротшильд, Великобритания N16383 от 18.09.90 г. Подтверждает интерес Великобритании к созданию банковского синдиката для предоставления займов под гарантию размещения золота". Связано это или нет – сказать не берусь, но после августовского "путча" вдруг выяснилось, что золотой запас СССР бесследно "исчез"».

Если бы золото было переправлено на Запад в качестве гарантии обеспечения сделок по предоставлению займов, тогда в 90-е годы не появилась бы огромная брешь в россий-

ском бюджете – только долг иностранным коммерческим банкам, членам Лондонского клуба, составлял более 30 миллиардов долларов. Если же с Ротшильдом не договорились, зачем тогда вывозили золото?

Но вот что примечательно – здесь снова Ротшильд, а там, где он, возникает и тень Джейкоба Шиффа, и организация Бнай Брит. И где-то рядом – Александр Яковлев, продолжатель дела, которому Юрий Андропов посвятил последние десять лет жизни. Впрочем, Полторанин пишет об этом очень осторожно, без указания фамилий конкретных лиц, весьма заинтересованных в конечном результате:

«Выстраивается такая следственная версия: группка ушлых ребят (партийно-кэгэбистская мафия?) готовила страну к расчленению, чтобы прибрать к рукам богатую недрами Россию с населением, которому все до лампочки. Готовила под чью-то диктовку».

Может возникнуть впечатление, что Полторанин изложил фантастическую версию, однако на самом деле, она вполне логична и непротиворечива. Конечно, задача разграбления страны в планы Андропова не входила – это уже частная инициатива его преемников.

Казалось бы, создание Пятого управления КГБ и репрессивные меры против диссидентов не соответствуют намерению Андропова модернизировать политический режим. Но дело в том, что правозащитники претендовали на роль лидеров либеральных преобразований, что никак не могло устро-

ить Юрия Андропова. Диссиденты были досадной помехой для него, поэтому в конечном итоге «правозащитники» не получили ничего и вскоре об их былом подвижничестве забыли.

В 1983 году операция уже приближалась к завершающей фазе. Андропов, заняв после смерти Брежнева пост генсека, догадывался, что болезнь не позволит ему довести начатое дело до конца, поэтому заранее подготовил себе преемника в лице Михаила Горбачёва. Однако рядом с ним нужен был надёжный, посвящённый во все детали человек, который не позволит Горбачёву свернуть с намеченного пути – Михаилу Сергеевичу была предназначена всего лишь роль «главно-уговаривающего», способного добиться поддержки молодых коммунистов и противостоять престарелым членам Политбюро. Именно поэтому Андропов поспешил вернуть из Канады Яковлева. Любопытно, что Яковлев в книге «Омут памяти» пытается, причём довольно неумело, затушевать роль Андропова в своём возвращении:

«Мы с женой уже привыкли к Канаде, смирились с судьбой. <...> Но случилось давно ожидаемое. Михаил Горбачев вернул меня домой. Возвращению в Москву я радовался, как ребенок».

Но Горбачёв сел в кресло президента только в 1985 году, а к моменту возвращения Яковлева из Канады генсеком был Андропов. Горбачёв не мог без его ведома вернуть в СССР человека, которого по настоянию Андропова отпра-

вили в Канаду.

Итак, после смерти Андропова довести его план до логического завершения должны были Горбачёв и Яковлев при поддержке Виктора Чебрикова. Назначенный на пост главы КГБ в 1982 году по рекомендации Андропова, Чебриков мог бы продолжить начатое дело, но в 1988 году Горбачёв освободил его от этой должности, назначив председателем вновь созданной Комиссии ЦК КПСС по правовой политике. Уже через год Чебрикова отправили на пенсию, да и сама Комиссия приказала долго жить.

Чем же Чебриков помешал Горбачёву, и почему главой КГБ был назначен Владимир Крючков? Некоторые историки высказывают мнение, что будь Чебриков во главе КГБ в 1991 году, тогда не было бы ни ГКЧП, ни последовавших за ним событий. Однако Горбачёв и Яковлев по какой-то причине сделали ставку на Крючкова. Вот что Яковлев написал в своей книге «Омут памяти»:

«Перед своим уходом на пенсию Виктор Чебриков сказал мне, как всегда, в очень спокойном тоне: "Я знаю, что ты поддержал Крючкова, но запомни – это плохой человек, ты увидишь это"».

Чебриков не догадывался об истинных причинах своей отставки. Проще всего объяснить возвышение Крючкова тем, что с помощью различного рода махинаций и дворцовых интриг ему удалось втереться в доверие к Горбачёву. На этой версии настаивает Яковлев:

«Я уже писал о дезинформации, которую Крючков в изобилии поставлял Горбачёву. На её основе была проведена операция по удалению меня из горбачёвского окружения. Затем начались многоходовые махинации, нацеленные на то, чтобы столкнуть Горбачёва с демократической общественностью и прогрессивными журналистами. Достаточно грубо заталкивалась в сознание президента мысль о том, что именно в демократической среде создаются штабы по отрешению Горбачёва от власти. Вкрадчивому подхалиму удалось обмануть Горбачёва. Впрочем, как и меня».

А что если именно Яковлев предложил Горбачёву избавиться от Чебрикова, который своей карьерой был обязан Юрию Андропову и собирался довести его многоходовку до конца? Яковлев в своей книге признаёт, что расходился с Чебриковым в оценке роли диссидентского движения, но это не может быть причиной отстранения от должности. Возможно, Яковлев хотел стать единственным человеком, который бы управлял Михаилом Горбачёвым? Если так, то он просчитался – Крючков его переиграл:

«К этому времени [апрель 1991 года] я фактически был отстранён от реальных дел, ко мне перестала поступать закрытая информация, как это было прежде. Я ещё не знал тогда (хотя и чувствовал), что Крючков затеял против меня операцию провокационного характера, начал подслушивать телефонные разговоры, содержание которых направлялось в секретариат президента. Изоляция была весьма ощутимой,

больно была по самолюбию. Меня выдавливали».

Однако эти неуклюжие оправдания и попытки вывести себя из-под удара – мол, в августе 91-го я был фактически не удел, а потому с меня и взятки гладки – заставляют усомниться в реальности того, что Яковлев написал в книге «Омут памяти».

События 19-21 августа до сих пор никто не в состоянии толком объяснить, хотя по этой теме написаны десятки книг. Дело ГКЧП засекречено, а бывшие сотрудники КГБ всё равно не скажут правду, тем более что многие из них уже ушли в мир иной. Судить о том, что творилось за кулисами этого грандиозного театра, можно лишь, анализируя высказывания, напрямую не связанные с попыткой государственного переворота.

Вот мнение Филиппа Бобкова, первого заместителя главы КГБ с 1985 по 1991 год, о взаимоотношениях своего бывшего шефа и Яковлева:

«Это очень сложный вопрос, говорить о Крючкове. Крючков в своё время был очень близок с Яковлевым. Очень близок. Это было ещё до прихода его на пост председателя КГБ, когда он работал в разведке».

Но как же человек, прошедший подготовку в аудиториях Колумбийского университета, допустил такую грубую ошибку? Трудно поверить, что Яковлев не знал о политических взглядах своего приятеля, рекомендуя его на должность главы КГБ.

Гораздо более логичным представляется другой вариант. Яковлев способствовал назначению на пост руководителя КГБ человека, которым он мог манипулировать. Крючков, возможно, разбирался в тонкостях работы спецслужб, но, судя по его высказываниям, не обладал достаточными знаниями и интеллектом, чтобы самостоятельно ориентироваться в большой политике. Понятно, что он был недоволен действиями Горбачёва, который сдавал одну позицию за другой, снижая авторитет центральной власти. Но что предпринять, чтобы помешать крушению некогда великой державы? Увы, решение такой задачи было явно не по плечу Крючкову. Тут требовался опытный политик, способный логически обосновать необходимость радикальных действий.

Единственным человеком, который мог подсказать Крючкову идею ГКЧП, был Александр Яковлев. Не вызывает сомнения, что необходимыми условиями успеха были участие КГБ, поддержка армии и согласие Горбачёва стать во главе этой акции. На словах всё выглядело просто – ввести в Москву войска, а Горбачёва поставить перед фактом. Кто знал характер президента СССР лучше, чем прораб «горбачёвской перестройки» Яковлев? Он-то и внушил Крючкову уверенность в том, что Горбачёв никуда не денется – вынужден будет возглавить ГКЧП, чтобы не потерять власть. В этом деле Яковлев обещал содействие, однако попросил сохранить своё участие в тайне. Если бы он не гарантировал согласия Горбачёва, не было бы ни введения войск в Москву, ни обра-

щения членов ГКЧП к гражданам России. Однако на самом деле, Яковлев убеждал Горбачёва в необходимости продолжения политических реформ, в том, что ни в коем случае нельзя отступать под давление консервативных сил в Политбюро и ЦК КПСС. Вот примечательный отрывок из книги Яковлева:

«Возможно, я где-то неточен в попытках разгадать логику горбачёвских размышлений и чувств. Но мне кажется, что информация, которой его снабжали спецслужбы и партийные органы, сбила его с толку и навязала тезис о "крушении Перестройки". Теперь-то он в своих мемуарах отводит даже возможность такого хода событий и размышлений. Но я убеждён, что многие действия Горбачева объясняются коварством информации, навязанной извне. Одним из аргументов в пользу моей версии является тот, что место позиции заняла поза, которая становилась всё более искусственной».

Яковлев забыл упомянуть о том, что гораздо важнее информации была та интерпретация фактов, которую он называл Горбачёву. Поэтому «коварство информации» ничтожно по сравнению с коварством ближайшего соратника.

И вот когда события вступили в решающую фазу, вдруг выяснилось, что президент не согласен встать во главе заговорщиков. Что же в этой ситуации предпринять Крючкову? Естественно, он высказал свои претензии Яковлеву, но тот, скорее всего, объяснил неудачу вмешательством супру-

ги Горбачёва, на которую никто не имел возможности влиять. Пришлось Крючкову смириться с неизбежностью провала столь много обещавшей акции – он так и не отдал приказ арестовать Ельцина на даче в Архангельском и атаковать Белый дом после того, как Ельцин перебрался туда вместе со своей командой. Результат известен – руководство КПСС было дискредитировано в глазах населения страны, Горбачёв предстал как политик, который не в состоянии руководить страной, а власть фактически перешла к Борису Ельцину. Дальнейшее было делом техники.

Вероятно, Крючков со временем всё понял, однако признаться в том, что партработник переиграл главу КГБ, он ни при каких условиях не мог. Поэтому в своих мемуарах Крючков практически обошёл эту тему (в его книге ГКЧП упоминается всего 6 раз, в то время как Яковлев – более 150 раз!). Крючков обвинял своего недавнего приятеля во всём, но только не в том, что тот его подставил:

«Не сразу удалось мне разобраться в этой одной из самых зловещих фигур нашей истории. Тут и моя вина, и моя беда».

Увы, запоздалое прозрение. Но здесь не тот случай, когда говорят: «уж лучше поздно, чем никогда».

А что, если не только Юрий Владимирович Андропов, но и Александр Николаевич Яковлев «слегка подправил» свою биографию? Согласно официальной биографии, он родом из крестьянской семьи Ярославского уезда Ярославской губер-

нии, однако заглянем на всякий случай, из чистого любопытства, в список чиновников Ярославской губернии за 1894 год. В нём несколько Яковлевых, но только двое заслуживают нашего внимания – Александр Николаевич, коллежский секретарь, полицейский урядник в Угличском уезде, и Николай Александрович, статский советник, земский начальник в Ярославском уезде. Тут следует учесть, что в те времена нередко старших сыновей нарекали по имени деда, а дальше простая арифметика. В 1894 году Николаю Александровичу было примерно 60 лет, а его предполагаемому сыну Александру Николаевичу – 30-40 лет в 1894 году и 60-70 лет в 1923 году, когда родился «идеолог перестройки». Тогда всё сходится – «наш» Яковлев вполне мог оказаться внуком полицейского урядника и/или правнуком статского секретаря. В этом случае родство душ Андропова и Яковлева, что называется, налицо – сын белогвардейца и внук полицейского урядника вполне могли найти общий язык, поставив своей целью ликвидацию коммунистического режима и развал Советского Союза.

Итак, к чему же привела «перестройка» в том варианте, который разработал Александр Яковлев? Гласность позволила возвысить голос сторонникам отделения республик от Советского Союза. Снятие запрета на создание кооперативных предприятий способствовало появлению фирм-паразитов, которые занялись торгово-посредническими операциями, ничего не производя и находя полулегальные способы

уклонения от уплаты налогов. Многие из этих предприятий занялись обналичиванием денег, что отрицательно сказалось на бюджете СССР и состоянии фондов экономического стимулирования госпредприятий. Массовое увлечение «обналичкой» привело к росту личных доходов вне всякой связи с производством – это усугубило проблемы потребительского рынка. Возникла сеть кооперативов и совместных предприятий, занятых вывозом не только сырья, но и готовых товаров за рубеж, что стало причиной роста дефицита на внутреннем рынке. Антиалкогольная кампания привела к сокращению поступлений в бюджет от продажи вино-водочной продукции. Изготовление поддельного алкоголя со временем превратилось в весьма прибыльный бизнес, ставший финансовой основой для становления организованной преступности – всё это уже было в США во времена «сухого закона». Если добавить к этому тот факт, что финансовые заимствования у иностранных государств и банков привели к увеличению внешнего долга СССР до 70 миллиардов долларов, то следует сделать однозначный вывод – Советский Союз был обречён, а вместе с ним были обречены на прозябание в бедности миллионы жителей страны. Это совсем не тот результат, на который рассчитывал Андропов.

Глава 21. Спаситель или гробовщик?

В июле 2000 года, уже после того, как Ельцин сложил с себя полномочия президента, в журнале *Wilson Quarterly* была опубликована статья американского политолога Майкла Макфола, где есть такие слова:

«Как знаковая фигура и направляющая сила во время бурных событий последнего десятилетия XX века в России, Ельцин заслуживает высокой оценки, и в то же время он как бы ускользает от неё. Был ли он героическим революционером, или бестолковым реформатором? Проницательным политиком и убеждённым демократом, или популистом-импровизатором, не склонным к напряжённой работе по созданию коалиции? Был ли он смелым реформатором или только слепым орудием олигархов? И наконец, оценивая его по критериям нового тысячелетия, предстаёт ли он лидером колоссального масштаба или же человеком, которого ошеломила чудовищность перемен? Как ни странно, Ельцин соответствует всем перечисленным определениям. Сначала революция сделала его великим, но, в конечном счёте, она разрушила его величие».

Действительно, многие люди рассматривали Ельцина как таран, который сможет разрушить прогнившую власть КПСС, и в то же время надеялись, что, сделав своё дело, он уступит пост лидера тому человеку, который способен осу-

ществить реформы в экономике на благо всего населения России. Как известно, этого не случилось. Но почему?

Эту загадку путался разрешить британский историк и журналист Гвин Дайер (Gwynne Dyer). В газете The Daily News 26 апреля 2007 года была опубликована его статья под названием «Ельцин, человек, который угробил страну» (Yeltsin, the man who failed Russia):

«Он был человеком действия, в голове которого не было идей. Многие люди пытались вложить в эту голову идеи, но они надолго там не задерживались. Он освободил Россию от коммунизма, но он не дал ничего вместо этого».

Последнее утверждение не совсем верно, поскольку при Ельцине в России появился реальный парламент. Впрочем, Ельцин разогнал его в 1993 году. Но Гайер прав в другом – Ельцин не был интеллектуалом, он в основном следовал своей интуиции и каким-то одному ему ведомым соображениям:

«Это была одна из звёзд зарождающегося российского демократического движения Галина Старовойтова <...> и контраст между ними был совершенно потрясающий. Старовойтова – подлинный демократический герой, интеллектуал, посвятивший свою жизнь идеалам свободного общества. Ельцин – обаятельный хулиган, который управлял в основном с помощью инстинктов».

В самом деле, инстинкт продолжения рода заставлял его любыми способами добиваться благополучия семьи, к кото-

рой причисляли не только близких родственников, но и людей из окружения первого президента России. Ну а инстинкт самосохранения не позволял Ельцину уйти в отставку, поскольку он догадывался, к чему это приведёт. Если к власти вернуться коммунисты, они всё ему припомнят, и тогда... Дальше не стоит продолжать, поскольку обвинение в государственной измене было бы предъявлено ему на следующий же день после расставания с президентскими регалиями.

Михаил Полторанин, в течение нескольких лет состоявший в команде Бориса Ельцина, оценивает его личность несколько иначе («Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса», 2010 г.):

«Бог не обделил Ельцина хитростью и коварством. И при желании он мог с их помощью нейтрализовать интриги бюрократии, разделяя и властвуя. Что потом Борис Николаевич с успехом делал на президентском посту».

Таран и хитрость – это понятия несовместимые. Как правило, Борис Николаевич шёл напролом, если был в хорошей форме. Ну а когда силы оставляли его, мог произойти конфуз. Так было на октябрьском пленуме ЦК КПСС, когда Ельцин не смог достойно противостоять своим противникам. Надо было реально оценить ситуацию и придержать обвинения в адрес Горбачёва и его супруги до другого случая. Вот какую оценку предложил Полторанин:

«Это нервы. Они у него не выдержали напряжения, которое нарастало с каждым днем. И получилось, что думает-то

он мелковато. Убого. И никакой Ельцин не боец, а капризный политический недоросль».

Только стараниями тогдашних демократов Ельцин сохранил свой авторитет – их роль несомненна в том, что произошло на XXVIII съезде КПСС, когда Ельцин заявил о выходе из партии. Благодаря поддержке членов Межрегиональной депутатской группы он смог использовать в свою пользу выступление организаторов ГКЧП. И всё мгновенно изменилось – Ельцин на коне, а всё остальное теперь казалось только делом техники.

Увы, вскоре после победы над ГКЧП и Горбачёвым, после избрания президентом в окружении Ельцина стали появляться люди, которые рассчитывали использовать его в личных интересах, постепенно оттесняя недавних соратников президента на второй план. В июне 2006 года в газете «Московский комсомолец» был опубликован отрывок из «прослушки» разговора Бориса Березовского с Валентином Юмашевым, зятем президента. Этот разговор состоялся после встречи Березовского с Борисом Ельциным в Кремле:

«Березовский: Валь, ну что я тебе хочу сказать, я встречался сегодня, понятно?

Юмашев: Ага.

Березовский: Ну, в принципе положительно, конечно, Валь. Долгий разговор. Валь, ты знаешь, я хочу тебе сказать, я ещё раз убедился, он офигительный. Его никак нельзя потерять. Более того, не просто нельзя потерять, а вот и вместе

можно решить совсем кардинальные проблемы, то, что мы вообще не могли подступиться даже.

Юмашев: Здорово.

Березовский: Ты знаешь, как бы... Валь, его нужно принять совсем в компанию. Понимаешь? Вот это – тот человек, с которым можно начать... как вот у нас с тобой отношения...

Юмашев: Угу... А самое главное, что просто... Ключевая фигура ещё к тому же.

Березовский: Абсолютно, Валь. Поэтому я тебе и говорю... Это – совсем отдельная тема. Причём, с моей точки зрения, просто ключевая, главная тема. Всё остальное второстепенно».

Так делалась история во времена Бориса Ельцина – в основе были закулисная возня, интриги и получение кусков «экономического пирога» вопреки интересам государства. Близость к телу Ельцина позволила обогатиться не только Березовскому.

Пожалуй, самый большой кусок государственного пирога сумел отхватить Роман Абрамович. Ко времени знакомства с семьёй Ельцина он уже имел опыт реализации крупных сделок. Как следует из доклада Международного бюро восточноевропейских исследований (International Bureau of East European Research, London, NW P/o 234137 Issue 7 Volume 3), летом 1992 года в отношении Абрамовича следственным управлением ГУВД города Москвы было возбуж-

дено уголовное дело о хищении 55 цистерн с дизельным топливом с Ухтинского НПЗ на сумму почти 4 миллиона рублей. Абрамович в то время был руководителем малого предприятия «Авекс-Коми», которое купило дизельное топливо якобы по подложным документам. Понятно, что дело так и не дошло до суда.

Однако происхождение основной доли богатства Березовского и Абрамовича не связано с криминальным бизнесом. Дарственную олигархам подписали на заседании правительства, когда было принято решение о проведении залоговых аукционов. Что характерно, это было сделано вопреки закону «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ», в котором не был предусмотрен такой способ приватизации, как отчуждение государственного имущества, взятого в залог.

Известный американский журналист Пол Хлебников, трагически погибший в 2004 году, писал в своей книге «История разграбления России», что идея залоговых аукционов принадлежала американскому финансисту Борису Йордану. Его деловой партнёр Владимир Потанин, владелец «ОНЭКСИМ-банка» подхватил эту мысль и в 1995 году предложил реализовать её тогдашнему правительству, получив поддержку Анатолия Чубайса и Олега Сосковца. Официальной целью правительства было пополнение бюджета, а на самом деле соратники Анатолия Чубайса стремились поскорее раздать госсобственность в частные руки, чтобы исключить воз-

возможность возврата к прежним временам, когда страна находилась в клещах командно-директивной экономики, деградируя под властью коммунистов. Стандартное оправдание подобных сделок по приватизации госсобственности состояло в том, что частный предприниматель будет эффективно развивать производство, что не по силам госчиновникам. Следует учесть и то, что иностранные инвесторы с готовностью шли на сотрудничество с частными компаниями, предпочитая не иметь дело с госпредприятиями, даже если им предоставлялась подобная возможность. Однако лукавство этой сделки было в том, что коммерческие банки кредитовали государство за счёт тех самых средств, которые министерство финансов предварительно перечислило в эти банки.

Так родилась «семибанкирщина», которая в обмен на огромные куски госсобственности активно поддержала президентскую кампанию 1996 года, выделив весьма солидные финансовые средства для поддержки Ельцина. Такая невиданная щедрость была вызвана ситуацией, сложившейся в стране – люди, обнищавшие за годы «большого хапка», готовы были проголосовать за коммунистов. Впрочем, и здесь нувориши не прогадали, поскольку после победы Ельцина банкирам были обещаны значительные преференции в их бизнесе.

Понятно, что Ельцина использовали – сначала как таран для разрушения КПСС, а позже как прикрытие, причём заодно с наивными демократами тех лет. Не зря один из преж-

них лидеров российских демократов Юрий Афанасьев признавался, что они были только ширмой для тех, кто развораживал страну. Вот что он говорил в 2007 году на «Радио Свобода»:

«Самый большой миф этой эпохи остался, и который живёт, мне кажется, до сих пор – это миф о том, что в это время, в начале 90-х годов, в России восторжествовала демократия. <...> Этот распил национального достояния в частную собственность – это было за кулисами. А мы выполняли роль этих самых кулис – те, которые, я имею в виду, зовутся демократами».

Итак, демократы хлопали ушами, а Ельцина, который ничего не смыслил в экономике, его ближайшие советники уверяли в том, что всё идёт как надо, по заранее разработанному плану. Только вот не сказали, где был разработан этот план – вряд ли на какой-нибудь госдаче, где младореформаторы давали волю своей фантазии, прогнозируя светлое будущее для всей страны.

В ситуации, когда на кону было огромное богатство, ложь стала привычным средством достижения желанной цели – кто-то мечтал стать премьером, кто-то тянул руки к креслу президента, ну а другие просто занялись воровством под видом очередной приватизации. Но почему Ельцин отвернулся от тех, кто его поддерживал в трудные годы, кто помогал ему соответствовать роли лидера? На этот вопрос дал ответ Станислав Белковский («Эхо Москвы», программа «Без ду-

раков», 19 ноября 2008 года):

«В условиях 93-94-го годов, когда уже был расстрелян парламент, когда стало ясно, что Кремль в режиме демократии не может выиграть даже парламентские выборы, когда Кремль проигрывал в условиях демократии все политические баталии, какие только были возможны, стало очевидно, что демократы первой волны в этой ситуации уже не актуальны».

Причина этой «неактуальности» в том, что Старовойтова, Афанасьев и другие истинные демократы не разбирались ни в политике, ни в экономике. Одно дело произнести с трибуны пламенную речь, пригвоздив к позорному столбу «агрессивно-послушное большинство», и совсем другое – спасти население страны от голода, а Россию от развала.

Кто же вышел на первые позиции и занял место демократов в правительстве и в окружении Бориса Ельцина? Как ни странно, опять придётся вспомнить про ИАША – большинство экономических советников Ельцина прошли подготовку в этом заведении, а потому вряд ли стоит удивляться итогам их экономических реформ.

Вот откровения Петра Авена, одного из «младореформаторов» начала 90-х, опубликованные на сайте Forbes:

«Мы шли делать экономическую реформу, составляющие которой – либерализация, приватизация и стабилизация. Либерализация состоялась. На самом деле, мы сделали экономику свободной, это получилось».

Казалось бы, можно радоваться, однако один из владельцев «Альфа-Групп» тут же признаётся, что «страна не получилась такой, как нам хотелось». Что же помешало реформаторам?

«Проблема не только в нас, но и в том, что страна оказалась больна сильнее, чем мы думали, а сами болезни оказались более тяжёлыми и запущенными. Это первое. А второе – проблемы носили не только и не столько экономический характер. Не экономику надо было перестраивать, а ментальность людей, то, что в головах».

С народом не повезло! Уже много раз мы слышали это оправдание. Авен высказался довольно мягко, однако некоторые его соратники предпочитали более резкие слова – мол, холопы привыкли жить под барином и ничего другого не хотят. Уверен, что хотели бы, однако не всем так повезло, как Абрамовичу, Фридману и Авену.

Любопытное мнение о тех преобразованиях, которые начались при Михаиле Горбачёве, а продолжились уже при Ельцине, высказал Brent Scowcroft, советник по национальной безопасности президентов Джеральда Форда и Джорджа Буша-старшего. Вот отрывок из книги «Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики» (*America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy*), опубликованной в 2009 году:

«Если посмотреть на развитие Китая, нет сомнений, что китайцы при сильном авторитарном правительстве сумели

глубоко модернизировать свою экономику. Русские наоборот: сначала модернизировали свою политическую систему, сделали её более демократичной, и в результате России не хватило централизованной власти, чтобы форсировать преобразование экономики».

На самом деле, кое-что форсировать всё же удалось – довольно быстро возникла невиданная ранее пропасть между бедными и богатыми. Было ли это неизбежным следствием либеральных экономических реформ или реформаторы в чём-то просчитались? Увы, анализ событий тех лет указывает на то, что именно так и было всё задумано. Реформаторы действовали по американским лекалам, что гарантировало требуемый результат – энергичные люди богатели, заодно развивая экономику, а остальные до сих пор влечат жалкое существование.

Принято считать, что во всех наших бедах виноваты американские советники, и прежде всего экономист Джеффри Сакс, один из разработчиков экономических реформ для Польши и Боливии. Михаил Полторанин в своей книге чуть ли не во всех смертных грехах обвинял этого американца. Однако, как следует из подробного анализа событий 1991-1993 годов, пагубное влияние на экономику России оказали наши доморощенные реформаторы и МВФ, который контролируют Соединённые штаты. Вот отрывок из пространного отчёта Джеффри Сакса о его работе в качестве советника российского правительства:

«Я верил в необходимость сильной социальной защиты, частично финансируемой Западом. Это не было сделано. Система здравоохранения, например, была разрушена. Я считал, что Запад должен обеспечить крупномасштабную и своевременную помощь России, как это было в Польше. Соединённые Штаты и МВФ отвергли этот совет. Россия погрузилась в глубокий кризис платежного баланса. <...> Я считал, что приватизация в России должна быть быстрой, но прозрачной и проводиться на основе закона. Следует проявлять осторожность, чтобы предотвратить коррупцию. Это не было сделано. Приватизаторы вышли за пределы транспарентности и закона. Свирепствовали коррупция и инсайдерские сделки. Я считал, что крупные компании, которые разрабатывают природные ресурсы, должны оставаться в руках государства. Это должно было обеспечить поступление в бюджет России доходов от производства металлов, углеводородов и других ценных товаров. Это не было сделано. Сектор природных ресурсов был приватизирован вопреки закону, что привело к появлению новой олигархии».

Впрочем, «успехами» грабительской приватизации 90-х Россия всё-таки обязана американцу. Как пишет Джефффри Сакс, «профессор Андрей Шлейфер, русско-американский коллега из Гарвардского университета, стал ключевым западным советником по приватизации». Примером такой приватизации, по мнению Джефффри Сакса, стали «залоговые аукционы»:

«Эта сделка привела к массовой и коррумпированной передаче предприятий, связанных с добычей природных ресурсов, закадычным друзьям членов правительства под видом залогового кредита, выданного правительству российскими банками. Договоренности были явно коррумпированы с самого начала».

Однако у Петра Авена есть собственное мнение:

«Наверное, можно было избежать той степени коррупции, которая сейчас есть. Но, как мы теперь понимаем, в ситуации, когда при советской власти коррупция была составной частью общественного поведения, когда нормой была "жизнь не по правилам", когда легко обходился любой закон, а его строгость компенсировалась необязательностью исполнения, избежать такого сценария было очень трудно».

Такое впечатление, что мы жили в разных странах. Взяточников и в прежние времена хватало, однако при отсутствии частной собственности возможности любителей жить не по правилам были чрезвычайно ограничены. Поэтому размах коррупции не шёл ни в какое сравнение с тем, что происходит сейчас.

Конечно, нельзя облыжно обвинять тех, кто вернул в нашу жизнь частную собственность. Если изобретатель «кубика Рубика» стал миллионером, это совсем не значит, что он достоин общественного порицания за свою излишнюю прыть. То же можно сказать и о Билле Гейтсе, хотя и с некоторыми оговорками. Возникшее подобным образом право

собственности не вызывает никаких сомнений – напротив, такими новаторами нужно восхищаться!

Однако если люди становятся обладателями богатства в результате весьма сомнительных залоговых аукционов или благодаря полезным связям, тогда возникает иная ситуация. Тогда любой российский гражданин может задать себе такой вопрос: почему им можно, а мне категорически нельзя? И вот простой чиновник начинает «подрабатывать», не вставая со стула в офисе, и даже не отрывая рук от казённого стола. Его начальник не разменивается по мелочам и «помогает» только тем, кто соответствует его должностному уровню. Ну и так далее вплоть до губернатора или министра. Всё вместе это и называется коррупцией, а причина тут одна – возможность лёгкого и несправедливого обогащения для одних породила зависть у тех, кому ничего при раздаче не досталось. И вот они принялись сами компенсировать наметившуюся разницу в доходах. Понятно, что Потанина им не догнать, однако пройдёт немного времени, и кто знает...

Авену не с руки говорить о реальной подоплёке залоговых аукционов, поэтому он ищет объяснение коррупции в истории:

«Если более широко смотреть на вещи, то понятно, что невозможно было полностью избежать сращивания власти и собственности, которое является главным пороком нашей системы. Многие из того, что мы сегодня имеем, это результат не наших экономических реформ, а значительно более

долгих исторических процессов».

Однако, как ни крути, все эти неуклюжие ссылки на то, что виноваты будто бы предшественники, вплоть до реформаторов времён царя Гороха, не снимают вины с тех, кто попытался забрать себе всё, что в 1917 году экспроприировали большевики. Увы, «распил национального достояния в частную собственность», по образному выражению Юрия Афанасьева, производился при молчаливой поддержке Бориса Ельцина, «оправданием» которому может служить лишь то, что, не имея собственных идей, он полностью полагался на мнения своих министров и советников.

Глава 22. Крёстный отец президента

3 июля 1996 года Борис Ельцин был вновь избран на должность президента РФ. Как известно, решающую роль в его победе сыграла поддержка тогдашних финансовых магнатов в обмен на преференции в бизнесе – предприятия, полученные в результате залоговых аукционов, должны были перейти в их собственность. Однако куда более важное событие случилось через месяц – тогда Владимир Путин из Санкт-Петербурга перебрался в Москву. Сначала он был назначен заместителем управляющего делами Президента РФ, затем побывал в должности начальника Главного контрольного управления, главы ФСБ и секретаря Совбеза РФ, а в августе 1999 года возглавил правительство России. Позднее стало ясно, что это была подготовка к назначению его преемником.

До сих пор многие политологи пытаются найти ответ на вопрос: почему Ельцин выбрал Путина? Возможно, ему пригрезился вещий сон, как легендарному Гостомыслу много лет назад, в IX веке (см. главу 4):

«Гостомысл же, предчувствуя конец жизни своей, созвал всех старейшин земли от славян, руси, чуди, веси, меров, кривичей и дреговичей, поведал им сновидение и послал избранных в варяги просить князя. И пришел после смерти Гостомысла Рюрик с двумя братьями и их сородичами».

Надо заметить, что Ельцин имел значительное преимущество перед Гостомыслом, поскольку к его услугам было телевидение – тут можно обойтись и без собрания старейшин. А в остальном всё повторяется – Путин пришёл во власть вместе с «братьями и их сородичами», в числе которых бывшие коллеги по ФСБ и люди, с которыми он сблизился за время работы в мэрии Санкт-Петербурга.

В марте 2000 года Владимир Путин был избран президентом государства, которое к тому времени находилось в плачевном состоянии – огромные долги перед иностранными кредиторами, деградирующая промышленность и скудные возможности для наполнения бюджета. Главная опасность для экономики России состояла в том, что цена на нефть продолжала оставаться на крайне низком уровне, куда её загнали в середине 80-х годов совместные действия США и Саудовской Аравии. В марте 1999 года цена нефти марки Brent составляла всего лишь 10 долларов за баррель, в отличие от 30 долларов в 1985.

И вдруг случилось то, что не могло присниться ни Ельцину, ни Гостомыслу. После избрания Путина на президентский пост цена нефти марки Brent вновь поднялась до 30 долларов, затем опустилась до 20, а в марте 2002 года началось неуклонное повышение цены, и к середине 2008 года она достигла величины почти в 140 долларов! Поневоле захочется отыскать в этом событии некий мистический смысл – примерно так во время затмения Луны люди древности

обретали веру в высшую силу, которая вершит судьбы мира, следуя каким-то таинственным, никому не ведомым законам.

Причины такого невероятного «явления природы», как стремительное подорожание нефти, пытались объяснить экономисты и эксперты нефтяного рынка. Не в силах докопаться до истины, в качестве объяснения они ссылались на войну в Ираке, на сокращение нефтедобычи в Мексике, Великобритании и Индонезии, на рост потребления нефти и истощение легко добываемых запасов в странах Персидского залива. Но вот незадача – ни гражданская война в Ливии, начавшаяся в 2011 году, ни наступление ИГИЛ в Ираке в 2014 году никак не повлияли на нефтяные цены. Экспертам оставалось только развести руками. Яков Миркин, председатель совета директоров ИК «Еврофинансы», выразил общее мнение в статье на сайте Forbes 12 октября 2011 года:

«Механика нефтяных цен загадочна. Сценарии, экстраполяции – всё пустое. Соотношение спроса и предложения мало что объясняет. Жизнь смеётся над нашими прогнозами».

Аналогичное мнение ещё в 2008 году высказал Егор Гайдар в статье «Головокружение от успехов», опубликованной в журнале «Экономическая политика»:

«Всё это имело бы смысл обсуждать, если бы речь шла о рынке нефти тридцатилетней давности, когда спрос и предложение на товар – сырую нефть – практически определяли динамику цен. В последующие годы организация рынка из-

менилась. Всё большую роль в том, что на нём происходит, играют деривативы – финансовые инструменты, связанные с ценой на нефть и нефтепродукты».

Развивая эту мысль, Миркин уточняет:

«Цена на нефть формируется на биржах деривативов в тесной связи с курсом доллара США как мировой резервной валюты, на которую приходится более 30% финансовых активов мира».

А в 2013 году вице-президент нефтяной компании Леонид Федун заявил, что основным фактором, влияющим на цену нефти, является политика Федеральной резервной системы США (ФРС) – ослабление доллара автоматически ведёт к росту цены в долларовом выражении. Действительно, судя по графику стабильный рост нефтяных цен начался в марте 2002 года вслед за снижением курса доллара, что означает повышение индекса стоимости доллара относительно основных мировых валют. Причём кратковременный рост цены на нефть марки Brent в 2000 году также коррелирует с курсом доллара. Увы, никто из российских экспертов так и не удосужился разъяснить причину того, что случилось с мировой валютой – к концу года доллар упал на 35% по отношению к евро.

По мнению американских экономистов, причина этого обвала состояла в дефиците торгового баланса США: в 2002 году импорт товаров и услуг составил 1652 миллиардов долларов, в то время как экспорт сократился до 1203 милли-

ардов. Однако причём здесь ФРС? Когда разразился кризис 2008 года, американские власти заявили, что выделяют более одного триллиона долларов для спасения финансовой системы США. На самом деле, как выяснили журналисты компании Bloomberg, с конца 2007 по 2010 год ФРС выделил американским банкам 16,115 триллионов долларов – эта гигантская сумма, сравнимая с ВВП Соединённых Штатов, фигурирует в отчёте Главного контрольно-бюджетного управления по результатам аудита ФРС в июле 2011 года. Как всем известно, ничего ужасного не произошло – доллар устоял, экономика США не рухнула. Так что для могущественной ФРС не составило бы особого труда тем или иным способом предотвратить падение курса доллара – но только в том случае, если в этом заинтересована американская финансовая элита.

Одной из причин столь резких изменений стоимости доллара по отношению к евро стал сам факт появления европейской валюты на рынке в 1999 году – в любом случае для стабилизации курса требуется время. В то же время курс доллара падал и по отношению к другим мировым валютам, так что невозможно объяснить этот эффект только появлением на рынке евро. Влиять на стоимость этих валют могут и ЕЦБ, и другие европейские банки, поэтому нельзя обвинять в колебаниях курса доллара только ФРС, ну а «виновника» роста нефтяных цен надо искать не только в США, но и в Европе.

Однако почему начавшийся в 2000 году процесс ослабле-

ния доллара продолжался в течение нескольких лет? С таким вопросом корреспондент американского телеканала PBS обратился 2 декабря 2004 года к двум экспертам: Кеннету Рогоффу, профессору экономики Гарвардского университета, бывшему главному экономисту и директору по исследованиям Международного валютного фонда, и Ирвину Штельцеру, директору исследований экономической политики в Институте Хадсона. И вот какие получил ответы:

«Ирвин Штельцер: Я думаю, что это происходит в первую очередь потому, что мы покупаем больше вещей от остального мира, чем остальная часть мира покупает у нас.

Кеннет Рогофф: Это накапливались в течение длительного времени».

Итак, никто не смог толком объяснить, что происходит. Или просто не хотели? Тогда придётся разработать собственную версию. В XXI веке трудно поверить в столь удивительные совпадения – в России появляется новый президент, и тут же, как по мановению волшебной палочки, начинается рост нефтяных цен, обещая стране грядущее процветание и создавая условия для того, чтобы Владимир Путин успешно проводил свою политику.

Первое, что приходит в голову – бывшие коллеги, точнее зарубежная агентура СВР совместно с агентами влияния подсуестились и реализовали некий план, который и привёл к падению курса доллара вопреки желанию руководства США. Версия фантастическая, хотя довольно привлекатель-

ная – вот на какие подвиги способны наши парни!

Прежде чем выдвигать более реалистичную версию, имеет смысл проанализировать мнения политологов и журналистов относительно причин, по которым Ельцин в качестве преемника выбрал Путина. Осенью 2009 года на сайте Радио Свобода развернулась заочная дискуссия на эту тему. Первым свои мысли изложил журналист Михаил Шевелёв, один из сотрудников радиостанции. Впрочем, всё ограничилось серией вопросов:

«Верны ли рассказы о том, что, проведя кастинг претендентов, Борис Николаевич остановился на кандидатуре Владимира Владимировича, потому что поверил в его честность, порядочность и надёжность?

Или верны совсем другие рассказы? Согласно которым, никого Борис Ельцин не выбирал, а вынужден был согласиться с ультиматумом неких людей...

Верно ли, что главным автором рассказов о честности, порядочности и надёжности Владимира Путина, адресованных Борису Ельцину, был Борис Березовский?

Или Борис Березовский был всего лишь посредником между Ельциным и коллективом обладателей досье на родственников президента?»

И далее всё в том же духе, без какой-либо надежды получить ответ хотя бы на один вопрос.

Однако публицист Олег Мороз углядел между этих строк намёк на всемогущество Бориса Березовского, что, по его мне-

нию, «полная бредовина». Мороз придерживался такой точки зрения:

«Ельцин сам обратил внимание на Путина, сам назвал его преемником, сам принял решение о своём досрочном уходе. Другое дело, чем он руководствовался в своём выборе? Тут, конечно, не всё ясно. В начале года у меня вышла книга "Почему он выбрал Путина?", довольно толстая, около 700 страниц, но окончательного ответа нет и там».

Нам остаётся только удивляться поразительному усердию автора – «накrapать» семьсот страниц, но так и не найти ответа на вопрос, вынесенный в заголовок книги.

Учитывая немощное состояние Ельцина к концу первого президентского срока и его довольно скромные интеллектуальные способности, трудно поверить, что он обошёлся без подсказки. Но кто же был тем гигантом мысли, который разработал столь непростую комбинацию? Юрий Фельштинский, автор «разоблачительных» статей и книг, настаивает на следующей версии:

«Люди, которые окружали Ельцина, не верили ни в народ, ни в демократию, ни в законы и законодательство. Ни, тем более, в Конституцию страны. Они очень боялись потерять власть, а с властью – ещё и деньги. И как в старые добрые времена, их вдруг осенило, что лучше всего защитить власть (и деньги) они смогут с помощью спецслужбы – ФСБ. А то, что с ФСБ они договорятся, в этом почему-то сомнений у них не было».

Казалось бы, в этом нет ничего странного – основной задачей всех предшественников ФСБ всегда была защита власти. Но как можно было строить расчёт на том, что ФСБ будет охранять участников «большого хапка» середины 90-х? Для этого недостаточно одной наивности – здесь требуется патологическая глупость. Конечно, Абрамович, Фридман, Ходорковский, Березовский и Гусинский могли привлечь на свою сторону Олега Калугина или Литвиненко, но чтобы заставить работать на себя всю систему, недостаточно было назначить нового руководителя, который из чувства благодарности стал бы исполнять любые прихоти своих работодателей. ФСБ, сохранившая кое-какие традиции и возможности КГБ, способна вести свою игру и переиграть кого угодно.

Но кто же тогда помог Путину стать преемником первого президента?

В январе 2016 года Джош Коэн, бывший сотрудник Агентства США по международному развитию, в статье на сайте «Геополитика» обратил внимание на интересные факты:

«С приходом к власти Владимира Путина, у Израиля в Москве появился союзник, ближе которого он не имел никогда прежде. Израиль и Россию объединяют общие интересы противостояния терроризму, а в 2014 году Путин оказался одним из весьма немногих мировых лидеров, поддержавших проведение Израилем операции "Нерушимая скала" против движения "Хамас". Он заявил в тот момент: "Я поддерживаю борьбу Израиля, направленную на обеспечение безопас-

ности своих граждан". <...> Позитивное отношение Путина к Израилю в какой-то степени отвечает его, по утверждению некоторых, "филосемитизму", или симпатиям к евреям и их религиозным убеждениям. В России среди личных друзей Путина есть много евреев, бизнесменов и чиновников. Он ценит то позитивное влияние, которое евреи оказали на него в детстве».

Так может быть инициаторов назначения Путина преемником следует искать среди израильского лобби в США? Долг платежом красен, а что крепче дружбы, построенной на материальном основании? Здесь следует учесть, что дипломатические отношения с Израилем были восстановлены через несколько дней после подписания Беловежских соглашений. Необходимо обратить внимание и на то, что среди финансовых «тузов», которые обеспечили победу Ельцина на выборах 1996 года, большинство составляли именно евреи. Конечно, во всём этом нет ничего предосудительного – все мы граждане России вне зависимости от национальности, и каждый выполняет свой долг перед страной в меру физических сил или финансовых возможностей. Однако следует учесть, что в случае прихода к власти коммунистов пострадали бы не только Абрамович с Березовским – их «подвиги» могли отразиться на судьбе всех российских евреев.

Есть ещё один факт, на который стоит обратить внимание. Чем объяснить частые встречи Путина с Генри Киссинджером, бывшим советником по национальной безопас-

ности и госсекретарём США? Киссинджер считается одним из самых влиятельных представителей израильского лобби в США, хотя он не сотрудничает ни с Бнай Брит, ни с Антидиффамационной лигой (ADL) – представителю политической элиты не пристало заниматься суетной работой по защите прав униженных и оскорблённых. Киссинджер доказал это ещё во время работы в администрации Ричарда Никсона. Вот отрывок из рассекреченных в 2008 году аудиозаписей бесед президента США со своими ближайшими сотрудниками:

«Генри Киссинджер: Эмиграция евреев из Советского Союза не является целью американской внешней политики. И если они засунут евреев в газовые камеры в Советском Союзе, это не станет проблемой американцев, разве что гуманитарной».

Ричард Никсон: Я знаю. Мы не можем взорвать весь мир из-за этого».

Впрочем, Абрахам Фоксман, национальный директор ADL, поспешил прийти на помощь экс-политику:

«Антиеврейские предрассудки, которыми было пропитано президентство Никсона и Белый дом, несомненно, создали атмосферу запугивания в отношении тех, кто не разделял фанатизм президента. Д-р Киссинджер был явно не застрахован от этого запугивания».

Со временем Киссинджер приобрёл столь солидный вес в политике, что его уже невозможно запугать. Теперь он име-

ет право открыто выражать свои взгляды, защищая интересы Израиля и еврейской диаспоры в России. Неудивительно, если именно эти темы он обсуждал на встречах с Путиным.

Проблема в том, что неожиданный рост нефтяных цен, и сближение России с Израилем, и совсем вроде бы необязательные встречи Путина с Кантором и Киссинджером наводят на некоторые предположения, которые настолько невероятны, что возникает желание назвать всё это некой совокупностью случайностей – другое определение трудно подобрать.

Но что прикажете делать, если обнаруживаются такие совпадения, которые вызывают совсем уж неприличные ассоциации? В сентябре 1989 году Борис Ельцин посетил Колумбийский университет в Нью-Йорке, выступив с речью перед его студентами, и ровно через 14 лет там же оказался и Владимир Путин. А между тем, трансформация взглядов Александра Яковлева началась во время стажировки в том же самом университете, одним из спонсоров которого был незабвенный Джейкоб Шифф. Кстати, Путина во время экскурсии по университету особенно заинтересовал Бахметьевский архив, в котором хранятся материалы, связанные с русской эмиграцией, а ведь именно это хранилище наверняка посещал Яковлев в 1958 году, пытаясь разобраться в тайнах большевистской революции 1917 года. Не исключено, что Путин намеревался разузнать, какие материалы изучал будущий идеолог горбачёвской перестройки – тогда стало бы

ясно, почему произошёл столь радикальный сдвиг в его мировоззрении.

Впрочем, такого странного намерения могло вовсе и не быть – скорее всего, Путин счёл необходимым повторить путь своего «крёстного отца», которым принято считать Бориса Ельцина. Однако столь почётное звание логичнее было бы присудить не Ельцину и даже не Собчаку, который пригласил Путина на работу в мэрию Санкт-Петербурга. Гораздо лучше на эту роль подходит Генри Киссинджер.

Киссинджер родился в Баварии, в семье немецких евреев. В 1938 году, спасаясь от преследований со стороны нацистов, семья переехала в Лондон, а затем перебралась в Нью-Йорк. Во время войны свободное владение немецким языком стало одной из причин для приглашения Киссинджера на работу в разведку. После окончания войны он занимался поиском в Германии бывших офицеров СС. Затем Киссинджер учился в Гарвардском университете, где получил учёную степень доктора – его докторская диссертация называлась «Мир, законность и равновесие (изучение искусства управления государством Каслрея и Меттерниха)». Позже он стал работать в фонде братьев Рокфеллеров, в 60-е годы был советником Нельсона Рокфеллера, который намеревался стать президентом США. А в 1968 году президент Никсон пригласил Киссинджера занять пост советника по национальной безопасности. С этого и началась его карьера в большой политике.

В книге «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» (авторы Н. Геворкян, Н. Тимакова, А. Колесников) есть такие строки:

«У меня потом, уже в Питере, была одна любопытная встреча с Киссинджером, и он неожиданно подтвердил то, о чём я тогда думал. Была такая комиссия – "Киссинджер – Собчак" – по развитию Петербурга, привлечению иностранных инвестиций. Киссинджер приезжал, по-моему, пару раз. Как-то я его встречал в аэропорту. Мы сели в машину и поехали в резиденцию. По дороге он меня расспрашивал, откуда я взялся, чем занимался. <...> Ну думаю, сейчас я тебя огорчу: "Вы знаете, я работал по линии разведки". Он спокойно: "За границей работали?" Я: "Работал. В Германии". Он: "В Восточной или Западной?" – "В Восточной". Он: "Все приличные люди начинали в разведке. Я тоже"».

Если учесть, что Киссинджер тоже служил в Германии, что оба – и Киссинджер, и Путин – родились в небогатых семьях, что после службы в разведке вскоре оказались в команде видных политиков, хотя и несопоставимого масштаба, то можно предположить, что между ними возникла взаимная симпатия. Действительно, они встречались не менее пятнадцати раз.

В 1992 году Путин был председателем комитета по внешним связям мэрии Ленинграда, в том же году переименованного в Санкт-Петербург. В команде мэра Собчака в ту пору был и Анатолий Чубайс, вскоре перебравшийся в Москву в

связи с назначением заместителем председателя правительства РФ. А Путин в это время трудился на благо родного города, не догадываясь о том, какие удивительные изменения произойдут в его карьере очень скоро.

В 1996 году Путин был приглашён в Москву, на должность заместителя управляющего делами Президента РФ. Но возникает вопрос: как человек из команды Собчака смог оказаться в команде Ельцина, если против самого Анатолия Александровича с конца 1995 года была развязана травля с целью не допустить его участия в президентских выборах в качестве одного из кандидатов?

Есть версия, что Путин, формально руководивший штабом Собчака на выборах мэра в 1996 году, на самом деле по заданию Кремля способствовал избранию Владимира Яковлева – за это ему будто бы была обещана должность в Москве. Однако трудно поверить, что семья Собчака сохранила добрые чувства к Путину, зная о его предательстве, поскольку развязанная против питерского мэра травля и проигрыш на выборах стали основными причинами его преждевременной смерти. Да и сам Собчак в своём последнем интервью газете *El País* ни словом не намекнул на то, что Путин мог сыграть зловещую роль в событиях 1996 года. Нет, для перевода Путина в Москву нашлись другие основания. Чтобы разобраться в этом, необходимо обратить внимание на события, которые предшествовали назначению Путина преемником, и оценить степень участия в таком серьёзном деле

Анатолия Чубайса.

Чубайса называют идеологом приватизации государственности в России. Питерский журналист Дмитрий Запольский в одном из интервью процитировал его слова:

«Нам нужен класс собственников, злых, сильных, агрессивных. Иначе нас сметут нафиг коммунисты и прочие уроды. Потом разберёмся, кому что передали – и наведём порядок».

На Западе оценили усердие Чубайса и с тех пор считают его экспертом по российским делам. Дважды Анатолия Борисовича приглашали на заседания Бильдербергского клуба, где финансовая элита ведущих стран мира время от времени обсуждает важнейшие проблемы и их влияние на финансово-экономическую конъюнктуру. В июне 2012 года приглашение было вызвано тем, что члены клуба хотели понять, как протестные акции радикальной оппозиции могут повлиять на положение в России, и насколько устойчива власть президента Путина. В мае 1998 года мировую финансовую элиту беспокоила аналогичная проблема, но речь шла о президенте Ельцине: позволит ли ему состояние здоровья эффективно управлять страной?

Скорее всего, именно тогда возникла мысль о том, что пора подыскать нового человека на эту должность – понятно, что решающее слово должен был сказать народ России, но одна из особенностей современной демократии состоит в том, что мнением людей легко манипулировать. Посколь-

ку Чубайс был приглашён всего лишь как эксперт, он никак не мог повлиять на принятие решения – своё слово должен был сказать куда более авторитетный человек. На эту роль подходит только постоянный член Бильдербергского клуба Генри Киссинджер, который был неплохо знаком с тем, что происходит в России ещё с тех пор, как входил в комиссию «Киссинджер-Собчак» в 1992 году. Именно Киссинджер мог предложить кандидатуру Путина. А всё дальнейшее – это уже дело техники, поскольку Чубайсу нетрудно было убедить Ельцина, что именно Путин способен навести порядок в государстве, а если станет президентом, то защитит от нападков недругов и самого экс-президента, и его семью.

Однако логика подсказывает, что человек с таким опытом, как Киссинджер, должен был ещё в 1996 году понять, что Ельцин уже исчерпал свои возможности и пора готовить ему замену. Поэтому он убедил Чубайса, с которым был знаком ещё с 1992 года, предложить Ельцину человека для усиления его команды. Юрист по образованию, бывший разведчик, имеющий немалый опыт управления хозяйством – нужно предложить ему важную работу, а если справиться, то продвигать на более высокий пост. В июле 1996 года Чубайс был назначен главой администрации президента, поэтому ему не составило большого труда убедить Ельцина, чтобы тот взял Путина в свою команду.

Сведущие люди утверждают, что Путин долго помнит добро. Вот и к Петру Авену относится благожелательно за

то, что в 1992 году, когда Петербург находился на грани голода, тот разрешил торговать сырьём напрямую с зарубежными странами. Впоследствии это Путину аукнулось стараниями комиссии Салье, но обошлось. Когда же Собчаку грозил арест, Путин тайно переправил своего бывшего шефа за границу. В пользу утверждения, что именно Чубайс способствовал новому назначению Путина, свидетельствует тот факт, что Анатолий Борисович остаётся в фаворе до сих пор, несмотря на явные провалы в его деятельности – тут и непродуманная реформа РАО ЕЭС, и авантюра с созданием компании Роснано.

Симпатия к Киссинджеру так же вполне оправдана, если верна версия, что именно он стал «крёстным отцом» нынешнего президента. Киссинджер, в свою очередь, не дал в обиду «крестника» ни после президентских выборов 2012 года, которые на Западе сочли сфальсифицированными, ни после внезапного присоединения Крыма к России, утверждая, что в событиях на Украине виновны руководители Европейского союза. Видимо, Путин пока не заслужил упреков, поскольку поддерживает хорошие отношения и с Израилем, и с еврейской диаспорой в своей стране.

Но вот вопрос: возможны ли доверительные отношения между политиками двух постоянно конфликтующих держав? Скорее всего, в каждом из них ещё сохраняется что-то от разведчика – оба стараются что-то разузнать, разобраться в тактике своих соперников. Однако некоторые политологи

думают иначе.

Гвин Дайер на следующий день после избрания Пути-на на первый президентский срок заявил на страницах The Moscow Times о своих сомнениях:

«Плохая новость о Владимире Путине состоит в том, что он восхищается Генри Киссинджером. Вспоминая разговор с ведущим защитником американской внешней политики, основанной исключительно на аморальных "стратегических" соображениях, Путин говорит, что Киссинджер не мог понять, почему бывший президент СССР Михаил Горбачёв распустил Варшавский договор и вывел советские войска из Восточной Европы. "Киссинджер был прав", добавляет Путин, "Мы избежали бы многих проблем, если бы мы не отступили так необдуманно". Это говорит о том, что представление Путина о том, как мир на самом деле работает в 21-м веке, столь же дефектно, как и у Киссинджера».

Увы, Дайер принял слова Генри Киссинджера за чистую монету, и не он один – многие благодарны Киссинджеру как идеологу «разрядки». Однако на самом деле его «заслуга» состоит лишь в том, что вовремя понял – Советский Союз нельзя победить в открытой войне, поэтому следует пойти другим путём, изменив идеологию его руководителей и значительной части населения, а для этого нужно развивать политические, научные и культурные связи. Суть этой тактики заключается в том, чтобы, используя возможности разрядки в отношениях между государствами, внедрить в России аме-

риканские ценности, ну а тогда уже никто не помешает наводить порядок в мире по стандартам США. Не сомневаясь в успехе, Киссинджер писал в своей книге «World Order», изданной в 2014 году: «единственной страной, способной создать новый порядок, являются США». Понимал ли это Путин, когда встречался с Киссинджером и когда садился в кресло президента России? Вот мнение Гвина Дайера:

«Означает ли это, что Путин стал мелкой сошкой или марионеткой "олигархов", которые процветали в коррумпированной среде, взлелеянной Борисом Ельциным? Возможно, но не обязательно. Это может просто означать, что он признаёт исключительную возможность нынешнего своего положения и достаточно умен, чтобы не стать заложником навязанной ему судьбы».

Пожалуй, с этим утверждением можно согласиться. Путин, как признанный знаток борьбы дзюдо, способен использовать любое действие соперника для реализации собственного плана.

Тут самое время вернуться к вопросу о том, почему рост стоимости нефти начался после обвала курса доллара, то есть именно в 2000 году. Выше уже было сказано, что забота о стабильности американской валюты входит в обязанности Федеральной Резервной Системы США. Считается, что это совершенно самостоятельная организация, не связанная никакими политическими обязательствами, хотя вряд ли можно говорить о независимости, если в состав ФРС входят и

государственные, и частные банки.

Тайную «кухню» этой организации попытался раскрыть Юстас Маллинз. По результатам своего исследования он написал книгу «Маллинз о Федеральном резерве» (Mullins on Federal Reserve) и предложил её нескольким американским издательствам – но получил категорический отказ. Книгу он сумел опубликовать в 1952 году только в Германии, однако сразу после этого был уволен с должности референта в библиотеке Конгресса США, а тираж книги был уничтожен по рекомендации Верховного комиссара США в Германии. Лишь в 1982 году доработанный вариант книги был издан в США.

Как следует из результатов исследований Маллинза и других зарубежных экспертов, среди основателей ФРС были Пол Варбург, Абрахам Кюн, Соломон Лёб, Маркус Голдман, Самюэль Сакс, Израэль Мозес Сейф, ну и конечно представители семейства Ротшильдов. Можно не сомневаться, что до сих пор на финансовом рынке хозяйничают их потомки. Не их ли следует поблагодарить за то самое, счастливое для нас падение курса доллара? А уж потом свою роль сыграли биржевые брокеры, и понеслось... Судя по всему, инициаторы этой акции вовсе не рассчитывали на то, что нефть взлетит чуть ли не до заоблачных высот.

Надо заметить, что не только Россия выиграла от повышения цены на нефть. Как раз в 2000 году появилась возможность добычи нефти на прежде недоступных сланцевых

месторождениях. Этому способствовала разработка технологии гидравлического разрыва пласта и горизонтального бурения, которую нефтедобытчики впервые применили на месторождении Баккен в Северной Дакоте. Благодаря росту нефтяных цен такая технология вскоре получила широкое распространение, что привело к освоению новых месторождений и стало одной из причин снижения цены на нефть в 2014 году. Вполне возможно, что инициаторы падения курса доллара рассчитывали именно на такое развитие событий – в этом случае следует отдать должное прозорливости американских финансовых магнатов.

Итак, есть основания считать, что продвижению Путина на вершину власти способствовали некие финансовые и политические круги, заинтересованные в поддержке российских евреев со стороны правительства, а также в углублении связей России и Израиля. План, разработанный Киссинджером, был предложен Ельцину в 1996 году через его ближайшее окружение, а в качестве решающего аргумента использовался следующий довод: только человек со связями в спецслужбах, лояльно относящийся к евреям, сможет защитить «семью» Ельцина от преследований со стороны коммунистов и антисемитов. Такое предположение более реально, чем вера в то, что план внедрения Путина во власть был разработан в недрах ФСБ. Важным аргументом в пользу этой версии послужили президентские выборы 2008 года.

Многие люди до сих пор недоумевают – почему своим

преемником Путин назначил Дмитрия Медведева? Ни политологи, ни журналисты так и не смогли дать вразумительный ответ. Возможно, Дмитрий Анатольевич силён в юриспруденции, однако неужели в окружении Путина не нашлось более подготовленного кандидата? Этот на первый взгляд странный выбор становится понятным, если принять во внимание вполне лояльное отношение Медведева к Израилю и к евреям. Не исключено, что здесь сыграли положительную роль этнические корни его жены и матери. Но все точки над «i» расставило сообщение, появившееся на сайте Jewish Telegraphic Agency (ЖТА) 2 марта 2008 года, когда состоялись президентские выборы:

«Взаимоотношения Медведева и еврейской общины не составляют тайны. Еврейские лидеры в России говорят, что они ожидают от Медведева сохранения прочных связей, которые евреи имели с Кремлём при Путине. Менее чем за неделю до того, как он был назван преемником Путина, Медведев посетил в Марьиной Роще штаб-квартиру Федерации еврейских общин России, которая является филиалом Хабад в России [имеется в виду иудейское религиозное движение Хабад-Любавич]. Через несколько дней раввин Берл Лазар [представитель Хабад в России], доверенное лицо Путина и главный раввин России, выразил тёплые чувства по отношению к Медведеву. "У нас было больше встреч с этим государственным деятелем, чем с любым другим за исключением президента Путина," заявил Лазар. "Можно сказать, что

он всегда был умным и опытным собеседником, способным обеспечить взаимопонимание"».

Конечно, никто не сумел бы навязать Путину этого премьера. Один лишь Киссинджер во время очередной встрече мог настоятельно рекомендовать, представив убедительные аргументы. Вряд ли он рассчитывал на то, что Медведев справится с ролью реформатора. Куда важнее было сохранить прежний курс.

Однако изложенной здесь версии противоречит ряд фактов, в частности, вынужденная эмиграция Владимира Гусинского и Бориса Березовского в 2000 году, что при желании можно расценить как результат преследования по этническому признаку. Увы, эти граждане сами виноваты – телекомпания НТВ, принадлежавшая Гусинскому, проводила уж очень независимую информационную политику, поддерживая сепаратистов во время Чеченской войны, а Березовский слишком рьяно стремился занять пост теневого правителя России. Мысль стать «серым кардиналом» возникла в голове Бориса Абрамовича сразу после президентских выборов 1996 года, когда воротилы финансового бизнеса смогли сохранить во главе страны Бориса Ельцина. Березовский не смог сдержать своих эмоций в телефонном разговоре с Романом Абрамовичем («Московский комсомолец», 21 июня 2006 года, Александр Хинштейн, Тайна «Атолла», часть II):

«Ты знаешь, на самом деле, мне ситуация всё больше и больше начинает нравиться... Ну никогда ведь в такой наг-

лой и явной форме евреи о себе не заявляли. Никогда! Вот так вот, без всяких запятых. Это медицинский факт!»

Тут Березовский продемонстрировал незнание истории – в октябре 1917 года стараниями Льва Троцкого многие евреи, униженные и оскорблённые царской властью, получили возможность и заявить о себе, и в полной мере реализовать свои способности. Только отстранение Троцкого от власти и репрессии 30-х годов положили конец этой нежелательной для Сталина экспансии.

Вот и теперь, Гусинскому не помогло даже избрание на пост вице-президента Всемирного еврейского конгресса от Восточной Европы и России. Это лишь доказывает, что судьба отдельных незадачливых евреев мало что значит, если их действия препятствуют проведению генеральной линии, выработанной куда более влиятельными людьми. Впрочем, Лев Кричевский, глава московского представительства ADL, в статье на сайте ADL в мае 2000 года выразил робкий протест после «атаки» на Гусинского и НТВ, предпринятой на канале ОРТ:

«Руководство России теперь должно продемонстрировать свою приверженность борьбе с проявлениями предрассудков на государственных телевизионных каналах».

Иное дело – арест Михаила Ходорковского, миллиардера, основателя организации «Открытая Россия». Если учесть, что в состав правления этого общественно-политического движения входили Джейкоб Ротшильд и Генри Киссинджер,

можно предположить, что Ходорковского готовили на роль преемника Владимира Путина. Однако странное дело, защитники прав еврейского народа в лице ADL весьма сдержанно отреагировали на атаку против Ходорковского и его сподвижников. После ареста Платона Лебедева представитель этой организации Лев Кричевский в статье, опубликованной на сайте JTA 21 июля 2003 года, заявил, что российские евреи не считают арест Платона Лебедева антисемитской акцией, поскольку Лебедев не является евреем. Столь же невнятной была реакция Кричевского и на приговор Ходорковскому (JTA 31 мая 2005 года):

«Российские еврейские чиновники полагают, что нефтяной магнат Михаил Ходорковский, который был приговорён на этой неделе к девяти годам лишения свободы, не был мишенью из-за своего еврейского происхождения – но многие считают, что судебный процесс действительно привёл к росту антисемитских настроений в России».

Абрахам Фоксман, национальный директор ADL, и премьер-министр Израиля Ариэль Шарон также высказывали опасения по поводу влияния антисемитизма в России на дело ЮКОСа, однако резких заявлений так и не было сделано. Здесь многое объясняют слова из интервью Фоксмана израильской газете Haaretz 16 декабря 2010 года:

«У нас общие ценности, у нас общая история, и так далее... Вы можете быть ханжой, и вы можете не любить евреев – быть антисемитом, но действовать в реальной политике

с целью поддержать Израиль».

Иными словами, поддержка Путину со стороны ADL и людей, финансирующих эту организацию, обеспечена до тех пор, пока он поддерживает Израиль. А кое-какие «шероховатости» в отношениях властей с евреями не имеют особого значения. Следует ли это заявление понимать так, что российские евреи не должны претендовать на власть в России, о чём мечтал Березовский и на что всё ещё надеется его преемник Ходорковский? Видимо, и Киссинджер, и Ротшильд убедились, что приход евреев к власти в России невозможен, а для воздействия на Кремль достаточно того, что удалось сделать в 90-е годы, когда ведущую роль в экономике стали играть энергичные люди с еврейскими корнями.

Известный финансовый спекулянт Джордж Сорос также не разрабатывал радикальных планов – его идея заключалась в том, чтобы воздействовать на сознание молодых россиян и воспитать новое поколение, которым со временем можно будет манипулировать точно так, как это делает демократически избранная власть в Европе или в США. В 1988 году Сорос учредил в СССР фонд «Культурная инициатива», который по собственному выбору поддерживал ряд просветительских проектов. На смену этому фонду пришёл фонд «Открытое общество», который вкладывал деньги в развитие науки и в образование. На деньги Сороса проводились учительские конференции, издавались сотни тысяч учебников для средней школы. Позднее задачей созда-

ния новой генерации людей занялись многочисленными НКО (некоммерческие организации), которые расплодились стараниями фонда Сороса.

Возможно, кому-то показалось, что Сорос – это бескорыстный альтруист, который не знает, как ещё потратить деньги, нажитые в результате финансовых афер. Однако деятельность его фонда вполне соответствует задачам организации Бнай Брит – не даром ADL одним из главных своих приоритетов считает защиту Сороса от обвинений со стороны антисемитов.

Фонд Сороса снизил свою активность в России после ареста Ходорковского, но это уже результат личных предпочтений, либо признание того, что реализация намеченного плана не принесла желанных результатов. А в 2015 году фонд был лишён права работать на территории нашей страны. Однако причина этого запрета не только в претензиях российских властей к деятельности фонда. Дело в том, что в августе 2016 года агентство JTA сообщило о взломе почты фонда Сороса «Открытое общество», где говорилось о том, что фонд «бросает вызов расистской и антидемократической политике Израиля» на международных форумах, в частности, ставя под сомнение репутацию Израиля как демократической страны. Понятно, что и российское руководство сделало соответствующие выводы.

Что касается ADL, то лига никак не отреагировала на запрет деятельности Сороса в России, видимо, не усмотрев в

этом признаков антисемитизма. Вместе с тем, Фоксман, национальный директор ADL, обвинил Путина в том, что тот разыгрывает «антисемитскую карту» на Украине, и сравнил возвращение Крыма в состав России с захватом Судет немцами в 1938 году. Поскольку это не имеет никакого отношения к диффамации евреев и противоречит курсу Израиля на сближение с Россией, Фоксман не удержался на своей должности.

Абрахам Фоксман был прав в одном – история время от времени повторяется. В IX веке руги пришли в Приднепровье, и через несколько веков на территории Евразии возникла огромная Российская империя. Потом власть на Руси захватили вернувшиеся из длительной эмиграции большевики – воспитанные на идеях европейских революционеров-демократов, они намеревались построить царство справедливости на всей Земле. Увы, не получилось, да и страна в итоге оказалась на грани разорения. Теперь не менее трудная миссия возложена на Путина – пора восстанавливать былое величие России. Возможно, ему удастся повысить реальные доходы населения, увеличить ВВП, а там, глядишь, по всей стране внедрят европейские стандарты процветания. Но будет ли всё сделано по справедливости?

Список использованных материалов

К части 1:

1. «Повесть Временных лет» (перевод Д.С. Лихачёва)
2. 'Annales Fuldenses' на сайте dmgh.de
3. «Фульдские анналы» (перевод А. Кулакова, 2010 г.) на сайте vostlit.info
4. Адам Бременский, «Деяния архиепископов гамбургской церкви» (перевод В.В. Рыбакова) на сайте vostlit.info
5. Adamus, 'Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum' на сайте hbar.phys.msu.ru
6. «Анналы Сан-Вааста» (874-900 гг.) (перевод А.И. Сидорова) на сайте vostlit.info
7. 'Annales Bertiniani', 1826 г. на сайте archive.org
8. «Анналы Гинкмара» (из «Бертинских анналов» 861-868 гг.) (перевод Ю.В. Фарафонова, 2015 г.) на сайте vostlit.info
9. «Бертинские анналы» на сайте vostlit.info
10. Римберт, «Житие св. Ангария» (перевод В.В. Рыбакова, 1997 г.) на сайте vostlit.info
11. «Круг земной», «Сага об Олаве Святом» на сайте norse.ulver.com
12. Саксон Грамматик, «Деяния данов» на сайте norse.ulver.com
13. «Хроникон о свершениях норманнов во Фран-

- кии» (перевод А.С. Козлов, 2009 г.) на сайте vostlit.info
14. 'Annales Xantenses' на сайте ia800302.us.archive.org
15. «Анналы Ксантена» (перевод А.И. Сидорова, 1999 г.) на сайте vostlit.info
16. 'Roslagen – från forntid till nutid' на сайте vatosorgarden.se
17. Михайло Ломоносов, главы о варягах из трактата «Древняя российская история»
18. Август Шлёцер, «Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке» на сайте dlib.rsl.ru
19. Василий Татищев, «История Российская», глава 4
20. Василий Татищев, «История Российская», глава 31
21. Николай Карамзин, «История государства Российского»
22. Василий Ключевский, «Русская история, полный курс лекций», лекция 9
23. Сигизмунд Герберштейн, «Записки о Московии»
24. Николаас Витсен, «Путешествие в Московию 1664 – 1665» (перевод В.Г. Трисман, 1996 г.) на сайте vostlit.info
25. Андерс Трана, «Дневник», (перевод А.М. Галимовой, 2007 г.) на сайте vostlit.info
26. Георгий. Вернадский, «Древняя Русь»
27. Ахмед ибн Фадлан, «Книга о путешествии на Волгу в 921-922 гг.» на сайте vostlit.info
28. Ибн Русте, «О славянах и русах» на сайте ros-istor.ru
29. Лиутпранд Кремонский, 949 г., «Антападосис, или

воздаяние» (перевод М.М. Стасюлевич, 1864 г.) на сайте vostlit.info

30. Лиутпранд Кремонский, 949 г., «Антападосис, или воздаяние» (перевод И.В. Дьяуонова, 2005-2012 гг.) на сайте vostlit.info

31. Константин Багрянородный, «Об управлении империей», гл. 1-53. Глава 2, «О пачинакитах и росах» (перевод под редакцией Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева, 1991 г.) на сайте vostlit.info

32. Jordanes, 'Getica' (латинский текст) на сайте krotov.info

33. Иордан, «О происхождении и деяниях гетов» (перевод Е.Ч. Скржинской, 1960 г.) на сайте vostlit.info

34. «Баварский географ» (перевод А.В. Назаренко, 1993 г.) на сайте vostlit.info

35. «Анналы королевства франков», 741-829гг., часть 2 (перевод А. Вольнец, 2009) на сайте vostlit.info

36. Эйнхард, «Жизнь Карла Великого» (перевод М.С. Петровой, 1999 г.) на сайте vostlit.info

37. Видукинд Корвейский, «Деяния саксов» (перевод Г.Э. Санчука, 1975 г.) на сайте vostlit.info

38. «Будинский изборник» (Мекленбургская генеалогия), текст и оригинал, на сайте kirsoft.com.ru

39. Лев Гумилёв, «Откуда есть пошла Русь...», «Слово», 1992 г., № 8, с. 6-12.

40. Интервью Валентина Янина на сайте gas.ru, 6 сентября 2007 года

41. Аполлон Кузьмин, «Крещение Киевской руси»
42. Лидия Грот, «Свеям из Средней Швеции было не до этого», статья на сайте pereformat.ru, 2015 г.
43. Лидия Грот, «Происхождение Руси, а не происхождение имени Руси», статья на сайте pereformat.ru, 2011 г.
44. Лидия Грот, «Снова о Рослагене, где поселили князя Рюрика», статья на сайте pereformat.ru, 2013 г.
45. Переписка Грозного и Курбского (сайт Пушкинского дома)
46. Василий Ключевский, «Иван Грозный»
47. Сергей Соловьёв, «Учебная книга по русской истории», гл. 27
48. Сергей Соловьёв, «История России с древнейших времён», том 1, глава 4
49. Карл Маркс. «Разоблачения дипломатической истории XVIII века»
50. Михаил Геллер, «История Российской империи», глава 5
51. Н. Непомнящий, «100 великих загадок русской истории» (текст Завещания Петра I)
52. Lesur Charles-Louis, 'Des progrès de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX-e siècle', Paris, 1812
53. Элиот Коэн, «История и гипердержава», статья на сайте globalaffairs.ru, 8 ноября 2004 года
54. Сочинение Абуль-Хасана Али ибн-Хуссейна, извест-

ного под именем Аль-Масуди (публикация Абрама Гаркави, 1870 г.) на сайте vostlit.info

55. С.А. Мезин, «Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I», 2003 г.

56. Förstemann E.W. *Altdeutsches namenbuch*. 1856

57. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб, 1870

58. Horváth K.L. *Kukkónia – Žitný ostrov*. Dunajská Streda: LOAR, 2016

59. Hudud al-Alam. *The Regions of the World // A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D. Translated and explained by V. Minorsky*. London, 1937

60. Иордан. «О происхождении и деяниях гетов» / Вступительная статья, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской). М., 1960.

61. Калинина Т.М., Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия, Том III: Восточные источники. М. Русский Фонд Содействия Образованию и Науке. 2009

62. Kaufmann H. *Altdeutsche Personennamen*. 1968. 437 S.

63. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков. 1956

64. Kollár D., T. Grigorjanová. *Slovensko-ruský slovník I.-II*. 2011

65. Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М.: Восточная литература, 2006

66. Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники

IX-XI веков. М.: Наука, 1993

67. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М.: Языки русской культуры, 2001

68. Павел Диакон. Из «Истории лангобардов» / Пер. с лат. Ю.Б. Циркина // Памятники средневековой латинской литературы IV-IX веков. М.: Наука, 1970

69. Рубинчик Ю.А. Персидско-русский словарь. М.: Русский язык, 1970

70. Steingass F. Persian-English dictionary, London, 5th impression, 1963

71. Tibor Z., Banic V., Navrátil L., Kmet V., Ac P., Rajskey D. Az Aranykert közepén – Dunaszerdahelyi járás – Uprostred Zlatej Záhrady – okres Dunajská Streda. Nap Kiadó. Dunaszerdahely, 2012

72. Shevelov G.Y. A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964

73. Šekli M. Primerjalno glasoslovje slovanskih jezikov. T.1, Ljubljana, 2016

74. Stieber Z. Zarys dialektologii jezykow zachodnioslowianskich z wyborem tekstow gwarowych. Warszawa, 1956

75. Хвольсон Д.А. Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадырах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб. 1869

К части 2:

76. Документы о наследстве Николая Шмидта на сайте leninism.su

77. The New York Times, 20 марта 1917 года, статья о праздновании победы русской революции на сайте query.nytimes.com

78. The New York Times, 24 марта 1917 года, поздравление от Джейкоба Шиффа на сайте query.nytimes.com

79. The New York Times, 19 марта 1917 года, интервью Луиса Маршалла, президента Американского еврейского комитета и члена правления общества «Друзья русской свободы» на сайте query.nytimes.com

80. The New York Times, 3 апреля 1917 года, телеграмма барона Александра Гинзбурга Луису Маршаллу на сайте query.nytimes.com

81. K. Bolton, 'Trotsky, Stalin and the Cold War' на сайте home.alphalink.com.au

82. Richard B. Spence, 'Hidden Agendas: Spies, Lies and Intrigue Surrounding Trotsky's American Visit, January-April 1917', *Revolutionary Russia*, Volume 21, Issue 1 June 2008, 33 – 55

83. Ричард Спенс о Троцком, 2 марта 2011 года на сайте svoboda.org

84. Ричард Спенс, «Троцкий в Нью-Йорке», 4 марта 2011 года на сайте svoboda.org

85. Kerry R. Bolton, 'Responses of international capital to the Russian revolution', на сайте ijors.net

86. Энтони Саттон, «Уолл-стрит и большевистская революция», сс. 9,10

87. Стенограмма заседаний комитета Овермана на сайте babel.hathitrust.org, сс. 1994, 2001
88. Протоколы VI съезда РСДРП(б) на сайте istmat.info
89. В.И. Ленин, «О лозунге Соединённых штатов Европы», газета «Социал-демократ», № 44, 23 августа 1915 года
90. В.И. Ленин, полное собрание сочинений, том 26, «Социализм и война»
91. В.И. Ленин, полное собрание сочинений, том 49, телеграмма Якову Ганецкому
92. В.И. Ленин, «У последней черты», газета «Социал-Демократ» № 48, 20 ноября 1915 г., на сайте leninism.su
93. Максим Горький, «В.И. Ленин» на сайте tov.lenin.ru
94. Л. Троцкий, «Разоружение и Соединённые штаты Европы», «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)» № 6, 4 октября 1929 г., на сайте magister.msk.ru
95. Б.И. Николаевский, «Тайные страницы истории» (перевод документов из архива германского МИД за 1915 – 1918 гг.) на сайте lib.ru
96. Юрий Фельштинский, «Ещё раз о немецких деньгах» на сайте lib.ru
97. З. Земан, В. Шарлау, «Парвус – купец революции», Нью-Йорк, 1991 г.
98. Телеграмма Павла Аксельрода, Льва Мартова и др. на сайте lib.ru
99. Дэвид Ллойд Джордж, «Военные мемуары», том 6, 1937 г.

100. Антон Антонов-Авсеенко, «Большевики. 1917»
101. З. Перегудова, «Политический сыск России»
102. Речь Сталина на выпуске академии РККА 4 мая 1935 года
103. Показания Ольги Зайончковской и Н.Е. Какурина
104. Лев Троцкий, «Сталин» на сайте militera.lib.ru
105. Бенедикт Сарнов, «Сталин и писатели», книга третья
106. Наталья Горбаневская, «Полдень»
107. Джесси Рассел, «Межрегиональная депутатская группа»
108. Юрий Орлов, «Опасные мысли», 1991 г. на сайте sakharov-center.ru
109. Интервью с Людмилой Алексеевой на сайте svoboda.org 15 августа 2014 г.
110. Интервью с Владимиром Буковским на сайте «Русская Германия» 27 мая 2008 года
111. Владимир Буковский, «Московский процесс», часть 1
112. «Сноб», 9 марта 2012 года, Собчак и Соколова в гостях у Буковского
113. «Независимая газета», 19 ноября 2015 года, «Южинский кружок», статья памяти Юрия Мамлеева
114. Справочники «Вся Москва» на 1901, 1908, 1910, 1915, 1916, 1925 гг. на сайте book-old.ru
115. Справочные книги о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по городу Москве на 1877 –

1882 г., сайт rusingenealogy.clan.su

116. Лев Копелев, «Открытое письмо Солженицыну», 1985 г.

117. Владимир Бушин, «Александр Солженицын. Гений первого плевка», 2005 г.

К части 3:

118. Александр Яковлев, «Омут памяти», 2001 г.

119. Александр Яковлев, статья «Против антиисторизма», 2005 г. на сайте left.ru

120. В.И. Ленин, «Как организовать соревнование»

121. Интервью с Олегом Калугиным, 28 марта 2015 года на сайте svoboda.org

122. Интервью с Олегом Калугиным, декабрь 2014 года на сайте internetsobor.org

123. Статья Владимира Медниса «Проигранный турнир», 30 марта 2001 года на сайте nvo.ng.ru

124. Газета «Газета», 19 декабря 2003 года, интервью с Владимиром Крючковым

125. Газета «Коммерсант», 24 октября 2005 года, статья о Яковлеве (отрывок из воспоминаний Виктора Чебрикова)

126. Статья о А. Яковлеве, 5 марта 2011 года (отрывок из воспоминаний Валентина Фалина) на сайте km.ru

127. Валерий Болдин, «Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачёва», 1995 г.

128. Владимир Крючков, «Личное дело», 2003 г.

129. Hearing on U.S. Security Strategy Post-9/11, November

6, 2007 (выступление Ричарда Армитеджа)

130. Яковлев А.Н., «Большевизм – социальная болезнь XX века», из книги «Чёрная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии», перевод с французского, 2001 г.

131. Интервью с Ричардом Пайпсом, 21 мая 2014 года на сайте rusplt.ru

132. Егор Гайдар, «Гибель империи», 2007 г.

133. The Daily News, Gwynne Dyer, «Yeltsin, the man who failed Russia», 26 апреля 2007 года

134. Интервью с Михаилом Полтораниным – 22 ноября 2014 года на сайте kr.ru

135. Михаил Полторанин, «Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса», 2010 г.

136. 'The Secrets of the Federal Reserve by Eustace Mullins'

137. Интервью с Петром Авеном 2 мая 2012 г. на сайте forbes.ru

138. П. Авен, А. Кох. «Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук», 2013 г.

139. Статья «What I did in Russia», 14 марта 2012 года, сайт Джеффри Сакса

140. Статья Майкла Макфола из журнала Wilson Quarterly, июль 2007 г.

141. «Московский комсомолец», 21 июня 2006 года, А. Хинштейн, «Тайна Атолла-2»

142. Интервью с Юрием Афанасьевым 10 августа 2007 года на сайте svoboda.org

143. «Эхо Москвы», программа «Без дураков», 19 ноября 2008 года
144. Интервью с Петром Авеном на сайте forbes.ru
145. 'America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy', 2009 г.
146. Статья Льва Кричевского, 21 июля 2003 года на сайте JTA
147. Статья Льва Кричевского, 4 ноября 2003 года на сайте JTA
148. Статья Льва Кричевского, 31 мая 2005 года на сайте JTA
149. Статья о Моше Канторе и ADL, 17 февраля 2016 года на сайте forward.com
140. Статья в газете Haaretz о Канторе, 22 февраля 2016 года
151. 'The Nixon Tapes' (расшифровка аудиозаписей бесед президента Ричарда Никсона с сотрудниками своей администрации)
152. Kissinger Remarks On Nixon Tapes Reveal 'Disturbing Flaws,' But Do Not Change His Legacy, 13 декабря 2010 года, статья о Киссинджере и Никсоне на сайте ADL
153. Интервью с директором ADL Абрахамом Фоксманом в газете Haaretz 16 декабря 2010 года
154. The Guardian, 15 декабря 2001 года, статья об учреждении фонда «Открытая Россия»
155. Статья бывшего сотрудника госдепартамента США

доктора Альфреда М. Лилиентала, «Изменившаяся роль ADL», июнь 1992 г., сайт wrmea.org

156. Интервью Дэвида Роземана в апреле 2015 года на сайте thevermontstandard.com

157. Статья о Джордже Соросе на сайте balder.org

158. Биография Джорджа Сороса на сайте neopresse.com

159. Статья 12 ноября 2010 года на сайте cbsnews.com о том, как ADL выступила в защиту Сороса

160. Статья 11 ноября 2010 года в защиту Сороса на сайте ADL

161. Статья на сайте tc.columbia.edu о профессорах фонда Шиффа в Колумбийском университете

162. Статья о биографии Юрия Андропова, журнал «Итоги», № 40, 3 октября 2005 года

163. Список генералам, штаб и обер офицерам Войска Донского по старшинству, 1897 г. на сайте book-olds.ru

164. Список служилым генералам и штаб-офицерам Войска Донского, 1868 г. на сайте book-olds.ru

165. Лейб-гвардии Казачий полк, сайт dlib.rsl.ru

166. Rachel Verdon, 'Murder by Madness 9/11: The Government & the Goon Squad', 2012

167. Интервью с Дмитрием Запольским 29 декабря 2015 года на сайте rusmonitor.com

168. Статья о роли Путина в судьбе Собчака на сайте rusmonitor.com

169. Marcel H. Van Herpen, «Странная дружба Путин –

Киссинджер»

170. The Moscow Times, 28 марта 2000 года, статья Гвина Дайера (Gwynne Dyer) о Путине и Киссинджере

171. Н. Геворкян, Н. Тимакова, А. Колесников. «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным»

172. Статья Михаила Шевелёва 14 октября 2009 года на сайте svoboda.org

173. Статья Олега Мороза 26 октября 2009 года на сайте svoboda.org

174. Статья Юрия Фельштинского 2 ноября 2009 года на сайте svoboda.org

175. Статья Якова Миркина 12 октября 2011 года на сайте forbes.ru

176. 'Fall of the Dollar', август 2003, сайт globalpolicy.org

177. Интервью Кеннета Рогоффа и Ирвина Стелзера 2 декабря 2004 г. на сайте pbs.org

178. Статья о кризисе 2008 года и 16,115 триллионах долларов, 1 сентября 2012 года, сайт sott.net

179. Отчёт аудита ФРС, июль 2011 года, на сайте ru.scribd.com

180. Статья Джоша Коэна 20 января 2016 года, на сайте geo-politica.info

181. Статья, посвящённая взаимоотношениям Медведева и Федерации еврейских общин России, 2 марта 2008 года, на сайте ЖТА

182. Владимир Колганов, «Серый квадрат: от Березовско-

го до Навального», 2015 г., на сайте amazon.com